

Человек планеты, любящий мир. Преподобный Мун Сон Мён. Автобиография

В своей автобиографии, ставшей бестселлером в Южной Корее, преподобный Мун Сон Мён делится воспоминаниями о богатой событиями жизни:

об истории своей семьи и о детстве, о школьных годах и о Божьем призыве в возрасте 15 лет, о жестоких преследованиях и тюремных заключениях, о создании Церкви Объединения и начале миссионерской работы по всему миру, о бракосочетании с г-жой Мун Хан Хак Джа и о важности института семьи и брака, а также о своем страстном стремлении к объединению Кореи и построению мира на земле.

Преподобный Мун рассказывает о ряде проектов в сферах образования, культуры, искусства и спорта, о природоохранных и океанических предприятиях, а также смело заглядывает в будущее человечества и передает свое послание к молодежи.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

ГЛАВА 1

ПИЦЦА — ЭТО ВЫРАЖЕНИЕ ЛЮБВИ

Что я узнал о мире, когда мой отец нес меня на спине

Радость поделиться пищей с другими

Стать другом для всех людей

Мой ясный жизненный компас

Упрямый ребенок, который никогда не отступает

Любить природу, чтобы учиться у нее

Разговор с букашкой про Вселенную

Ученик, рьяно взявшийся за учебу

ГЛАВА 2

СЛЕЗЫ, ПОТОКОМ ЛЬЮЩИЕСЯ ИЗ СЕРДЦА

На перепутье между страхом и вдохновением

Любите тем сильнее, чем нестерпимее боль

Если кинжал не точить, он со временем заржавеет

Ключ к открытию величайшей тайны

Граната с выдернутой чекой

Подружиться с рабочими, разделив их страдания

Безмятежное море любви

Пожалуйста, не умирай

Приказ, которому нельзя не подчиниться

Рисовое зернышко, ставшее дорожкой целого мира

Тюрьма Хыннам, запорошенная снегом

Вооруженные силы ООН открывают ворота тюрьмы

ГЛАВА 3

САМЫЙ СЫТЫЙ ЧЕЛОВЕК НА СВЕТЕ

«Ты — мой духовный учитель»

Симпатичный, но немного чокнутый молодой человек, живущий у колодца

Церковь, не принадлежащая ни к одной из деноминаций

Два университета исключают студентов и увольняют профессоров

Даже на обожженных ветвях проклюнутся свежие ростки

Наши раны помогут нам стать сильнее

Искренность души важнее всего

ГЛАВА 4

ВСЬ МИР — АРЕНА ДЛЯ НАШИХ ДЕЙСТВИЙ

Следовать за Богом, не заботясь о собственной жизни

Деньги, заработанные благородным трудом, используются с молитвенным отношением

Сила танца, захватившая весь мир

Ангелы прокладывают тропу сквозь темную чащу леса

Мировое турне

Последний рейс в Америку

Океан — наше будущее

Преподобный Мун — источник новой революции в Америке

Митинг у памятника Вашингтону в 1976 году

«Не плачьте обо мне — плачьте о мире»

«Почему мой отец должен сесть за решетку?»

ГЛАВА 5

СЕМЬИ, В КОТОРЫХ ЦАРИТ ЛЮБОВЬ, СПОСОБНЫ ИЗМЕНИТЬ МИР

Моя жена, Мун Хан Хак Джа

Несравненная внутренняя красота

Обеты, которые ни в коем случае нельзя нарушать

Любить — значит отдавать и забывать об этом

Счастливая семья — краеугольный камень Царства Небесного

Слезы, пролитые за десять лет, растопили сердце свекра

Истинное значение брака

Истинная любовь живет в истинных семьях

Оставляйте после себя наследие любви

ГЛАВА 6

ПРОДОЛЖАЙТЕ ЛЮБИТЬ — И ЕДИНСТВО ПРИДЕТ

Сила религии — в ее способности привести людей к добру

Река никогда не отвергает стекающих к ней ручьев

«Пусть в Советском Союзе будет свобода вероисповедания!»

Объединение Кореи приведет к объединению всего мира

Моя встреча с президентом Ким Ир Сенем

Можно разделить страну, но не ее народ

Не силой оружия, а силой истинной любви

ГЛАВА 7

БУДУЩЕЕ КОРЕИ — БУДУЩЕЕ ВСЕГО МИРА

Гармония в мире зародится на Корейском полуострове

От страданий и слез — к миру и любви

Основная цель религии XXI века

Культурные проекты как отражение творческого начала Бога

Хозяин морей и будущее нашего мира

Прекрасные возможности, открывающиеся перед нами в океаническую эпоху

Простой одуванчик дороже золота

Решение проблемы нищеты и голода

Чтобы покончить с проблемой голода, одной благотворительности недостаточно

ГЛАВА 8

НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ МОЛОДЕЖИ

Поставьте перед собой цель и измените свою жизнь

Способность охватить весь мир

Все, что у нас есть, одолжено Небесами
Счастье — это жизнь, прожитая ради других
Мечта о бесконфликтном мире

Предисловие

Всю ночь напролет шел весенний дождик, завершивший период зимней засухи. На улице после дождя было так хорошо, что я провел все утро, прогуливаясь в саду. Снизу поднимался аромат влажной земли, по которому я так скучал всю зиму, а на плакучих ивах и вишнях уже набухли первые весенние почки. Повсюду мне чудились звуки пробуждающейся жизни и признаки появления молодой поросли тут и там в саду. Я и не заметил, как моя жена, выйдя в сад следом за мной, стала срывать молодые ростки полыни, которым удалось проклюнуться сквозь сухой газон. Ночной дождь превратил весь мир в благоухающий весенний сад.

Каким бы суматошным ни был мир, как только наступает март — жди прихода весны. Чем старше я становлюсь, тем больше ценю весну, которая сменяет зиму и приносит с собой море благоухающих цветов. Кто я такой перед лицом Бога, Который чередует сезон за сезоном, позволяя распускаться цветам и падать снегу, чтобы я мог сполна ощутить радость жизни? Любовь переполняет меня, поднимаясь все выше из самых глубин моего сердца, и меня просто захлестывают эмоции... Я буквально до слез тронут мыслью о том, какие подлинные, настоящие ценности дарованы мне просто так.

За свою жизнь я исколесил планету вдоль и поперек, изо всех сил стремясь достичь мира на земле, и все же лишь здесь, в весеннем саду, я могу ощутить настоящий мир. Мир также был дарован нам Богом, но мы где-то потеряли его и теперь всю жизнь ищем не там, где надо.

Чтобы построить мир на нашей планете, я всю свою жизнь ездил по самым глухим и отдаленным местам. В Африке я встречал матерей, которые могли лишь беспомощно смотреть, как их дети умирают от голода, а в Южной Америке видел отцов, которые жили рядом с реками, полными рыбы, и не могли прокормить свою семью, так как не умели рыбачить. Я начал с того, что просто поделился с ними едой, а они в ответ одарили меня любовью.

Опьяненный силой любви, я стал расчищать девственные леса и сеять семена. Мы вместе ловили рыбу, чтобы накормить голодных детей, а потом рубили деревья и строили школы. Я был счастлив рыбачить всю ночь напролет, даже когда комары объедали меня с ног до головы. Я был счастлив, даже проваливаясь в грязь по колени, потому что видел, как с лиц окружающих меня людей исчезает тень одиночества.

В поисках кратчайшего пути к установлению мира во всем мире я посвятил себя тому, чтобы добиться перемен в политике и изменить образ мышления людей. Я встречался с президентом Михаилом Горбачевым в Советском Союзе, стараясь примирить коммунизм и демократию, а также с президентом Ким Ир Сенем в Северной Корее, с которым вел серьезные переговоры о достижении мира на Корейском полуострове.

Я отправился в Соединенные Штаты, переживающие нравственный упадок, как пожарный мчится на вызов, чтобы возродить в этой стране дух пуританской церкви. Я посвятил себя урегулированию самых разных конфликтов и трудился ради примирения мусульман и евреев, не побоявшись даже лютого террора. В результате моих усилий тысячи евреев, мусульман и христиан смогли принять участие в совместных мирных демонстрациях и маршах.

Однако, к сожалению, конфликт продолжается до сих пор. Тем не менее, я надеюсь, что на моей родине, в Корее, очень скоро зародится эпоха мира. Жители Корейского полуострова прошли жесткую тренировку, терпя бесконечные страдания и трагедию разделения, и я чувствую каждой клеточкой тела, как мощная энергия, скопившаяся здесь, вот-вот выплеснется наружу. Никто не в силах остановить приход весны, и

точно так же никто не может преградить путь Небесной удаче, которая нисходит на Корейский полуостров и распространяется по всему миру. Люди должны быть готовы подняться ввысь, подхваченные приливной волной Небесной удаче.

Я — противоречивый человек. Даже простое упоминание моего имени вызывает у людей тревогу и беспокойство. Я никогда не стремился к славе или богатству и всю жизнь только и делал, что призывал к миру. Однако люди что только не связывали с моим именем! Сколько раз они отвергали меня и забрасывали камнями... Многим вообще неинтересно, о чем я говорю и чем занимаюсь. Они просто противостоят мне — и все.

В своей жизни я пережил шесть несправедливых тюремных заключений — в императорской Японии, при режиме Ким Ир Сена в Северной Корее, при правительстве Ли Сын Мана в Южной Корее и даже в США; меня порой избивали так сильно, что от моего тела отлетала кусками плоть. Однако сейчас в моем сердце не осталось ни одной самой крохотной ранки. Старые раны легко заживают перед лицом истинной любви, и даже враги тают и исчезают без следа. Истинная любовь — это такая любовь, которая отдает, забывает о том, сколько она уже отдала, и снова отдает и любит.

Я прожил всю свою жизнь, опьяненный такой любовью. Мне больше ничего не было нужно — только любовь, и я изо всех сил стремился поделиться этой любовью с теми, у кого ничего нет. Порой путь любви был таким тяжелым, что у меня подгибались колени, но даже в такие моменты я был счастлив, посвящая себя любви к человечеству.

Даже сейчас меня переполняет любовь, которую я пока не успел отдать людям. Я передаю вам эту книгу с молитвой о том, чтобы эта любовь, подобно реке мира, напитала влагой пересохшую землю и пролилась дальше, до самого края земли.

В последнее время все больше и больше людей интересуются мной и моей жизнью. Чтобы удовлетворить ваше любопытство, я заглянул в глубины своей памяти и собрал в этой книге откровенные воспоминания о прожитой жизни. Конечно, многие эпизоды не вошли в эту книгу, но я надеюсь, что у меня еще будет возможность ими поделиться.

Я выражаю всю свою безграничную любовь тем, кто верил в меня, оставался рядом и прожил свою жизнь вместе со мной — особенно моей жене, Мун Хан Хак Джа, которой я глубоко признателен за то, что она вместе со мной преодолевала самые крутые вершины.

И, наконец, я хочу выразить свою искреннюю благодарность госпоже Пак Юн Джу, президенту издательства «Ким Ён Са», которая со всей искренностью и посвященностью участвовала в подготовке этой книги к публикации, а также всем сотрудникам издательства, которым пришлось приложить немало усилий, чтобы отредактировать мой сложный для восприятия рассказ и сделать его более понятным для читателей.

Мун Сон Мён

Чхонпхён, Южная Корея

1 марта 2009 г.

ГЛАВА 1

ПИЩА — ЭТО ВЫРАЖЕНИЕ ЛЮБВИ

Что я узнал о мире, когда мой отец нес меня на спине

Всю свою жизнь я думал только об одном: я хотел построить мир на земле, где не бывает войн и где все человечество живет в любви. Кто-нибудь, наверное, спросит: «Неужели вы думали о мире даже в раннем детстве?» Но что странного в том, что ребенок мечтает о мире?

В 1920 году, когда я появился на свет, Корея находилась под японской военной оккупацией. Но даже после освобождения страны в 1945 году сначала разразилась Корейская война, а затем начался азиатский финансовый кризис и множество других нелегких испытаний. В течение долгих лет Корея была слишком далека от такого

понятия, как мир. Однако времена страданий и неразберихи коснулись не только Кореи. Две мировые войны, война во Вьетнаме и многочисленные войны на Ближнем Востоке показали, что жители Земли враждебно настроены друг к другу, держат друг друга под прицелом и забрасывают бомбами. Наверное, для тех, кто пережил все эти ужасы и насмотрелся на окровавленные тела и раздробленные кости, мир кажется чем-то совершенно нереальным, как мечта или сон. И, тем не менее, достичь мира не так уж и трудно. Для начала мы можем ощутить мир в воздухе, которым дышим, в окружающей природе и в людях вокруг нас.

Когда я был маленьким, все окрестные полянки и луга были моим домом. Мигом проглотив чашку риса на завтрак, я тут же выбегал на улицу и проводил весь день среди гор и ручьев. Я мог целыми днями бродить по лесу вместе с самыми разными птицами и зверушками, питаюсь травами и дикими ягодами и никогда не чувствуя себя голодным. С раннего детства я знал, что душой и телом мне вольготнее всего в лесной глуши.

Вдоволь наигравшись, я частенько засыпал прямо в горах. И тогда отцу приходилось идти и искать меня. Стоило мне услышать, как он зовет меня издали: «Ён Мён! Ён Мён!», — и я тут же невольно улыбался, даже если спал. В детстве меня звали Ён Мёном. Хотя голос отца будил меня, я все равно притворялся спящим, и тогда он взваливал меня себе на спину и нес домой. То чувство, когда он нес меня на спине вниз с горы, — чувство полной защищенности, когда можно ни о чем не беспокоиться, — это и был настоящий мир. Так я и узнал, что такое мир — когда отец нес меня на спине.

Я любил лес еще и потому, что это самое мирное место на нашей планете. Ни одно живое существо в лесу не конфликтует с другими. Конечно, они поедают других и сами становятся пищей, но лишь по той причине, что голодны и должны подкреплять свои силы. Они не дерутся друг с другом из-за вражды. Ни одна птица не испытывает ненависти к другим птицам, и ни одно животное не ненавидит другого. Деревья также не ссорятся и не враждуют между собой. Для того чтобы наступил мир, необходимо полное отсутствие враждебности. Люди — единственные существа, способные ненавидеть себе подобных. Люди ненавидят других людей из-за того, что те живут в другой стране, исповедуют другую религию или вообще думают по-другому.

Я побывал почти в двухстах странах мира. Среди них не так уж много стран, где я, приземлившись и выйдя из аэропорта, сказал бы себе: «Вот это действительно мирное и спокойное место!» Во многих государствах из-за гражданских беспорядков вооруженные солдаты патрулируют аэропорты и блокируют улицы: там днем и ночью слышны звуки стрельбы. Слишком часто я оказывался на волоске от гибели в тех местах, куда приезжал говорить о мире. В современном обществе разгорается бесконечная череда больших и малых конфликтов и столкновений. Десятки миллионов людей страдают от голода из-за того, что им совсем нечего есть, в то время как целые триллионы долларов уходят на вооружение! Денег, потраченных на оружие и бомбы, хватило бы с лихвой, чтобы раз и навсегда покончить с проблемой голода в мире.

Я посвятил всю свою жизнь тому, чтобы протянуть мосты мира между странами, которые ненавидят друг друга и считают врагами из-за идеологических и религиозных различий. Я открывал форумы, где собирались представители ислама, христианства и иудаизма, и пытался примирить точки зрения Соединенных Штатов и Советского Союза относительно войны в Ираке. Я пытался добиться примирения между Северной и Южной Кореей. Я делал это не ради денег или славы. Как только я достаточно повзрослел, чтобы понять, что творится в мире, в моей жизни утвердилась лишь одна цель — добиться, чтобы на планете воцарились мир и единство. Это все, что мне было нужно. Было очень нелегко день и ночь жить только ради воплощения мира, но это — единственное, что могло сделать меня счастливым.

Во времена Холодной войны всем нам пришлось пережить боль разделения мира на два лагеря из-за идеологических различий. Тогда казалось, что стоит коммунизму

исчезнуть, как тут же воцарится мир. Однако теперь, когда Холодная война уже позади, мы обнаружили, что конфликтов стало еще больше. Сейчас мир расколот на расовой и религиозной почве. Многие страны-соседи не в ладах друг с другом. В довершение ко всему во многих случаях раскол существует и внутри страны — по признаку национальной, религиозной или этнической принадлежности. Люди относятся друг к другу как к врагам, стоя по разные стороны баррикад и отказываясь раскрыть друг другу объятия.

На примере истории человечества мы видим, что самые кровавые и жестокие войны разгорались не между странами, а между расами и национальностями. И среди них самыми страшными были те, что имели религиозную подоплеку. Во время гражданской войны в Боснии — войны, ставшей одним из жесточайших этнических конфликтов XX века, — были уничтожены тысячи людей, в том числе и дети. 11 сентября 2001 года тысячи невинных жизней были погребены под развалинами башен Всемирного торгового центра в Нью-Йорке, которые были полностью разрушены после того, как в них врезались пассажирские самолеты. Также совсем недавно в палестинском секторе Газа и на юге Израиля сотни людей лишились жизни в результате ракетного обстрела. Их дома были разрушены, и им пришлось выживать, находясь на волосок от гибели. Все это — страшные последствия межнациональных и межрелигиозных конфликтов.

Что побуждает людей так жестоко ненавидеть и убивать друг друга? Причин может быть много, однако, в подавляющем большинстве случаев, во всем этом замешана религия. Это касается как войны в Персидском заливе, так и арабо-израильского конфликта за контроль над Иерусалимом. Когда расисты в качестве предлога используют религию, проблема осложняется еще больше. Зловещие призраки религиозных войн, которые, как мы думали, остались в Средневековье, продолжают преследовать нас и в XXI веке.

Религиозные войны не прекращаются из-за того, что многие политики используют вражду между религиями для осуществления своих эгоистичных замыслов. Покоряясь интересам политики, религии отклоняются в сторону от своего пути и начинают колебаться, теряя видение своей изначальной цели — служить на благо мира. Задача всех религий — приблизить наступление мира на земле. Однако нам, к сожалению, приходится наблюдать, как они вместо этого лишь разжигают конфликты.

За кулисами этого зла скрываются махинации политиков, в которых замешаны деньги и власть. Ответственность любого лидера прежде всего состоит в том, чтобы сохранить мир. Однако лидеры зачастую поступают с точностью до наоборот и приводят наш мир к столкновениям и насилию.

Такие лидеры используют религии и национализм как прикрытие для своих эгоистичных амбиций. Пока отношение этих людей не изменится должным образом, страны и нации будут продолжать терять направление и пребывать в замешательстве. На самом деле ни религиозная вера, ни любовь к своей нации не несут в себе зла. Они бесценны, если направлены на построение единого всемирного сообщества людей. Однако если какая-то отдельная религия или этническая группа заявляет, что лишь она истинна, а все остальные достойны лишь презрения и всяческих нападок, такая религия и такая любовь к своей нации теряют всякую ценность. Если религия доходит до того, что втоптывает в грязь другие религии и относится к ним, как к жалким и ничтожным, такая религия перестает быть воплощением добра. То же справедливо и по отношению к любви к своей стране, если этим пользуются лишь для того, чтобы заявить о преимуществе своей родины над другими странами.

Вселенская истина заключается в том, что мы должны научиться принимать друг друга и оказывать друг другу помощь. Об этом знают даже самые маленькие зверушки. Хотя кошки и собаки не слишком-то ладят между собой, они будут вполне дружелюбны по отношению друг к другу и к чужому потомству, если их вырастить в одном доме. То же самое касается и растений. Лианы, ползущие вверх по стволам деревьев, целиком зависят от поддерживающих их стволов. Однако деревья не возмущаются: «Эй, ты чего это карабкаешься по моему стволу?» Принцип Вселенной гласит, что все должны

жить вместе на благо друг друга. Каждого, кто нарушает этот принцип, рано или поздно ждет гибель. Если страны и религии не прекратят злонамеренные нападки друг на друга, человечество лишится будущего. Впереди нас будет ждать лишь порочный круг террора и борьбы, пока однажды люди не вымрут как вид. Но на самом деле не все так безнадежно. Безусловно, надежда есть!

Я прожил свою жизнь, ни на минуту не забывая о надежде и храня мечту о мире. Все, что я хочу — это снести напрочь все границы и стены, поделившие мир на мириады осколков, и создать мир единства. Я хочу разрушить все барьеры между религиями и расами и устранить пропасть между богатыми и бедными. Как только это произойдет, мы сможем восстановить на земле мир, созданный Богом в начале времен. Я имею в виду мир, где никто не голодает и не плачет от горя. Чтобы исцелить мир, в котором нет надежды и так не хватает любви, мы должны вновь обрести чистое сердце — такое, как в детстве. Чтобы отказаться от желания завладеть как можно большим количеством материальных благ и возродить прекрасную человеческую натуру, нам нужно вернуться к осознанию принципов мира и к тому дыханию любви, которому мы научились, когда наши отцы носили нас на спине.

Радость поделиться пищей с другими

Мои глаза очень узкие. Мне рассказывали, что когда я родился, моя мама удивилась: «Где же глазки у моего малыша? Или их нет вовсе?» — и попыталась пальцами раздвинуть мне веки. И когда я заморгал, она радостно воскликнула: «Ой, ну слава Богу! Все-таки у него есть глаза!» Из-за того, что у меня такие маленькие глаза, люди дали мне прозвище «маленькие глазки из Осана», поскольку моя мама была родом из деревни Осан.

Тем не менее, я еще ни разу не слышал, чтобы мои маленькие глаза делали меня хоть чуточку менее привлекательным. На самом деле люди, которые разбираются в физиогномике, то есть в искусстве определять черты характера и судьбу по лицу человека, говорили, что маленькие глаза свидетельствуют о моей предрасположенности к тому, чтобы стать религиозным лидером. Думаю, здесь срабатывает тот же принцип, что и в фотокамере: чем уже диафрагма объектива, тем лучше она фокусируется на отдаленных предметах. Религиозный лидер должен заглядывать в будущее дальше, чем другие люди, и, возможно, маленькие глаза как раз и отражают такую способность. Мой нос тоже весьма необычен. Вы только взгляните на него, и сразу поймете, что перед вами упрямый и решительный человек. Наверное, в физиогномике все же что-то есть, поскольку я, оглядываясь назад, вижу очевидные параллели между чертами своего лица и тем, как я прожил свою жизнь.

Я родился в деревне Сансари, в округе Докъон, в уезде Чонджу провинции Пхёнан, и был вторым сыном Мун Кён Ю из рода Мун в Нампхёне и Ким Кён Ге из рода Ким в Ёнэне. Я родился в шестой день первого лунного месяца 1920 года, через год после восстания освободительного движения в 1919 году.

Мне говорили, что наша семья поселилась в деревне Сансари еще при моем прадедушке. Мой прадед по линии отца сам построил ферму и работал на ней, вырастив тысячи бушелей[1] риса и нажив благосостояние для всей семьи своими руками. Он никогда не пил и не курил, предпочитая вместо этого покупать еду для тех, кто был беден и нуждался. Когда он умирал, его последними словами были: «Если вы накормите людей со всех районов Кореи, вы получите благословения из всех этих районов». Поэтому комната для гостей в нашем доме всегда была полна народу. Жители окрестных деревень знали, что, придя к нам в гости, они всегда могут рассчитывать на хороший ужин. И моя мама без тени жалобы приняла на себя роль хозяйки, готовящей угощение для всех этих людей.

Мой прадед был очень деятельным человеком, не знавшим ни минуты покоя. Если у него выдавалась свободная минутка, он плел соломенные сандалии, которые затем продавал на рынке. Состарившись, он из милосердия купил нескольких гусей, отпустил их на волю и помолился, чтобы у его потомков было все хорошо. Он нанял

учителя каллиграфии, чтобы тот проводил уроки у них дома в комнате для гостей и бесплатно учил грамоте деревенскую молодежь и ребяташек.

Жители деревни называли его «Сон ок» (Драгоценный камень добра) и почитали его дом как «дом, который будет благословлен».

К тому времени, как я родился и подрос, большая часть благосостояния, нажитого прадедом, уже иссякла, и моей семье хватало денег только на самое необходимое. Однако семейная традиция угощать людей была по-прежнему в силе, и мы кормили наших гостей, даже если при этом не хватало еды для членов семьи. Так что первое, чему я научился, впервые встав на ноги, — разносить еду и угощать людей.

Во времена японской оккупации у многих корейцев были конфискованы дома и земельные участки. Люди, спешно бежавшие в Маньчжурию, где они надеялись начать новую жизнь, держали путь мимо нашего дома, расположенного на главной дороге, ведущей в Сончхон в провинции Северная Пхёнан. Моя мама всегда готовила еду, чтобы накормить путников со всех уголков Кореи. Если к нам домой стучался нищий и просил что-нибудь поесть, а мама реагировала недостаточно быстро, дедушка брал свою порцию и отдавал нищему. Наверное, именно потому, что я родился в такой семье, я тоже большую часть своей жизни старался накормить людей. Мне кажется, что кормить людей — это самый почетный труд. Если я ем и вижу рядом с собой кого-то, кому нечего есть, я чувствую такую боль, что кусок просто не лезет в горло.

Я расскажу вам случай, который произошел, когда мне было около 11 лет. Это был один из последних дней уходящего года, когда вся деревня готовилась праздновать Новый год и стряпала рисовые пирожки. Однако рядом с нами жила такая бедная семья, что им совсем нечего было есть. Их лица стояли у меня перед глазами, и это не давало мне покоя; я ходил взад-вперед по дому и не знал, что делать. В конце концов я схватил мешок риса весом в восемь килограммов и выбежал из дома. Я так спешил поскорее вытащить этот мешок из дому, что даже не подумал завязать его. Я взвалил мешок на плечи, крепко ухватился за него и пробежал восемь километров в гору, чтобы добраться до соседского дома. Меня так вдохновляла мысль о том, как это будет здорово — дать этим людям достаточно пищи, чтобы они смогли наесться досыта!

Рядом с нашим домом находилась деревенская мельница. Все четыре ее стены были плотно сколочены, чтобы сквозь щели не просыпалась мука. Благодаря этому зимой мельница становилась лучшим местом, где можно было спрятаться от ветра и согреться. Если кто-нибудь брал у нас немного огня и разводил на мельнице костерок, там становилось теплее, чем в комнате с теплым полом[2]. Очень часто нищие, блуждавшие по стране, останавливались в мельнице на зимовку. Меня буквально завораживали их рассказы об окружающем мире, и я каждую свободную минутку прибегал к ним на мельницу. Мама приносила мне туда еду, не забывая хорошо покормить и странников, которые там жили. Мы ели с ними из одной тарелки и спали под одним одеялом. Так я и проводил все зимы. С приходом весны наши гости отправлялись в путь, и я каждый раз не мог дождаться, когда же наступит следующая зима, чтобы снова встретить их в нашем доме. То, что они были одеты в лохмотья, вовсе не означало, что и сердца их были «в лохмотьях». Они дарили нам глубокую и горячую любовь. Я угощал их едой, а они одаривали меня любовью, и та сердечная дружба и горячая любовь, которой они делились со мной в ответ, до сих пор придает мне сил.

Когда я езжу по миру и вижу, как дети страдают от голода, я всегда вспоминаю о том, как мой дедушка при любой возможности делился едой с другими.

Стать другом для всех людей

Как только я решаю что-то сделать, я должен немедленно этим заняться, иначе я просто не усну. В детстве посреди ночи меня частенько озаряла какая-нибудь идея, однако приходилось ждать утра, чтобы приняться за ее воплощение. Я не мог заснуть и ковырял стенку, чтобы убить время. Это случалось так часто, что я почти проскроб дырку в стене, а на полу под ней выросла куча мусора. Еще я не мог заснуть, если днем со мной несправедливо поступили. В таком случае я вставал и прямо посреди

ночи шел к дому обидчика, чтобы вызвать его на драку. Думаю, моим родителям было очень трудно меня воспитывать...

Особенно я не мог стерпеть, когда с кем-то несправедливо обходились. Я встревал в каждую драку, устраиваемую деревенскими мальчишками, так как чувствовал ответственность за соблюдение справедливости в любой ситуации. Я находил виноватого и громко отчитывал его. Однажды я даже пошел к дедушке одного местного задиры и заявил ему: «Деда, вот что натворил ваш внук! Пожалуйста, разберитесь с ним».

Я мог вести себя крайне необузданно, но у меня было доброе сердце. Иногда я приходил в гости к замужней старшей сестре, и требовал, чтобы меня угостили рисовыми пирожками и курятиной. Взрослые не испытывали ко мне неприязни за такие дела, так как видели, что мое сердце переполнено теплом и любовью.

Особенно хорошо у меня получалось ухаживать за животными. Когда птицы вили гнезда на деревьях около нашего дома, я выкапывал для них лужицу, чтобы они могли напиться. Еще я брал из кладовки немножко лушеного проса и рассыпал по земле, чтобы покормить птиц. Сперва они улетали прочь, стоило мне к ним приблизиться, но вскоре поняли, что тот, кто кормит их, проявляет тем самым свою любовь, и больше уже не улетали от меня.

Однажды мне пришла в голову идея разводить рыбу. Я наловил мальков и выпустил в лужицу, а потом набрал пригоршню корма для рыб и рассыпал по воде. Но когда я проснулся на следующее утро, я обнаружил, что все рыбки умерли за ночь. А ведь я так мечтал вырастить этих мальков! Я долго стоял над лужей, в изумлении глядя на то, как они плавают на поверхности воды кверху брюхом. В тот день я проплакал до вечера без остановки...

У моего отца была обширная пасека. Он брал большой улей и прибывал к нему массивное дно, чтобы пчелы строили там соты из воска и откладывали мед. А я был очень любопытным, и мне не терпелось увидеть, как пчелы обустроят свой улей. И тогда я засунул лицо прямо в середину улья... Как же зверски они меня покусали! И как страшно после этого распухло мое лицо...

Однажды я вынул днища из нескольких ульев и получил за это суровую взбучку от отца. Как только пчелы заканчивали обустройство ульев, отец вынимал днища и убирал их на хранение. Эти днища были покрыты пчелиным воском, которым можно было разжигать лампы вместо масла. И вот я набрал этих дорогущих днищ, разломал их и отнес семьям, которые не могли себе позволить купить масло для ламп. Это был акт помощи, однако я сделал это без разрешения отца, за что и схлопотал хорошую трепку.

Когда мне было двенадцать, у нас было не так много игр. Выбор был небогат: либо игра в ют, напоминающая пачизи, либо чанги, похожая на шахматы, либо обычные карточные игры. Мне всегда нравилось бывать там, где для игры собиралось много людей. Днем я играл в ют или запускал воздушного змея, а вечерами участвовал в карточных турнирах, которые проводились по всей деревне. Победитель забирал по 120 вон[3] за каждую партию, а я мог с легкостью выиграть по крайней мере одну из трех партий.

В канун Нового года и в первое новогоднее полнолуние в карты не играл разве что ленивый. В такие дни полиция смотрела на это дело сквозь пальцы и никогда никого не арестовывала за азартные игры. Я шел туда, где играют взрослые, и дремал там всю ночь, а рано поутру просился к ним хотя бы на три партии перед тем, как все расходились по домам. Затем я брал свой выигрыш, покупал на него разных гостинцев и игрушек и дарил их своим друзьям и бедным ребятишкам из окрестных деревень. Я никогда не тратил эти деньги на себя или на что-нибудь дурное. Когда к нам в гости приходили мужья моих старших сестер, я просил разрешения взять у них из кошельков немного денег, а потом покупал на них конфеты и сладкую патоку для бедных детей.

Конечно, в любой деревне живут и состоятельные люди, и бедняки. Если я видел, как кто-нибудь из детей приносит в школу на обед вареное просо, я просто не мог

есть свой вкусный рис и тут же обменивал его на это просо. Дети из бедных семей были мне ближе, чем дети из богатых семей, и я хотел хоть как-то позаботиться о том, чтобы они не оставались голодными. Для меня это было своего рода игрой, которую я любил больше всего; я был еще ребенком, но уже чувствовал, что хочу стать другом для каждого из них. На самом деле мне нужно было нечто большее, чем просто дружба: я хотел, чтобы мы могли делиться друг с другом самым сокровенным, что есть на сердце.

Один из моих дядьев был очень жадным человеком. Его семья владела небольшой бахчой посреди деревни, и каждое лето, когда поспевали дыни и начинали благоухать сладким ароматом, деревенская ребятня сбегалась к моему дяде и умоляла угостить их дынями. Однако дядя поставил палатку неподалеку от бахчи и сидел там, охраняя урожай и не желая поделиться даже одной маленькой дынькой.

Однажды я пришел к нему и спросил:

— Дядя, можно мне иногда приходить к тебе на бахчу и съесть столько дынь, сколько я захочу?

И он с готовностью ответил:

— Конечно же, приходи!

Тогда я пошел и рассказал всем детям, что если они хотят полакомиться дынями, им нужно будет собраться у моего дома в полночь и захватить с собой мешки. Когда наступила полночь, я отвел их на бахчу моего дяди и сказал: «Пусть каждый из вас соберет по рядку дынь и ни о чем не беспокоится». Ребята возликовали и тут же с криками бросились к бахче, за пару минут обобрали подчистую несколько рядков с дынями. В ту ночь голодные деревенские ребятки уселись в поле посреди клевера и наелись дынь от пуза — да так, что чуть не лопнули.

На следующий день надо мной разразилась настоящая буря. Когда я пришел к дяде, там кипел грандиозный скандал, как в потревоженном пчелином улье.

— Ах ты, негодяй! — кричал на меня дядя. — Это твоих рук дело?! Это ты уничтожил весь урожай дынь, над которым я трудился целый год?

Однако, что бы он ни говорил, отступить я не собирался.

— Дядя, — сказал я ему, — неужели ты забыл? Ты ведь разрешил мне съесть столько дынь, сколько я захочу. А ребята из деревни тоже захотели дынь, и я почувствовал, что их желание — мое желание. Хорошо ли я поступил, дав по дыньке каждому из них, или я не должен был давать им ни одной?

Услышав это, дядя сказал:

— Ну хорошо. Ты был прав.

На этом гнев его остыл.

Мой ясный жизненный компас

Род Мунов берет начало в городе Нампхён, что рядом с Наджу в провинции Чолла. Этот городок расположен примерно в 320 километрах южнее Сеула, на юго-западе страны. У моего прапрадеда, Мун Сон Хака, было три сына. Младший, Мун Чон Хыль, мой прадед, также имел троих сыновей: Чи Гука, Щин Гука и Юн Гука. Мой дедушка, Мун Чи Гук, был старшим из них.

Дедушка Мун Чи Гук был неграмотным, так как не ходил ни в современную начальную школу, ни в обычную деревенскую. Однако он так хорошо умел фокусировать внимание, что смог запомнить наизусть полный текст корейского перевода «Сан Го Чжи»[4], когда ему читали эту книгу вслух. Кстати, он выучил наизусть не только эту книгу. Когда кто-то рассказывал ему интересную историю, он запоминал ее и позднее пересказывал теми же словами. Ему хватало одного раза, чтобы услышать что-то и запомнить наизусть. Мой отец унаследовал эту способность: он мог спеть по памяти христианский гимн более чем из четырехсот страниц.

Мой дед исполнил последнюю волю своего отца и прожил жизнь с полной самоотдачей, но не смог сохранить семейное благосостояние. Дело в том, что его младший брат Мун Юн Гук взял в долг деньги под залог семейной собственности, и эти деньги пропали. Из-за этого семье пришлось хлебнуть немало трудностей. Однако

ни дед, ни отец никогда не отзывались плохо о Мун Юн Гуке. Они знали, что он не растратил эти деньги на азартные игры или на что-то подобное — наоборот, он отослал их Временному правительству Республики Корея в Шанхае. В те времена семьдесят тысяч вон были очень крупной суммой — именно столько брат моего деда пожертвовал в фонд Движения за независимость.

Дедушкин брат, Юн Гук, был выпускником Пхеньянской семинарии и священником. Это был умный и образованный человек, свободно владевший английским языком и хорошо разбиравшийся в китайской культуре. Он служил пастором сразу в трех церковных приходах, в том числе и в церкви Док Хын в приходе Док Он Мён, а также участвовал в составлении Декларации Независимости в 1919 году вместе с Чхве Нам Соном.

Однако впоследствии оказалось, что трое из шестнадцати христианских священников, подписавших Декларацию, были выходцами из одной и той же церкви в Док Он Мён, и тогда Юн Гук вычеркнул свое имя из списка. Один из оставшихся в живых людей, подписавших Декларацию, Ли Сын Хун, который вместе с Юн Гуком трудился над строительством школы в Осане, попросил его присмотреть за своими делами на случай, если Движение за независимость закончится провалом, а он сам будет схвачен и убит японскими властями.

Вернувшись на родину, Юн Гук напечатал несколько тысяч корейских флажков и раздал их людям, которые толпами выходили на улицы и выкрикивали лозунги в поддержку Движения за независимость. Его арестовали 8 марта как организатора демонстрации на холме позади административного офиса «Эйпо Мён». В этой демонстрации приняли участие директор и весь преподавательский состав школы в Осане, около двух тысяч учащихся, почти три тысячи христиан и четыре тысячи местных жителей. Юн Гука приговорили к двум годам заключения в тюрьме Юджу, однако через год он попал под амнистию и был выпущен на свободу.

Японская полиция продолжала жестоко преследовать его даже после освобождения, поэтому он не мог долго задерживаться на одном месте и был вынужден постоянно скрываться. После пыток в полиции, где его тело протыкали бамбуковым дротиком, вырезав целый кусок мяса, у него остался огромный шрам. Ему прокалывали ноги и ребра, но, по его словам, он так и не сдался. Когда японцы поняли, что им его не сломить, они предложили ему пост главы округа в обмен на клятву никогда больше не участвовать в Движении за независимость. В ответ он лишь громко выругался: «Уж не думаете ли вы, что я соглашусь на этот пост и буду работать на вас, ворюги несчастные?»

Когда мне было лет семь-восемь, Юн Гук побывал у нас в гостях, и к нему пришли повидаться несколько бойцов из Корейской армии независимости. У них почти не было денег, и они по ночам шли пешком до нашего дома под густым снегопадом. Нас, ребяташек, отец накрыл одеялом с головой, чтобы не разбудить. Но я уже успел проснуться и лежал под одеялом с открытыми глазами, жадно ловя еле слышные обрывки «взрослого» разговора. Хотя было очень поздно, мама зарезала курицу и приготовила ее с лапшой для борцов за независимость.

Я до сих пор не могу забыть, о чем говорил брат моего дедушки, пока я лежал под одеялом, затаив дыхание от волнения. «Даже если вам придется погибнуть, — убеждал он, — если вы сделаете это ради своей страны, вы будете достойны славы». Потом он продолжил: «Сейчас перед нами лишь беспросветная тьма, но когда-нибудь непременно наступит ясное и солнечное утро!» Из-за пыток его способность двигаться была ограничена, но голос звучал с прежней силой и мощью.

Помню, как я ломал голову: «Почему такому чудесному человеку, как дедушкин брат Юн Гук, пришлось сидеть в тюрьме? Если бы мы были сильнее японцев, такого бы не случилось».

Юн Гук продолжал скитаться по стране, скрываясь от преследований японской полиции, и мы не получали о нем ни единой весточки вплоть до 1966 года. В то время я жил в Сеуле. Дедушкин брат явился во сне одному из моих младших двоюродных

братьев и сказал ему: «Я похоронен в Чонсоне, в провинции Канвондо». Мы отправились туда и узнали, что он умер за девять лет до этого. Нашим глазам предстал одинокий могильный холмик, заросший бурьяном. Позднее я перезахоронил останки в Пхаджу, в провинции Кёнгидо рядом с Сеулом.

За последовавшие несколько лет после освобождения Кореи от японской оккупации в 1945 году северокорейские коммунисты поголовно истребили всех христианских священников и борцов за независимость. Юн Гук боялся, что его присутствие навлечет неприятности на семью, и поэтому сбежал от коммунистов на юг через 38-ю параллель, остановившись в Чонсоне. Никто из нашей семьи не знал об этом. Он поселился в глухой долине меж гор, зарабатывая на жизнь продажей кистей для каллиграфии. Позднее он даже открыл там деревенскую школу, где обучал детей китайской классике.

По словам некоторых его бывших учеников, он любил сочинять стихи и записывать их китайскими иероглифами. Ученикам удалось записать и сохранить около 130 стихов, в том числе и этот:

Мир между Югом и Севером

Уж десять лет, как я покинул дом и перешел на юг;

Неумолимо время, и волосы белеют все быстрее.

Я бы вернулся к Северу, но как?

Сюда я прибыл ненадолго,

Но мне пришлось остаться...

Надев рубашку летнюю, что с длинным рукавом,

Я веер шелковый возьму, чтоб освежиться...

Чего от осени нам ждать?

Все ближе, ближе мир меж Севером и Югом —

И дети ждут его под крышей...

Поверьте, незачем переживать.

Разлученный со своей семьей, Юн Гук жил в Чонсоне — земле, абсолютно чуждой ему, — и всем сердцем переживал за свою страну. Его перу принадлежат и такие строки:

Ставя цель в самом начале,

Поклянитесь достичь ее во что бы то ни стало.

Не допускайте

И тени личных желаний.

Вклад дедушкиного брата в Движение за независимость позднее оценили по достоинству: в 1977 году правительство Республики Корея наградило его Президентским орденом, а в 1990 году — орденом «За заслуги перед Отечеством». Я и сейчас порой перечитываю его стихи, проникнутые преданной любовью к своей стране, проявленной им перед лицом тяжелейших невзгод.

С недавних пор, становясь старше, я все больше и больше стал думать о Юн Гуке. Каждая строчка его стихов, проникнутых заботой о родине, трогает меня до глубины души. Я научил членов Церкви песне «Тэхан чирига» (Песне о географии Кореи), слова к которой написал сам Юн Гук. Мне очень нравится петь ее вместе с братьями и сестрами. Когда я пою эту песню о моей родине, простирающейся от горы Пэктусан до горы Халласан, я чувствую, как с плеч спадает тяжкий груз.

Песнь о географии Кореи

Корейский полуостров на востоке

Расположен меж трех этих стран;

На севере — бескрайние степи Маньчжурии,

На востоке — глубокое и синее Восточное море,

На юге — море с множеством островов,

И на западе — глубины Желтого моря.

Все три моря даруют нам рыбу

Всех сортов и размеров, названий и вкусов.

*А на севере — царь-гора Пэктусан,
Где зарождаются реки Амроккан и Туманган,
Что впадают в восточные и западные моря
И отделяют земли от Страны Советов.
В самом центре сияет гора Кымгансан —
Заповедник для мира и гордость Кореи.
Гора Халласан возвышается над синими водами
Южного моря,
Как рыбацкий маяк.
Четыре равнины — Тэдон, Ханган, Кымган и Чонджу —
Одевают и кормят нас всех,
Четыре рудника — Унсан, Сунан, Кэчхон и Черён —
Даруют богатства Земли.
Четыре города — Кёнсон, Пхеньян, Тэгу и Кэсон —
Сияют на нашей земле,
Четыре порта — Пусан, Вонсан, Мокпхо и Инчхон —
Кораблям иностранным открыты.
Пути железных дорог, берущих начало в Кёнсон,
Соединяют две главные ветки, Кёнгэ и Кёнбу.
Две ветки, Кёнвон и Хонам, бегут на север и юг,
Обнимая весь полуостров.
Наши края поведают вам нашу историю:
Пхеньян, что две тысячи лет назад основан Тангуном,
Кэсон, столица Корё,
Кёнсон, 500-летняя столица Чосон,
Кёнджу, познавший 2000 лет расцвета культуры Силла,
Где появился на свет Пак Хёккосо.
В Чхунчхоне есть Пуё, историческая столица Пэкче.
Корея, твои сыновья открывают в грядущее путь,
И волны цивилизации с шумом бьются о наши брега.
Спускайтесь же с гор
И смело шагайте вперед,
К миру грядущего!*

Упрямый ребенок, который никогда не отступает

Мой отец не умел и не любил влезать в долги, но уж если он занимал у кого-нибудь деньги, для него было делом чести вернуть их, даже если для этого приходилось продать корову, принадлежавшую семье, или оторвать опору от дома и продать ее на рынке. Он всегда говорил: «Вам не удастся изменить истину с помощью жульничества. Если это истина, любые трюки и уловки будут над ней бессильны. Все, что является результатом мошенничества, не протянет дольше пары-тройки лет и в конце концов сдуется».

Мой отец обладал внушительным ростом и мощным телосложением. Он был таким сильным, что мог без труда взбежать вверх по лестнице с мешком риса на плечах. Тот факт, что в девяносто лет я все еще езжу по миру и выполняю свою миссию, свидетельствует о физической силе и мощи, унаследованных мной от отца.

Моя мама, чьим любимым христианским гимном был «Higher Ground» («Высшая земля»), тоже была очень сильной женщиной. От нее я унаследовал не только широкий лоб и круглое лицо, но и честный характер с пылким нравом, а также изрядную долю упрямства — без сомнения, я сын своей матери. Когда я был маленьким, люди звали меня «крикун на весь день». Я заслужил это прозвище тем, что, если начинал плакать, то ревел целый день без остановки. Я орал так громко, что люди пугались и думали, будто случилось что-то ужасное. Те, кто уже спал, вставали и выходили из дома, чтобы узнать, что произошло. К тому же во время плача я не сидел на месте, а носился по всей комнате, бился обо все подряд и вызывал страшный

переполох. Я мог даже пораниться до крови. Таким эмоциональным я был с самого детства...

Стоило мне принять решение, и я уже не мог отступить, даже если ради этого приходилось ломать себе кости. Конечно, все это продолжалось лишь до тех пор, пока я не повзрослел. Если мама ругала меня за проступки, я в ответ дерзил ей: «Нет! Ты абсолютно неправ!» Нужно было всего лишь признать свою вину, но мне легче было умереть, чем выдать из себя эти слова.

Моя мама, однако, тоже была женщиной с характером. Она шлепала меня и возмущалась: «Ты думаешь, что можешь вот так взять и уйти, не отвечая родителям?» Однажды она ударила меня так сильно, что я свалился на пол. Но, даже поднявшись на ноги, я не сдался. Она стояла напротив меня и громко плакала, а я даже в такую минуту не мог признаться в том, что был неправ.

Мой состязательный дух соперничал по силе с моим же упрямством. Я просто не мог позволить себе проиграть ни в одной ситуации. Взрослые в деревне поговаривали: «Ох уж эти "маленькие глазки из Осана"! Если он на что-то решился, он обязательно это сделает».

Не помню, сколько мне было лет, когда это произошло. Как-то раз один мальчишка расквасил мне нос и тут же убежал. После этого я целый месяц ежедневно ходил к его дому и поджидал, когда же он выйдет на улицу. Жители деревни поражались моей настойчивости: я ходил туда до тех пор, пока родители мальчика не извинились передо мной. Они даже угостили меня тарелкой рисовых пирожков!

Я вовсе не хочу сказать, что всегда упрямо пытался одержать верх во что бы то ни стало. К тому же физически я был гораздо крупнее и сильнее своих ровесников. Никто из ребят не мог одолеть меня в рукопашной схватке. Однажды я проиграл поединок одному мальчишке на три года старше, и это так меня разозлило, что я просто не мог найти себе места. Я побежал в горы, содрал кусок коры с акации и потом каждый вечер в течение шести месяцев тренировался на этом дереве, чтобы стать достаточно сильным и победить того мальчишку. Через полгода я вызвал его на матч-реванш и одержал победу.

В каждом поколении нашей семьи рождалось много детей. У меня был старший брат, три старшие сестры и три младшие сестры. На самом деле после Хё Сон, самой младшей сестры, появилось на свет еще четверо младших братьев и сестер, но все они умерли в раннем детстве. Моя мама родила тринадцать детей, однако пятеро не выжили, и ее сердце было глубоко ранено. На ее долю выпало слишком много страданий, ведь ей пришлось растить так много детей в таких невыразимо трудных условиях. Мало того, что у меня было много родных братьев и сестер, так к ним порой присоединялись еще и двоюродные с троюродными. Что мы только не вытворяли все вместе! С тех пор, однако, прошло уже много лет, и мне кажется, что из всех нас в живых остался один я.

В 1991 году я ненадолго приехал в Северную Корею. Впервые за 48 лет я побывал на родине и узнал, что и мама, и большинство моих братьев и сестер уже умерли. У меня остались только две сестры, старшая и младшая. Когда я был маленьким, старшая сестра была мне как мать, а теперь я увидел ее бабушкой, разменявшей восьмой десяток. Моей младшей сестре было чуть больше шестидесяти, и ее лицо было сплошь покрыто морщинками.

В детстве я так изводил ее бесконечными поддразниваниями! Я мог заявить ей: «Эй, Хё Сон, я знаю, что ты выйдешь замуж за одноглазого!», на что она отвечала: «Что ты сказал? С чего ты это взял, а, братец?» — и тут же бросалась ко мне, пытаясь поколотить меня своими маленькими кулачками.

Когда Хё Сон исполнилось восемнадцать, пришло время ей встретиться с молодым человеком, с которым ее решила сосватать наша тетя. В то утро девушка проснулась очень рано, тщательно расчесала волосы и напудрила лицо. Затем она хорошенько прибралась в доме и во дворе и села ждать потенциального жениха. «Хё Сон, — поддразнивал я ее, — вижу, тебе совсем замуж невтерпех!» Она покраснела, и я

помню до сих пор, каким хорошеньким стало ее личико с порозовевшими щеками, просвечивающими сквозь белую пудру.

Прошло уже около двадцати лет с тех пор, как я побывал в Северной Корее. Моя старшая сестра, горько разрывающаяся при встрече со мной, уже умерла, и у меня осталась одна младшая сестра. Это причиняет мне такую невыразимую боль, что порой кажется, словно сердце вот-вот разорвется на части...

Я всегда был довольно рукастым парнем и сам шил себе одежду. Когда наступали холода, я мог быстренько связать себе теплую шапку. У меня это получалось даже лучше, чем у женщин, и я порой давал советы по вязанию своим старшим сестрам. Однажды я связал теплый шарф для Хё Сон.

У меня были не руки, а настоящие медвежьи лапищи, но мне очень нравилось рукоделие, и я даже шил себе нижнее белье. Я отматывал от рулона кусок ткани, складывал его пополам, вырезал по шаблону, сшивал, подрубал и надевал на себя. Когда я таким образом сшил маме пару традиционных корейских носков, она выразила свое одобрение так: «Ну-ну! Я-то думала, что второй сын только и умеет, что бить баклуши, а он мне вон какие хорошие носки смастерил!»

В те времена в качестве приданого для сына или дочери родители должны были заранее приготовить отрезы хлопчатобумажной ткани. Наша мама брала хлопковую вату, прикрепляла ее к прялке и прядла нитки. На диалекте провинции Пхёнан они назывались «токкенги». Затем она заправляла в ткацкий станок ряд из двадцати нитей и ткала по двенадцать, тринадцать полотен ткани и даже больше. Каждый раз, когда кто-то из детей вступал в брак, из-под огрубевших пальцев матери выходили мягкие и красивые ткани, по качеству не уступавшие самому лучшему атласу. Ее руки были необыкновенно проворными! Если другие успевали в день соткать три-четыре куска ткани, то у мамы выходило двадцать и даже больше. Если она торопилась закончить подготовку к свадьбе одной из моих старших сестер, она могла за день соткать целый рулон! У мамы был крайне нетерпеливый характер. Как только она принимала решение, она тут же приступала к делу и трудилась не покладая рук, пока не заканчивала работу. В этом я очень похож на нее.

С детства я привык есть все подряд — к примеру, я очень любил кукурузу, свежие огурцы, сырую картошку и сырые бобы. Однажды, придя в гости к маминим родственникам, жившим в восьми километрах от нас, я заметил у них на огороде какие-то круглые растения. Я спросил, что это такое, и мне ответили, что это чигва — сладкий картофель. Мне накопили немножко этого картофеля и запекли на костре. Когда я отведал печеной картошки, она мне так понравилась, что я набрал целую корзину и съел все сам. С тех пор я не мог усидеть дома дольше трех дней и постоянно убегал к маминим родственникам. Крикнув на весь дом: «Мам, я пойду погулять!», я пробегал все расстояние до их дома и на славу угощался сладким картофелем.

В наших краях бытовало такое понятие, как майский «картофельный перевал». Мы всю зиму питались картошкой, пытаюсь дотянуть до весны, когда начинал поспевать ячмень. Май был для нас критическим месяцем, ведь если запасы картошки истощались до того, как созревал ячмень, людям приходилось голодать. Выжить в период, когда картофель подходит к концу, а ячмень еще не созрел, было так же тяжело, как и вскарабкаться на крутой горный перевал, поэтому мы и называли это время «картофельным перевалом».

Ячмень, которым мы питались тогда, не имел ничего общего с тем сладким и отборным ячменем, который мы знаем сегодня. Это был сорт ячменя не с круглыми, а с продолговатыми и очень твердыми зернами, но нас он вполне устраивал. Перед варкой мы замачивали его в воде на двое суток. Когда мы садились есть, я пытался ложкой примять ячмень в тарелке, чтобы хоть как-то сбить его в кучку, но у меня ничего не получалось. Стоило мне набрать полную ложку ячменя, как он попросту рассыпался, словно куча песка. Тогда я добавлял в него кочхуджан[5] и набивал этой смесью полный рот. Когда я жевал ячмень, мелкие зернышки так и норовили

проскользнуть у меня между зубами, поэтому мне приходилось есть с плотно закрытым ртом.

Еще мы ловили и ели древесных лягушек. В те времена деревенских детей, переболевших корью, кормили древесными лягушками, потому что из-за болезни дети теряли вес и ходили с бледными и осунувшимися лицами. Мы ловили по три-четыре упитанных лягушки с толстыми мясистыми лапками и запекали, завернув в тыквенные листья. Они получались такие нежные и вкусные, словно их готовили в рисоварке. Кстати, если уж мы заговорили о вкусном, я не могу не упомянуть и воробьев с фазанами. Мы запекали разноцветные яйца горных и водоплавающих птиц, летавших над полями и равнинами с громкими гортанными криками. И вот так, бродя по горам и лесам, я узнал о том, какое изобилие вкусной пищи приготовил для нас Бог в окружающей природе.

Любить природу, чтобы учиться у нее

Одна из черт моего характера заключалась в том, что я непременно должен был знать обо всем, что попадалось мне на глаза. Я не мог ограничиться беглым осмотром и тут же начинал гадать: «Интересно, как называется вон та гора? И что там наверху?» Мне нужно было пойти и увидеть все своими глазами. В детстве я облазил сверху донизу все горы в радиусе десяти километров от дома. Я бывал везде и всюду, даже за горами. И когда я видел гору, сияющую в лучах утреннего солнца, я уже знал, что это за гора и что на ней растет, поэтому мог спокойно любоваться ею. Мне не хотелось даже смотреть на места, о которых я ничего не знал. Я должен был разузнать обо всем, что попадалось мне на глаза, и даже сверх того. Иначе я просто не находил себе места, и неизвестность превращалась в пытку.

Отправляясь гулять в горы, я спешил прикоснуться к каждому цветку и каждому дереву. Мне мало было просто глядеть на окружающий мир: я должен был непременно потрогать каждый цветок, понюхать его и даже пожевать. Мне так нравилось прикасаться к цветам, вдыхать их аромат и ощущать их вкус, что я вполне мог бы засунуть нос в цветущий куст и просидеть так весь день! Я так сильно любил природу, что мог целыми днями бродить по горам и долинам, позабыв о том, что пора домой. Когда старшие сестры ходили в горы на сбор диких овощей, я отводил их туда и собирал овощи вместе с ними. Благодаря этому я многое узнал о самых разных дикорастущих плодах и овощах, которые и приятны на вкус, и питательны. К примеру, чтобы сполна ощутить чудесный вкус и аромат дикорастущего сымпаги[6], нужно приноровиться к одной его особенности. Растение смешивают с пастой из красной фасоли, добавляют в тарелку с пибимпапом и кочхуджаном, и блюдо становится таким ароматным! Чтобы съесть сымпаги, нужно положить его в рот и задержать дыхание на несколько секунд, и тогда присущая ему горечь уйдет, уступив место совсем другому вкусу.

Еще я любил лазать по деревьям. Чаще всего я взбирался на огромный двухсотлетний каштан, росший у нас во дворе. Мне нравилось любоваться пейзажем, открывавшимся с верхних веток дерева. Я видел даже то, что происходило за границами нашей деревни. Стоило мне забраться туда, и я ни в какую не хотел слезать вниз. Иногда я сидел на том дереве до глубокой ночи, и тогда младшая из моих старших сестер выходила во двор и поднимала шум, твердя о том, как это опасно, и пытаясь согнать меня с дерева.

— Ён Мён, пожалуйста, спускайся вниз! — умоляла она. — Уже так поздно, ты бы шел домой и ложился спать!

— Если я захочу спать, я могу уснуть прямо здесь!

Она могла говорить что угодно, но я и с места не двигался, продолжая сидеть на ветке каштана. В конце концов она выходила из себя и кричала в ярости: «Эй ты, обезьяна! А ну-ка, слезай сейчас же!»

Может быть, мне так нравилось лазать по деревьям из-за того, что я родился в год Обезьяны? Когда на каштане появлялись колючие шарики, свисающие целыми гроздьями, я брал палку и прыгал под деревом, пытаясь их сбить. Это было так весело!

Мне очень жаль нынешних детей, которые выросли вдали от природы и не узнали всех этих радостей.

Еще мне интересно было наблюдать за птицами, свободно порхающими в небесах. Порой мое внимание привлекали особенно красивые птички, и тогда я старался разузнать о них как можно больше: к примеру, как выглядит самец, а как — самка. Тогда у нас не было книг, из которых я мог бы почерпнуть информацию о различных видах деревьев, кустарников и птиц, поэтому приходилось исследовать все самому. Я частенько пропускал обеды и ужины, гуляя по горам и долам в поисках зимовья перелетных птиц.

Однажды я несколько дней подряд утром и вечером влезал на дерево, чтобы понаблюдать за сорочьим гнездом. Мне так хотелось увидеть, как сороки откладывают яйца! В конце концов, мне это удалось, и мы даже подружились с хозяйкой гнезда. В первые дни при моем приближении сорока начинала истошно трещать и суетиться, но потом стала спокойнее и смогла подпустить меня ближе.

Я дружил и с насекомыми, которые водились в наших краях. Каждый год в конце лета на верхние ветви хурмы, росшей за моим окном, усаживалась звонкоголосая цикада и устраивала настоящий концерт. Я был так рад, когда к началу осени наконец-то замолкали пронзительные трели других цикад, раздражавшие нас все лето, и вместо них начинала петь та самая звонкоголосая цикада. Ее голос напоминал о том, что влажный летний сезон подходит к концу и скоро сменится осенней прохладой.

Это был особый напев, что-то типа «Сулу-сулулулулулу!». Каждый раз при звуках этой песни я запрокидывал голову вверх, глядел на хурму и думал: «Конечно, такой певице нужно забраться повыше, чтобы ее пению порадовалась вся деревня! Кто бы услышал ее, вздумай она спуститься в яму и петь оттуда?»

Очень скоро я понял, что и летние пронзительные цикады, и эта звонкоголосая певунья исполняли свои песни ради любви. Что бы они ни пели — и «мем-мем-мем», и «сулу-сулу», — они хотели своим пением привлечь партнеров. Как только я понял это, меня стал раздражать смех при первых же звуках букашечьих трелей: «Ага, тебе нужна любовь, верно? Тогда продолжай петь, и ты найдешь себе хорошего партнера!» Я постепенно учился дружить с природой и делиться любовью со всем, что меня окружает.

Мы жили примерно в четырех километрах от побережья Желтого моря. Море было достаточно близко, и я мог видеть его с любой возвышенности около дома. На пути к морю тут и там было разбросано множество прудов и озер, меж которых пробегал извилистый ручей. Я частенько залезал в один из этих прудов со стоячей зловонной водой и ловил в тине угрей и пресноводных крабов. В поисках разных озерных жителей я облазил множество озер и болот и хорошо знал, где и кто водится. Угри, к примеру, не любят быть на виду и поэтому прячут свое длинное тело в крабьих норах или других отверстиях. Порой им не удается целиком влезть в слишком маленькую дыру, и их хвосты остаются торчать наружу. Я легко ловил угрей, хватая их за хвост и вытягивая из норы. Если к нам приходили гости и хотели полакомиться запеченным угрем, для меня было сущим пустяком пробежать несколько километров до пруда и обратно и притащить с собой штук пять угрей. Во время летних каникул я за день мог поймать более сорока угрей!

Что я действительно не любил делать, так это кормить корову. Когда отец просил меня покормить ее, обычно я выводил животное на луг соседней деревни, привязывал к колышку и убегал по своим делам. Тем не менее, через некоторое время я начинал помаленьку беспокоиться о ней. Прибежав поглядеть, как у нее дела, я видел, что она по-прежнему стоит там, где ее привязали, мычит и ждет, пока кто-нибудь не придет и не покормит ее. Бедняга могла простоять на одном месте с утра и до полудня. Слыша издали ее мычание, я жалел ее и думал: «Ну что это за корова! И что мне теперь с ней делать?» Только представьте, как нелегко мне было игнорировать мою мычащую животину! И все же вечером, когда я приходил отвязать ее, она не сердилась и не

пыталась боднуть меня рогами — нет, она была счастлива видеть меня! И тогда я понял, что наше видение главной цели в жизни должно быть таким же, как у этой коровы. Ждите и будьте терпеливы, и ваша жизнь непременно изменится к лучшему.

У нас дома жила собака, которую я очень любил. Она была такая умная, что к тому времени, когда я обычно возвращался из школы, она выбегала из ворот и со всех ног мчалась встречать меня, хотя я был еще далеко. Каждый раз при виде меня она прямо прыгала от счастья! Я всегда гладил и трепал ее за ухом правой рукой, поэтому, даже оказавшись слева от меня, собака тут же перебежала на правую сторону и терлась мордой о мои ноги, упрашивая погладить ее. Я гладил ее по спине и трепал за ушами. Если я не делал этого, она продолжала бегать вокруг меня всю дорогу до дома. «Ах ты, разбойница! — приговаривал я. — Ты ведь знаешь, что такое любовь, верно? Тебе она по душе?»

Животные понимают, что такое любовь. Вы ведь видели, как курица высидит яйца, пока не вылупятся цыплята? Она ни на миг не смыкает глаз и буквально прирастает к кладке, чтобы ни одна живая душа и близко не подошла. В такие моменты я любил входить и выходить из курятника, зная, как сильно это злит наседку. Стоило мне войти в курятник, как курица вытягивала шею и пыталась напугать меня. Но я, вместо того чтобы уйти, пугал ее в ответ. После нескольких таких проделок курица переставала реагировать и делала вид, что не замечает меня, тихо свирепея и держа наготове острые когти. Бедная птица была на взводе и выглядела так, словно она вот-вот со свистом рассечет воздух и нападет, однако ей нельзя было даже шелохнуться из-за яиц. Поэтому ей приходилось сидеть и молча злиться. Я мог даже подойти к курице и погладить перышки, зная, что она все равно не сдвинется с места.

Казалось, наседка была исполнена решимости не шевелиться до тех пор, пока не вылупятся цыплята, даже если кто-нибудь придет и поведергает ей все перья из хвоста. Благодаря такой непоколебимой любви и привязанности к яйцам куры занимают особое положение, и даже петух не может вести себя с ними как вздумается. Куры полностью контролируют все, что происходит вокруг, словно заявляя: «Кем бы ты ни был, не смей трогать мои яйца!»

А с какой любовью свиноматка дает жизнь поросенкам! Я как-то наблюдал за одной свиньей и видел, как она производит на свет потомство. Во время родов мать выталкивает поросенка из себя с громким хрюканьем, и тот выскальзывается наружу. Затем свинья снова издает громкое хрюканье — и на свет появляется еще один поросенок. Точно так же рождаются и котята, и щенки. Мне так нравилось смотреть, как появляются на свет крошечные слепые малыши! При виде этого зрелища я радовался и смеялся от всей души.

И так же сильно я горевал, когда видел, как умирают животные. Неподалеку от нашей деревни была скотобойня. Как только туда заводили корову, тут же откуда-то появлялся мясник и зарубал животное стальным топором длиной с полруки. Корова падала наземь. В тот же миг с нее сдирали шкуру и обрубали ноги. Однако животное так отчаянно цеплялось за жизнь, что обрубки ног все еще продолжали мелко подрагивать. Я не мог без слез смотреть на эту сцену и начинал громко рыдать...

С самого детства у меня была одна «странность»: я знал то, чего не знали другие, словно у меня были какие-то сверхъестественные способности. Если я говорил, что пойдет дождь, он действительно шел. Сидя дома, я мог заявить: «Такой-то дедушка из соседней деревни сегодня плохо себя чувствует», — и оказывался прав. С восьми лет я получил известность как лучший советчик в вопросах сватовства. Мне было достаточно взглянуть на фото жениха и невесты, и я уже мог рассказать о них все. Если я выносил вердикт: «Эти люди не подходят друг другу», но они все равно вступали в брак, в будущем этот брак неизбежно распадался. Я занимаюсь этим до сих пор — а ведь мне уже 90 лет! — и могу многое рассказать о человеке, лишь взглянув, как он сидит или смеется.

Хорошенько сосредоточившись, я мог сказать, чем занимаются в данный момент мои старшие сестры. За это они и любили меня, и немного побаивались. Они чувствовали, что я знаю все их секреты.

Может показаться, что я обладаю какими-то невероятными способностями, но на самом деле в этом нет ничего удивительного. Даже муравьи, которые для нас не более чем мелкие букашки, заранее чуют наступление сезона дождей и прячутся там, где их не замочит вода. Если человек настроен в унисон с природой, он должен уметь предугадывать, что ждет его впереди. Это не так уж и трудно.

Например, чтобы определить, куда подует ветер, внимательно приглядитесь к сорочьему гнезду. Вход в гнездо этой птицы всегда расположен с противоположной стороны от потока ветра. Сороки натаскивают веток и причудливо переплетают их между собой, а потом приносят в клюве глину и грязь и промазывают крышу и дно гнезда, чтобы его не промочил дождь. Сорока сплетает прутья так, чтобы все они смотрели в одном направлении, как водосточные желоба на крыше. И тогда дождевые струи стекают мимо гнезда. Если даже у сорок есть такие способности, помогающие им выжить, неужто человек не может обладать подобным чутьем?

Если мы ходили с отцом на рынок покупать корову, я мог сказать ему: «Отец, не бери эту корову. У хорошей коровы должен быть мощный загривок и хорошо развитые передние ноги, а также крепкий зад и спина. Эта корова совсем не такая!» Разумеется, эту корову так никто и не покупал. И тогда отец спрашивал меня: «Как ты узнал об этом?» — на что я отвечал: «Я знал это еще в утробе матери!» Конечно же, я шутил. Если вы любите коров, вы можете многое рассказать о них...

Самая могущественная сила в мире — это любовь, а самая впечатляющая вещь — это единство души и тела. Успокоившись и сосредоточившись, вы обнаружите в себе неизведанные глубины, где ваша душа сможет обрести покой. Отпустите свою душу, и пусть она заполнит эти глубины. Если вы сделаете это перед тем, как лечь спать, наутро вы проснетесь с обостренной чувствительностью к окружающему миру. Именно в этот момент вам нужно отбросить все посторонние мысли и сфокусировать свое сознание, и тогда вы сможете мысленно соотноситься со всем, с чем пожелаете.

Не верите — попробуйте прямо сейчас! Любое живое существо в нашем мире хотело бы соотноситься с тем, кто дарит больше любви, поэтому, не научившись любить по-настоящему, вы не можете считаться истинным хозяином и рано или поздно лишитесь того, что имеете.

Разговор с букашкой про Вселенную

Время, проведенное в лесу, очищает душу. Шелест листвы на ветру, шум ветра в камышах и кваканье лягушек на пруду... Все, что вы слышите — это звуки природы, и когда вы вслушиваетесь в них, ни одна посторонняя мысль не придет вам в голову. Освободившись от всех мыслей и целиком растворившись в природе, вы почувствуете, как становитесь с ней единым целым. Природа заполняет вас изнутри, и вы всецело соединяетесь с ней. Когда стираются грани между природой и вами, вас охватывает глубокое и радостное чувство, и в этот момент природа сливается с вами, а вы — с природой.

Я всегда ценил такие минуты в своей жизни. Даже сейчас я могу закрыть глаза и достичь состояния полного единения с природой. Некоторые называют это состояние «анатман», или «отсутствие своего "я"», но для меня это нечто большее, ведь когда вы полностью опустошаете себя, эту пустоту заполняет природа. В таком состоянии я прислушиваюсь к звукам природы — шуму сосен, жужжанию насекомых — и мы становимся друзьями. Я могу отправиться в любую деревню и, не успев еще ни с кем познакомиться, сразу почувствовать общий настрой местных жителей. Переночевав на деревенском лугу, я могу рассказать, о чем думают колосья и травы, растущие на нем. Они поведают мне, счастливы ли они и что за люди живут в той деревне.

Сидя в тюрьме в Южной Корее, в США и даже в Северной Корее, я не чувствовал себя одиноким, ведь даже там я мог слушать шум ветра и беседовать с букашками, которых везде было достаточно.

«И о чем же были ваши беседы?» — спросите вы. Даже мельчайшая песчинка подчиняется принципам мироздания, и даже в пылинке, плывущей по воздуху, можно увидеть гармонию Вселенной. Все, что нас окружает, появилось на свет в результате взаимодействия столь сложных сил, что мы не можем их даже представить. Все эти силы тесно взаимосвязаны. И ничто во Вселенной не может зародиться вне Божьего сердца. Даже в трепетании крохотного листочка можно расслышать дыхание Вселенной.

С детства, бродя по горам и долинам, я умел настраиваться в унисон со звуками природы. Природа создает уникальную гармонию, и ее звуки прекрасны и чарующи. Ничто в природе не пытается выставить себя напоказ и ничто не остается без внимания, и в этом — наивысшая гармония. Когда я переживал трудные времена, природа всегда утешала меня, и когда я падал в отчаянии, она помогала подняться на ноги.

Нынешние дети, выросшие в «каменных джунглях» городов, не имеют возможности подружиться с природой, но ведь развивать чувствительность к природе гораздо важнее, чем получать академические знания. Зачем ребенку высшее образование, если он не способен всем сердцем чувствовать природу и невосприимчив по своей сути? Если человек разлучен с природой, он может нахвататься книжных знаний и быстро превратиться в индивидуалиста, преклоняющегося перед материальными ценностями.

Нам нужно научиться отличать по звуку нежное шептание летнего дождя от громкого треска осеннего ливня с пузырями на лужах. Лишь того, чье сердце настроено в унисон с природой, можно назвать человеком с истинным характером. Скромный одуванчик, растущий на обочине дороги, гораздо ценнее всего золота в мире.

Наше сердце должно научиться любить природу и людей. Тот, кто не любит природу или людей, не способен полюбить и Бога. Все сущее на земле воплощает Бога символически, а люди являются субстанциальными воплощениями, созданными по образу и подобию Бога. Лишь тот, кто любит природу, способен любить и Бога.

Я не только разгуливал по горам и лугам и играл там, но и усердно работал на ферме, помогая старшему брату. У любого фермера на каждый сезон назначены определенные виды работ, которые необходимо выполнить. Мы вспахивали рисовые поля и огороды, высаживали ростки риса и пололи сорняки. Труднее всего было пропалывать поля, засеянные просом. После посева семян все борозды нужно было прополоть как минимум трижды, и от такой работы у нас просто отваливалась спина. Закончив прополку, мы еще долго не могли разогнуться.

Сладкий картофель уродится невкусным, если его посадить в глину. Самый вкусный картофель вырастает в земле, которая на треть состоит из глины и на две трети из песка. Для зерновых лучшим удобрением являются экскременты человека, поэтому я брал затвердевшие куски кала и прямо руками мельчил их на части. Помогая на ферме, я узнал, как лучше всего выращивать бобы и какая почва более всего подходит для сои и для красной фасоли. Так что я — всем фермерам фермер!

Провинция Пхёнган одной из первых в Корее приняла христианскую культуру, и в результате уже в 30–40-е годы сельскохозяйственные угодья распахивались по прямой линии. Для пересадки саженцев риса надо взять длинную меру, разбитую на двенадцать равных делений, и отмерить ею рядки по всей ширине рисового поля. Затем два человека, продвигаясь вдоль меры, должны посадить по шесть рядков каждый.

Позднее, переехав на юг Кореи, я увидел, что для посадки риса там натягивают леску поперек всего поля, где топчется в грязи дюжина людей. Мне кажется, это самый неэффективный способ высаживать рис. Я же обычно расставлял ноги на две ширины плеч и таким образом сажал рис гораздо быстрее. За время сезона посадки я зарабатывал достаточно денег, чтобы оплатить свою учебу.

Ученик, рьяно взявшийся за учебу

Когда мне исполнилось десять, отец записал меня в традиционную деревенскую школу, где старенький учитель обучал нас китайской грамоте. Все, что от нас требовалось — это выучивать наизусть по одной брошюре в день. Я сосредотачивался и выучивал брошюру за полчаса. Если меня вызывали к доске и я, стоя перед учителем, зачитывал заданный на день урок, после этого я мог быть свободен. Стоило учителю задремать поутру, как я тут же сбегал из школы и отправлялся в горы или на луга. Чем больше времени я проводил в горах, тем лучше узнавал, где можно отыскать съедобные растения. В конце концов, я так наедался всякой зелени, что мог уже и не обедать, поэтому я перестал обедать дома.

В школе мы читали сборники трудов Конфуция и Мэн-цзы и изучали китайские иероглифы. Я преуспел в каллиграфии, и когда мне исполнилось двенадцать, учитель попросил меня написать табличку с примерами иероглифов, по которой могли бы учиться другие ученики. Однако на самом деле я мечтал ходить в обычную, а не в традиционную деревенскую школу. Я понял, что не хочу зубрить наизусть Мэн-цзы и Конфуция, в то время как другие конструируют самолеты. Это было в апреле, и отец уже заплатил за мое обучение до конца года. И все же я ушел из деревенской школы и сделал все, чтобы убедить отца отдать меня в общеобразовательную школу. Я пытался уговаривать и дедушку, и даже дядю. Но для того, чтобы перейти в обычную школу, мне нужно было сдать экзамен, а для подготовки к нему надо было ходить на подготовительные занятия. Я уговорил одного из младших двоюродных братьев пойти туда вместе со мной, и мы вместе поступили в частную школу Вонбон, чтобы подготовиться к экзамену и перейти в начальную общеобразовательную школу.

На следующий год, когда мне исполнилось четырнадцать, я сдал экзамен и поступил в третий класс школы в Осане. Я поздно начал, но, набросившись на учебу, смог перешагнуть сразу в пятый класс. Школа в Осане находилась в восьми километрах от нашего дома, но я никогда не пропускал уроки и не опаздывал. Каждый раз, когда по пути в школу я поднимался на гору, меня уже ждала там группа одноклассников. Однако я шагал так быстро, что им приходилось чуть ли не бежать за мной, чтобы не отстать. Так мы и ходили по горной дороге, по которой, по слухам, время от времени прогуливались тигры.

Школа принадлежала национально-освободительному движению и была основана Ли Сын Хуном, активистом Движения за независимость. Мало того, что там преподавали японский язык, — ученикам вообще запрещалось говорить на нем. Но я придерживался другого мнения и был убежден, что для победы над врагом мы должны знать о нем как можно больше, поэтому, сдав еще один вступительный экзамен, перешел в четвертый класс общеобразовательной школы Чонджу. В таких школах все занятия проводились на японском языке, поэтому я выучил всю катакану и хирагану[7] за ночь перед первым учебным днем. Я не знал ни слова по-японски, поэтому собрал все учебники с первого по четвертый класс и выучил их примерно за две недели. Благодаря этому я начал понимать язык.

К моменту окончания начальной школы я уже бегло говорил по-японски. В день выпуска я даже вызвался произнести речь перед высокопоставленными гражданами Чонджу. Обычно в таких выступлениях ученики благодарят за поддержку своих учителей и школу. Однако я вместо этого обратился по имени к каждому из учителей и раскритиковал их, высказав все, что думал о ведении дел в школе. Я говорил о том, что мы живем в особую эпоху, а также об ответственности, которую должны взять на себя влиятельные люди общества. Весь этот монолог я произнес на японском.

«Японцы должны собрать свои вещи и как можно скорее убраться в Японию! — говорил я. — Эту землю оставили нам наши предки, и здесь должны жить все будущие поколения нашего народа».

Я произнес эту речь перед начальником местной полиции, главой округа и мэром города. В духе брата дедушки, Мун Юн Гука, я публично высказал все, о чем другие не осмеливались говорить. Люди были в шоке... Покидая сцену, я видел, как бледнеют лица слушателей.

Тогда мне это сошло с рук, однако проблемы начались потом. С того дня японская полиция внесла меня в список тех, за кем нужен глаз да глаз, и стала следить за мной, доставив мне массу неудобств. Позднее, когда я захотел отправиться в Японию для продолжения учебы, начальник полиции отказался поставить печать на нужной мне бумаге, из-за чего у меня возникли проблемы. Он отнесся ко мне как к опасному субъекту, которого нельзя пускать в Японию, и отказался поставить печать на моем документе. Мне пришлось долго спорить с ним, и в конце концов я убедил его поставить нужную мне печать. Лишь после этого я смог отбыть в Японию.

ГЛАВА 2

СЛЕЗЫ, ПОТОКОМ ЛЬЮЩИЕСЯ ИЗ СЕРДЦА

На перепутье между страхом и вдохновением

Становясь старше и взрослея, я стал все чаще задаваться вопросом: кем я стану, когда вырасту? Мне нравилось наблюдать за природой и изучать ее, и я думал, что неплохо было бы стать ученым-натуралистом. Однако затем я передумал, увидев, как японские колониальные власти зверски грабят и разоряют народ. Жизнь людей была такой тяжелой, что им не хватало средств даже на еду. Я понял, что в качестве ученого — даже если я получу при этом Нобелевскую премию — мне все равно не облегчить участь страдающего народа.

Именно тогда я и решил стать человеком, который осушит слезы людей и утешит их страдающее сердце. Лежа на траве в лесу и слушая пение птиц, я размышлял: «Нам нужно сделать наш мир таким же теплым и ласковым, как эти песни! Я должен помочь людям расцвести и стать прекрасными и ароматными, как цветы». Я не знал, какая профессия подойдет мне для этого, но был твердо убежден, что должен стать тем, кто принесет людям счастье.

Когда мне исполнилось десять лет, моя семья приняла христианство благодаря брату моего дедушки, Мун Юн Гуку, который служил священником и вел глубокую и искреннюю жизнь в вере. С тех пор я начал активно посещать церковь, не пропуская ни недели. Если я опаздывал на службу хотя бы на пару минут, мне было так стыдно, что я не мог поднять головы. Я не знаю, что именно вдохновило меня в столь юном возрасте на такое отношение, но к тому времени Бог уже занимал важное место в моей жизни. Я все серьезнее задумывался над вопросами жизни и смерти, а также над причинами страданий и горестей человечества.

Когда мне исполнилось двенадцать, я стал свидетелем перезахоронения останков моего прадеда. Обычно такие события посещают лишь взрослые члены семьи, но мне так хотелось узнать, что же происходит с людьми после смерти! И я упросил родителей взять меня с собой. Когда могилу раскопали и я увидел останки, мне стало плохо от ужаса. После того как взрослые провели торжественную церемонию и вскрыли могилу, в ней оказался лишь тощий скелет. Он ни капельки не был похож на моего прадеда, каким его описывали мама с папой. Там не было ничего, кроме жутких побелевших костей.

Я не сразу отошел от шока при виде прадедушкиных останков. И это заставило меня задуматься: «Когда-то мой прадед выглядел так же, как мы. Выходит, мои родители после смерти тоже превратятся в груды побелевших костей? И меня самого ждет такая же участь? Да, всем нам суждено умереть, но что будет потом? Неужто мы будем лежать вот так и ни о чем не думать?» Эти вопросы не выходили у меня из головы.

Примерно в то же время у нас дома начали происходить странные вещи. Я хорошо запомнил один такой случай. Когда в нашей семье ткали ткани, из прялки вытаскивали обрывки ниток и складывали в глиняный горшок, пока не набиралось достаточно ниток для полноценного рулона ткани. Из этих обрывков ткали йеджан — особую ткань для свадебных нарядов детей, вступающих в брак. Так вот, однажды вечером мы обнаружили, что все эти нитки развешаны на ветвях старого каштана в соседней деревне! Из-за них дерево стало почти белым. Мы не могли понять, кому понадобилось стащить нитки из горшка, отнести их к каштану, росшему в соседней деревне (расстояние весьма близкое, кстати!), да еще и развесить их по всему дереву.

Непохоже, что все это могло быть сделано руками человека, и этот факт страшно перепугал всю деревню.

Когда мне исполнилось шестнадцать, у нас в семье случилась трагедия: за один год умерло пятеро моих младших братьев и сестер. Горе родителей, потерявших пятерых из тринадцати детей за столь короткое время, не описать никакими словами... Смерть косила всех подряд, и даже у наших родственников полег весь скот. У нас в одночасье околела совершенно здоровая корова, а у соседней одна за другой умерли несколько лошадей. Еще в одном доме за ночь умерли семь свиней.

Я думаю, что страдания одной семьи были тесно связаны со страданиями всей страны и даже мира. Мне было все невыносимее видеть отчаяние корейского народа под тираническим гнетом японской оккупации. Людям не хватало еды, и порой им приходилось собирать траву и обдирать кору с деревьев, чтобы сварить все это и хоть как-то наесться. Казалось, что войнам в нашем мире не будет конца.

К тому же в одной из газет я прочел о самоубийстве школьника-подростка, который был моим ровесником. «Зачем он умер? — спрашивал я себя. — Что заставило такого молодого парня наложить на себя руки?» Эта новость глубоко потрясла меня, словно это случилось с близким мне человеком. Над газетой, раскрытой на этой статье, я прорыдал трое суток. Я все плакал и плакал и никак не мог остановиться...

Я не мог понять причину всех этих странных событий, а также того, почему трагедии происходят с хорошими людьми. Мне довелось увидеть кости моего прадеда, и это зрелище побудило меня задаться множеством вопросов о жизни и смерти, а целая череда необычных явлений у нас дома и по соседству заставила меня еще глубже обратиться к религии. Однако Слово Бога, которое я слушал в церкви, не могло дать ясные и исчерпывающие ответы на мои вопросы. Тогда, желая освободиться от чувства неудовлетворенности и разочарования, я как-то естественно стал уделять больше внимания молитве.

«Кто я такой? Откуда я появился? В чем состоит цель жизни? И что происходит с людьми после смерти? Существует ли некий мир для вечной души? А Бог — существует? И Он действительно такой всемогущий? Если да, то почему Он ведет Себя, как сторонний наблюдатель, глядя на все те ужасы, что творятся на земле? Если Бог создал мир, значит ли это, что Он создал и страдания в нем? Как положить конец японской оккупации Кореи? В чем смысл страданий корейского народа? Почему люди ненавидят друг друга, борются и разжигают войны?» Мое сердце было переполнено до краев серьезными и глубокими вопросами, затрагивающими самую суть. Никто не мог с легкостью ответить на них, поэтому единственное, что мне оставалось — это молиться. В молитве я находил утешение. Стоило мне выложить эти мучительные проблемы перед Богом, как мои страдания и горести тут же отступали и я чувствовал себя лучше. Тогда я стал молиться еще больше — так, что порой проводил в молитве всю ночь напролет. И однажды со мной случилось нечто невероятное и поистине бесценное — Бог ответил на мои молитвы. Воспоминание об этом дне останется в моем сердце до конца жизни как самое дорогое и бесценное. Я никогда его не забуду...

Это была ночь накануне Пасхи, в год, когда мне исполнилось шестнадцать. Я провел всю ночь на горе Мьёду, молясь Богу и со слезами умоляя Его ответить мне. Почему Он создал мир, где так много горя и отчаяния? Почему всеведущий и всемогущий Бог бросил мир в такой беде? Что я могу сделать для своей несчастной родины? Я рыдал взахлеб и твердил эти вопросы снова и снова.

И тогда рано утром в пасхальное воскресенье, после того, как я всю ночь провел в молитве, мне явился Иисус. Он возник мгновенно, словно порыв ветра, и произнес: «Бог чувствует глубочайшую боль из-за страданий человечества. Ты должен взять на себя особую миссию и выполнить на земле Божий труд».

В тот день я очень ясно увидел печальное лицо Иисуса и услышал его голос. От переживаний этой встречи мое тело лихорадочно затряслось, словно лист осины на ветру. Меня тут же накрыло смертельным ужасом — таким, что я чуть не умер, — и вслед за ним захлестнула сумасшедшая благодарность, от которой я чуть не

взорвался! Иисус очень ясно поведал о том, что мне предстоит сделать. Его слова потрясли меня до глубины души: он говорил об избавлении человечества от страданий и о том, как принести радость Богу.

Моей первой реакцией было: «Я не справлюсь. Ну как мне это выполнить? И почему ты вообще доверил мне столь важную миссию?» Я по-настоящему испугался. Мне так хотелось любыми способами избежать этой ответственности! И тогда я схватился за подол его одежды и безутешно разрыдался.

Любите тем сильнее, чем нестерпимее боль

Меня буквально раздирали противоречия. Я не мог рассказать об этом родителям и поделиться своей страшной тайной. Но и хранить ее в себе я тоже не мог. Я был растерян и не знал, что делать. Ясно было лишь одно: Небеса возложили на меня особую миссию.

Ответственность была колоссальная. Меня бросало в дрожь при одной мысли, что одному мне с ней не справиться. Я стал молиться еще отчаяннее, чем раньше, чтобы хоть как-то успокоить разброд в своей душе. Но это не помогало. Как бы я ни старался, я не мог ни на минуту забыть о встрече с Иисусом. Эта встреча изменила мою жизнь окончательно и бесповоротно. Скорбь Иисуса прожгла мое сердце подобно клейму, и я уже не мог думать ни о чем другом. С тех пор я с головой погрузился в изучение Божьего Слова. Временами меня окутывала непроглядная тьма, и я чувствовал такую боль, что не мог дышать. Но были и моменты, когда мое сердце переполнял восторг, словно при виде утреннего солнца, восходящего над горизонтом. В один из таких дней, пытаясь успокоиться и сдержать слезы, я сочинил вот это стихотворение:

Корона Славы

Когда я сомневаюсь в людях, я чувствую боль.

Когда я осуждаю их, это просто невыносимо.

Когда я ненавижу, моя жизнь теряет всякую ценность.

Но если я верю людям, они обманывают меня.

Если я люблю, меня предают.

Страдая и мучаясь в ночи, я буквально хватался за голову.

Разве я неправ?

Да, я неправ!

Даже если вас обманут — верьте!

Даже если предадут — прощайте!

Любите всем сердцем даже тех, кто ненавидит вас.

Утрите слезы и встречайте с улыбкой

Тех, чья жизнь — сплошной обман,

И тех, кто предает без сожалений.

О Господь! Любить так больно!

Взгляни на мои руки,

Положи Свою руку мне на грудь.

Мое сердце разрывается от боли!

Но когда я полюбил своих гонителей,

Я одержал победу.

Если ты поступил точно так же,

Я подарю тебе Корону Славы.

Я пережил множество подобных дней, сменяющих друг друга, и это привело к тому, что я стал все глубже и глубже погружаться в мир молитвы. Я всем сердцем принял новые слова истины, открытой мне Иисусом, и меня полностью захватили отношения с Богом. Мой образ жизни совершенно изменился. Мне нужно было многое обдумать, и от этого я стал крайне молчаливым.

Каждый, кто следует по пути Бога, должен всем сердцем стремиться к выполнению своей цели и полностью посвятить себя ей. Такому человеку нужна непоколебимая целеустремленность. Я был весьма упрямым от рождения, и это добавляло мне недюжинного упорства. Я использовал дарованное Богом упорство, чтобы

преодолевать трудности и следовать по заданному пути. Каждый раз, стоило мне засомневаться, как меня тут же приводила в чувство мысль о том, что я получил указания напрямую от Бога. Было нелегко выбрать этот путь, ведь для этого мне пришлось пожертвовать своей молодостью. И мне порой очень хотелось этого избежать...

Мудрый человек поставит перед собой цель, дающую надежду, и двинется вперед, к ее осуществлению, как бы трудно ему ни было. А глупец, наоборот, наплюет на будущее ради сиюминутных удовольствий. В юности я порой позволял себе глупые мысли, но в конечном итоге выбрал путь мудреца. Я с радостью посвятил свою жизнь цели, которую поставил передо мной Бог. Я не мог избежать этого пути, даже если бы захотел: это был единственный выбор, который я мог сделать.

Почему же Бог призвал меня? Даже сейчас, когда мне уже девяносто, я каждый день задаю себе этот вопрос. Почему из всех людей, живущих на земле, Он выбрал именно меня? Он сделал это не из-за моей выдающейся внешности, замечательных личных качеств или глубокой убежденности. Я был простым и неприметным, упрямым и глупым мальчишкой. Если Бог и мог что-то разглядеть во мне, то разве что искренность, побуждавшую меня искать Его, плача от любви. В любом месте и в любые времена самое главное — это любовь. Бог искал человека с сердцем, переполненным любовью, которая помогла бы ему преодолеть любые страдания. Я был простым деревенским мальчишкой, которому нечем похвастаться. И все же даже сейчас я без колебаний готов пожертвовать своей жизнью и посвятить ее любви Бога, и только ей одной.

Сам я ничего не знал и поэтому со всеми вопросами обращался к Богу. Я спросил Его: «Бог, Ты и вправду существуешь?» — и так узнал о том, что Он действительно существует. Потом я спросил: «Бог, а у Тебя есть какие-нибудь заветные желания?» — и благодаря этому узнал, что у Него такие желания есть. Затем я спросил Его: «Бог, я действительно нужен Тебе?» — и таким образом открыл, что у Него есть на меня определенные планы.

В те дни, когда я молился и возносил свою преданность Небесам, мне являлся Иисус и передавал особые послания. Если я очень-очень хотел что-нибудь узнать, Иисус с мягкой улыбкой давал мне правдивые ответы. Его слова всегда попадали в точку и, как стрелы, вонзались мне прямо в сердце. Это были не просто слова, а настоящие откровения о сотворении Вселенной, которые открыли для меня путь в новый мир. Когда Иисус говорил, его слова были похожи на легкий ветерок, но я серьезно обдумывал каждое слово и молился с таким отчаянием, что им можно было вырвать дерево с корнем. Постепенно передо мной начала вырисовываться новая картина цели творения Бога и принципов сотворения Вселенной.

В тот же год я посвятил все лето путешествиям по стране. У меня не было денег, поэтому я просто стучался к людям домой и просил что-нибудь поесть. Иногда мне улыбалась удача, и меня подвозил какой-нибудь грузовик. Так я побывал во всех уголках страны. Куда бы я ни отправился, я всюду видел, что моя родина стала настоящей юдолью горечи и слез. Передо мной непрерывной чередой проходили мучения людей, страдающих от голода. Их горестные стенания прорывались слезами, которые текли и текли бесконечным потоком.

И тогда я сказал себе: «Этот страшный период истории должен закончиться как можно скорее. Нельзя оставлять наш народ в страданиях и безысходности. Я должен найти способ добраться до Японии и Америки и рассказать всему миру о величии корейского народа».

Благодаря этому путешествию я с удвоенной решимостью взялся за свою миссию. Сжав кулаки, я сфокусировал свой разум и ясно увидел путь, который предстоял мне в жизни: «Я во что бы то ни стало спасу наш народ и сделаю все, чтобы на земле воцарился Божий мир».

Если кинжал не точить, он со временем заржавеет

После окончания начальной школы я уехал в Сеул и поселился в районе Хыксокдон, поступив в институт коммерции и индустрии Кёнсон.

Зимой в Сеуле было очень холодно. Температура опускалась до -20 градусов по Цельсию, и тогда река Хан полностью замерзала. Дом, где я жил, располагался на горном перевале, и поблизости не было ни одного водоема с проточной водой. Поэтому мы брали воду из колодца, который был таким глубоким, что нам приходилось привязывать веревку длиной более десяти метров, чтобы достать ведром до воды. Веревка постоянно рвалась, и я повесил ведро на цепь. Каждый раз, когда я вытаскивал ведро из колодца, ладони примерзали к цепи, и мне приходилось отогревать их своим дыханием.

Для борьбы с морозом мне пригодились все мои таланты в вязании. Я связал себе свитер, толстые носки, шапку и перчатки. Моя шапка была такой модной, что прохожие вполне могли принять меня за девушку.

Я никогда не отапливал свою комнату даже в жесточайшие холода — в основном из-за того, что у меня не было денег. Но еще я чувствовал, что возможность иметь крышу над головой — это уже роскошь по сравнению с тем, как живут бездомные люди, которым приходится искать любые способы согреться, ночуя прямо на улице. Однажды к вечеру так похолодало, что мне пришлось положить с собой под одеяло электролампу, словно бутылку с горячей водой, и ночью эта лампа сожгла мне кожу, которая потом облезла. Даже сейчас при одном упоминании о Сеуле я тут же вспоминаю, какой холодной была та зима.

В те времена мой рацион состоял из тарелки риса и одного дополнительного блюда, тогда как в Корее к рису обычно подавалось до двенадцати разных блюд. Я съедал всего одну тарелку риса и один какой-нибудь салат — и этого было достаточно. Даже сейчас из-за выработанной в те годы привычки я не добавляю к рису слишком много дополнительных блюд, предпочитая одно, но хорошо приготовленное. При виде стола, сплошь уставленного яствами, я просто теряюсь. Во время учебы в Сеуле я обходился без обеда, так как с детства привык довольствоваться завтраком и ужином, целыми днями гуляя в горах. И я продолжал так жить лет до тридцати.

Время, проведенное в Сеуле, помогло мне понять, как много нужно трудиться, чтобы поддерживать порядок в доме и вести хозяйство.

В 80-х годах я вновь побывал в Хыксокдоне и очень удивился, увидев, что домик, в котором я жил тогда, еще на месте. Сохранился и дом, и двор, где я развешивал белье для просушки. Только колодец, у которого я все время дышал на ладони, вытаскивая ведро, к сожалению, был заброшен.

Живя в Хыксокдоне, я придумал себе девиз: «Прежде чем властвовать над Вселенной, научись в совершенстве владеть собой». Это значит, что сначала я должен был дисциплинировать собственное тело и лишь потом браться за спасение страны и мира. Я тренировался с помощью молитвы и медитации, а также занимался спортом и физическими упражнениями, и в результате выработал стойкость к голоду и к любым эмоциям и желаниям физического тела. Даже во время еды я твердил про себя: «Рис, я хочу, чтобы ты стал для меня хорошим топливом и помог мне выполнить задачи, к которым я себя готовлю». Я занимался боксом, играл в футбол и учился технике самозащиты. Именно поэтому я до сих пор сохранил молодую гибкость и подвижность, хотя со времен юности и набрал вес.

Согласно правилам в институте коммерции и индустрии Кёнсон, студенты убирались в аудиториях по очереди. И я решил, что буду сам каждый день убирать свою аудиторию. Для меня это не было наказанием: я делал это из искреннего желания любить свой институт больше, чем кто-либо другой. Сначала однокурсники пытались помогать мне, однако потом заметили, что я отношусь к этому без энтузиазма и предпочитаю убираться один, и в конце концов решили: «Ну хорошо, делай все сам, раз ты так хочешь». С тех пор уборка лежала исключительно на мне.

Я был необычайно тихим студентом. В отличие от однокурсников я не любил пустой болтовни и мог за целый день не вымолвить ни слова. Может быть, именно поэтому,

хотя я никогда ни с кем не дрался, однокурсники относились ко мне с уважением и следили за своим поведением в моем присутствии. Если я шел в туалет и вставал в конец длинной очереди, меня тут же пропускали вперед. И если кто-то попадал в беду, чаще всего именно ко мне обращались за советом.

Во время занятий я постоянно задавал кучу вопросов, которые ставили в тупик большинство преподавателей. К примеру, когда мы изучали новую формулу по математике или физике, я тут же интересовался: «Кто открыл эту формулу? Пожалуйста, объясните ее подробнее, шаг за шагом, чтобы я мог хорошенько разобраться» — и не отступал, пока не получал четких ответов. Я постоянно третировал учителей тем, что копал все глубже и глубже. Я не мог принять ни одного принципа или закона, пока не разбирал его по полочкам и не понимал досконально. Частенько я ловил себя на мысли: «Как жаль, что эта замечательная формула открыта не мной!»

Упрямый характер, из-за которого я в детстве мог прореветь всю ночь напролет, проявлялся и во время учебы. Как и в молитву, я полностью погружался в учебу, отдавая ей все свое время и силы.

Любая задача требует от нас искренности и целеустремленности, причем не на день или два. Вклад должен быть постоянным. Если нож использовать лишь однажды и больше не трогать, он заржавеет. То же касается и искренности с целеустремленностью. Нам нужно ежедневно прикладывать усилия с мыслью о том, что мы тем самым оттачиваем свой кинжал. Какой бы трудной ни была наша задача, если мы будем постоянно прилагать усилия, то достигнем мистических высот. И тогда, если вы возьмете в руку кисть и сконцентрируете на ней всю свою искренность и целеустремленность, а потом произнесете: «Сейчас сюда явится великий художник и направит мою руку», совместными усилиями вы создадите прекрасную картину, которая воодушевит весь мир.

Еще я работал над тем, чтобы научиться говорить быстрее и четче остальных. Я запирался в маленькой комнатке, где меня никто не слышал, и громко повторял сложные скороговорки, а также пытался быстро-быстро выпалить все, что хотел сказать. В результате я научился произносить десять слов, пока другие произносили одно. Даже сейчас, в преклонном возрасте, я могу говорить очень быстро. Кое-кто утверждает, что из-за быстроты моей речи меня трудно понять, но я так тороплюсь жить, что не могу позволить себе говорить медленно. Мне еще слишком многое нужно сказать — как же я могу медлить?

В этом смысле я очень похож на своего деда, которому нравилось беседовать с людьми. Он мог проговорить с ними три-четыре часа подряд в нашей комнате для гостей, рассуждая о произошедших за день событиях. Я, как и он, тоже люблю беседы. Если рядом со мной люди и наши сердца открыты друг другу, я полностью забываю о времени и не замечаю ни наступления ночи, ни восхода солнца. Слова льются из моего сердца нескончаемым потоком. Когда я в таком состоянии, я не хочу есть, а могу только говорить и говорить. Бедные мои слушатели, как же им приходится нелегко! У них даже пот на лбу выступает! Пока я говорю, по моему лицу тоже стекает пот, и поэтому никто не осмеливается извиниться и уйти. Чаще всего это заканчивается тем, что мы продолжаем беседовать всю ночь напролет.

Ключ к открытию величайшей тайны

Я детально обследовал окрестности Сеула, каждый его уголок, так же, как когда-то облазил все горы вокруг своей деревни. В те времена из одного конца города в другой пробегала трамвайная линия. Билет стоил всего пять чонов[8], но я не хотел тратить эти деньги и предпочитал ходить до центра города пешком. В жаркие летние дни я шагал, обливаясь потом, а в зимнюю стужу приходилось чуть ли не бежать, прорываясь сквозь колючий ледяной ветер. Я шагал так быстро, что успевал добраться от Хыксокдона через реку Хан до универсама «Хващин» в Чонно всего за сорок пять минут, хотя большинству людей на это требовалось полтора часа. Представляете, как быстро я ходил?

Я сэкономил на трамвайных билетах и отдавал эти деньги тем, кто нуждался в них больше, чем я. Это были сущие копейки, и мне неудобно было их дарить, но я отдавал их так, словно делился с людьми удачей. Помогая человеку, я молился о том, чтобы эти деньги стали своего рода семенем, из которого вырастет множество благословений.

Каждый год в апреле родители присылали мне деньги на учебу. Однако я не мог спокойно смотреть на то, в каких стесненных обстоятельствах жили мои друзья, и поэтому уже к маю от этой суммы ничего не оставалось. Однажды по пути в институт я встретил тяжелобольного человека, который мог вот-вот умереть, и мне стало его так жалко, что я просто не смог пройти мимо. Я взвалил его на спину и донес до ближайшей больницы, до которой было около двух километров. У меня с собой были деньги на учебу, и я оплатил счет за его лечение. Однако после этого у меня не осталось ни гроша. Несколько дней подряд университет настойчиво присылал мне запросы об оплате учебы, и тогда друзья пожалели меня и собрали недостающую сумму! Я никогда не забуду тех, кто помог мне в той ситуации...

Отдавание и принятие помощи — эти действия неотделимы друг от друга волей Небес. Сначала ты этого не понимаешь, но позднее до тебя доходит: «Ага, вот почему Бог послал меня туда именно в тот момент!» Итак, если вдруг перед вами оказывается человек, которому необходима ваша помощь, подумайте о том, что Небеса послали ему вас в качестве помощника, и помогите ему. Если Небеса хотят, чтобы вы помогли ему десять раз, вы не можете помочь лишь пять раз. Если Небеса просят вас помочь десять раз — помогите сто раз! Помогая человеку, будьте готовы в случае необходимости отдать все, что у вас есть.

В Сеуле я впервые попробовал парамток[9]. Это разноцветные и мудрено закрученные рисовые пирожки. Увидев такое лакомство в первый раз, я был восхищен его аппетитным внешним видом. Но когда я откусил кусочек, я обнаружил, что внутри нет никакой начинки — только воздух. И этот воздух щелкнул пузырем у меня во рту.

Это помогло мне увидеть Сеул другими глазами. Уж больно он походил на такой вот воздушный пирог! Теперь я понимаю, почему корейцы называют жителей Сеула скупердяями. Со стороны Сеул кажется городом, где живут богатые и значительные люди. Но в реальности его населяют почти одни бедняки. Под мостом реки Хан жило множество бродяг, одетых в лохмотья. Я приходил к ним в гости, стриг им волосы и беседовал по душам. Беднякам живется очень несладко, и у них в сердце таится неизбывная скорбь. Стоило мне сказать кому-нибудь пару слов, и человек мог тут же разрыдаться. Порой кто-нибудь из них угощал меня рисом, выпрошенным у людей в качестве подаяния. Ладонь с протянутым рисом могла быть сплошь черна от грязи, но я никогда не отказывался от пищи и всегда с радостью принимал ее.

На родине я каждое воскресенье ходил в церковь, и я продолжал это делать в Сеуле. Чаще всего я бывал в церкви Иисуса Мёнсудэ в Хыксокдоне, а также в церкви пятидесятников Собинго, где службы проводились прямо на берегу реки Хан. В морозные зимние дни, когда я шел пешком через реку на службу, подо мной трещал лед. В этой церкви я служил учителем воскресной школы, и детям очень нравились мои уроки. Сейчас я уже далеко не такой шутник, каким был в молодости, но раньше я любил рассказывать забавные истории. Стоило мне заплакать, и дети плакали вместе со мной, а когда я смеялся, они смеялись в ответ. Дети очень любили меня и постоянно ходили за мной по пятам, куда бы я ни шел.

Позади Мёнсудэ есть гора Содал, более известная как гора Тальма. Я частенько забирался на эту гору, садился на большой валун и всю ночь проводил в молитве. И в жару, и в мороз я поднимался на гору и погружался в молитву, не пропуская ни одной ночи. Во время молитвы я обычно не мог сдержаться и начинал рыдать захлеб — да так, что у меня начинало течь из носа. Я часами молился об откровениях, полученных от Бога. Его слова были словно зашифрованные послания, и я чувствовал, что должен молиться еще глубже. Вспоминая об этом, я вижу, что уже тогда Бог вложил в мою руку ключ, открывающий путь к секретам. Только я еще не мог открыть его, ведь мои

молитвы были недостаточно сильны. Я был так поглощен этими мыслями, что ел, не чувствуя вкуса пищи, и ложился спать, когда сна не было ни в одном глазу.

Студенты, жившие в соседних комнатах, не знали, что я хожу на гору молиться, но все-таки, должно быть, чувствовали, что я не такой, как все, ибо относились ко мне с уважением. В общем-то, мы хорошо ладили друг с другом и частенько развлекались, рассказывая друг другу смешные истории.

Мне нетрудно найти общий язык с кем угодно. Если ко мне придет бабушка, я стану ее другом, а если прибегут дети, мы тут же начнем играть. Вы можете сердечно подружиться с любым человеком, если будете относиться к нему с любовью.

Мы подружались с госпожой Ли Ги Ван, потому что ее воодушевили мои молитвы во время ранних утренних служб в церкви. Наша дружба продолжалась более пятидесяти лет, пока ей не исполнилось восемьдесят и она не покинула этот мир. Ее младшая сестра, госпожа Ли Ги Бон, хлопотавшая по хозяйству в нашем общежитии, всегда относилась ко мне с неизменной теплотой. Она признавалась, что не могла успокоиться, пока не сделает для меня что-нибудь хорошее — например, не угостит каким-нибудь вкусным салатом к рису. Я был не слишком-то разговорчив и не являлся «душой компании», поэтому даже не знаю, чем мог вызвать в ней такое отношение. Когда некоторое время спустя меня арестовала японская полиция и отправила в жандармерию провинции Кёнгидо, эта женщина приносила мне одежду и еду. Даже сейчас, вспоминая о ней, я чувствую, как сердцу становится теплее...

Рядом с нашим общежитием был магазинчик, принадлежавший госпоже Сон. В те времена эта женщина много помогала мне. Она то и дело приговаривала, что если человек живет вдали от дома, он никогда не наедается досыта, и поэтому частенько приносила мне продукты, которые оставались от продажи. Ее магазинчик был очень маленьким, и доходов от него едва хватало ей самой, но она всегда очень по-доброму заботилась обо мне.

Однажды мы проводили службу на песчаном плесе возле реки Хан. Когда пришло время обеда, каждый нашел себе место, где присесть, и принялся за еду. А у меня не было привычки обедать, и мне было неудобно сидеть там и ничего не делать, пока другие едят. Я тихонько отошел в сторону и присел неподалеку на груды камней. Там меня и увидела госпожа Сон и тут же принесла два куска хлеба и мороженое. Как я был ей благодарен! Это угощение стоило всего четыре чоона, но я никогда не забуду чувство признательности, согревшее меня в ту минуту.

Я всегда помню тех, кто помогал мне, какой бы малой и незначительной ни казалась услуга. Даже сейчас, когда мне исполнилось девяносто, я могу безошибочно вспомнить все случаи, когда люди помогали мне, и все то, что они для меня сделали. Я никогда не забуду людей, которые без колебаний рискнули многим ради меня и от всего сердца одарили множеством благословений.

Если человек оказывает мне услугу, я просто не могу остаться в долгу. Если у меня нет возможности оказать ответную услугу лично ему, я обязательно запомню этого человека и сберегу его в своем сердце. Мне необходимо жить с искренним ощущением, что я расплачусь с ним, если помогу кому-нибудь еще.

Граната с выдернутой чекой

После окончания института Кёнсон в 1942 году я отправился в Японию, чтобы продолжить учебу. Я поехал туда, поскольку чувствовал, что должен как можно больше узнать об этой стране. По пути в Пусан я сидел в вагоне поезда и безутешно плакал, зарывшись носом в пальто. От плача у меня распухло лицо и непрерывно текло из носа. Я горевал из-за того, что покидаю свою родину, которая так и не освободилась от колониального гнета. Я плакал, глядя в окно, и видел, что горы и реки рыдают еще горше. И травы, и деревья плакали вместе со мной, проливая потоки слез. Глядя на них, я сказал себе: «Я обещаю вам, дорогие мои горы и речки, что вернусь и принесу с собой освобождение для нашей родины! Поэтому не плачьте, а ждите меня».

В Пусане я сел на паром до Симоносеки и отправился в путь 1 апреля в два часа утра. В ту ночь дул сильный ветер, но я, не в силах покинуть палубу, стоял и смотрел, как тают вдалеке огни Пусана. Я простоял на палубе до самого рассвета. По прибытии в Токио я поступил на техническое отделение университета Васеда, на факультет электротехники. Я выбрал именно эту специальность, потому что чувствовал, что без знаний в области современной науки не смогу открыть новую религиозную философию.

Незримый мир математических законов чем-то похож на религию. Чтобы достичь в нем больших высот, человеку необходимы выдающиеся мыслительные способности. Наверное, из-за слишком большой головы мне легко давалась математика, которую многие считают сложной наукой, и я очень любил ее изучать. Голова у меня действительно чересчур велика, поэтому я всегда с трудом подбирал себе шляпы. Мне приходилось ходить к портному, чтобы шить их на заказ. Возможно, размер моей головы помогает мне сосредотачиваться на задаче и справляться гораздо быстрее с тем, на что у других уходят годы.

Во время учебы в Японии я так же, как и в Корее, донимал преподавателей вопросами. Стоило мне начать задавать вопросы, как я уже не мог остановиться. Некоторым педагогам приходилось делать вид, что они меня не замечают, и игнорировать вопросы типа «Что вы думаете об этом?». Если я сомневался в чем-то, я не успокаивался, пока не докапывался до самого корня проблемы. У меня не было цели умышленно третировать учителей. Просто я чувствовал, что раз уж взялся изучать предмет, я должен изучить его досконально.

На моем столе в общежитии всегда лежали рядом три раскрытых Библии — на корейском, японском и английском языках, — и я снова и снова перечитывал одни и те же отрывки параллельно на трех языках. Прочтя отрывок, я подчеркивал несколько строк и делал пометки на полях, пока все три мои Библии не стали пестрыми от чернил и трудночитаемыми.

Сразу после начала учебы я принял участие в событии, которое Ассоциация корейских студентов организовала для молодых людей, приехавших из Кореи. На этой встрече я спел корейскую песню, вложив в голос всю свою страсть, чтобы все смогли почувствовать мою любовь к родине. На собрании присутствовали представители японской полиции, поскольку в те времена корейцам было предписано тихо и незаметно вливаться в японскую культуру, но я все-таки спел патриотическую песню, и спел ее с гордостью. Ом Дон Мун, который в тот год поступил на факультет архитектурной инженерии, был глубоко тронут моим пением, и мы с ним стали друзьями на всю жизнь.

В те времена корейские студенты, учившиеся в разных учебных заведениях Токио и его окрестностей, организовали подпольное движение за независимость. Это был естественный шаг, учитывая, что наша родина все еще страдала под колониальным гнетом Японии.

Движение возникло в ответ на то, что японцы называли «Великой восточноазиатской войной» (1937–1945). С нарастанием конфликта токийские власти начали призывать на военную службу корейских студентов в качестве «учащихся солдат» и посылать их на фронт. Такая политика подтолкнула подпольное движение за независимость к более решительным действиям. В наших рядах начались жаркие дебаты о том, что нам делать с японским императором Хирохито. Я занял в этом движении ключевую позицию, и мы действовали в тесном сотрудничестве с Временным правительством Республики Корея, располагавшимся в Шанхае и возглавляемым Гу Кимом. Род моих занятий предполагал, что я могу в любой момент расстаться с жизнью, но я не колебался, зная, что если я расстанусь с жизнью, это послужит благородной цели.

Рядом с университетом Васеда располагалось отделение полиции. Японские полицейские были наслышаны о моей деятельности и не спускали с меня глаз. Они заранее узнавали, когда я собираюсь в Корею на каникулы, и следили за мной до самого причала, чтобы убедиться, что я отплыл. Я уж и не помню, сколько раз меня

притаскивали в участок, избивали там, пытали и запирали в камере. Но даже под самыми страшными пытками я не поддался и не выдал им то, что они стремились узнать.

Чем сильнее они меня били, тем крепче я стискивал зубы. Однажды я вступил в схватку с полицейскими на мосту Йотсугава, когда они гнались за мной. Во время потасовки я выдернул штырь из перил моста и стал размахивать им, словно дубиной. В те дни я был на взводе, словно граната с выдернутой чекой...

Подружиться с рабочими, разделив их страдания

Так же, как и в Сеуле, я задался целью подробно изучить весь Токио. Когда друзья отправлялись куда-нибудь в Никко полюбоваться пейзажами, я отставал от компании и обходил районы Токио один за другим. Я увидел, что в этом современном и внешне ухоженном городе живут очень бедные люди. И я уже который раз отдавал им все деньги, присланные мне из дома.

В те времена жители Японии тоже голодали, и многие корейские студенты испытывали денежные затруднения. Раз в месяц мне выдавали продуктовые карточки, и я раздавал их студентам, которые не могли их себе позволить, говоря им: «Только ешьте досыта — все, что вы хотите». Я не переживал о том, как заработать денег, ведь я мог пойти поработать где-нибудь поденным рабочим и получить хороший ужин. И еще мне нравилось зарабатывать деньги, чтобы платить за учебу студентов, не имевших средств. Помогая людям и стараясь накормить их, я буквально наполнялся энергией.

Раздав все деньги, которые у меня были, я устраивался развозчиком товаров и разъезжал в велосипедной повозке по всем районам Токио. Однажды в Гиндзе, районе сияющих огней, я вез в своей повозке телеграфный столб, и он внезапно вывернулся наземь прямо на перекрестке. Все вокруг кинулись прочь, спасая свою жизнь. Такие поездки помогли мне хорошо изучить географию токийских улиц, словно линии на моей ладони.

Я был рабочим среди рабочих и хорошим другом для них. Как и пропахшие потом работяги, я брался за дело и трудился до тех пор, пока с меня не начинал литься градом пот. Это были мои братья, и они могли вонять чем угодно. Мы укрывались лоскутными одеялами — такими мерзкими и грязными, что по ним косяками разгуливали черные вши. Я без колебаний пожимал протянутые руки рабочих, покрытые толстой коркой грязи. Их пот, перемешанный с грязью, был полон обезоруживающей сердечной теплоты. Именно их горячие сердца так сильно притягивали меня...

Первое время я работал на сталелитейном заводе в Кавасаки и на верфи. К верфи приставали баржи, перевозившие уголь, и мы, сбившись в группы по трое, работали до часу ночи, чтобы погрузить на баржу 120 тонн угля. Нам, корейцам, хватало и одной ночи, чтобы выполнить работу, на которую у японцев уходило три дня.

Люди, на которых мы работали, порой выжимали из рабочих все соки. Чаще всего это были бригадиры, напрямую раздававшие рабочим указания. Они забирали себе 30% жалованья рабочих, и те ничего не могли с этим поделать, будучи совершенно бесправными. Эти бригадиры нещадно эксплуатировали слабых и заискивали перед сильными. Один из них так меня взбесил, что я однажды пришел к нему с парой своих друзей и потребовал, чтобы тот выплатил рабочим всю зарплату в полном размере.

«Если ты нанял людей, будь добр заплатить им все, что они заработали!» — вот что я сказал ему.

Он отказался, и тогда мы пришли к нему на второй и на третий день. Мы были полны решимости надавить на него и заставить сдаться. В конце концов, я ударил его, и он рухнул на пол. Вообще-то я достаточно сдержанный и неагрессивный человек, но если меня как следует разозлить, весь мой непокорный и упрямый нрав, оставшийся с юных лет, тут же вылезает наружу.

На сталелитейном заводе в Кавасаки были цистерны для хранения серной кислоты, и рабочим приходилось чистить их, залезая внутрь и сливая остатки сырья. Испарения

от этой кислоты крайне токсичны, и человек не мог находиться в цистерне более пятнадцати минут. Но люди шли на риск и трудились даже в таких ужасных условиях, чтобы заработать себе на пропитание. Вот какой бесценной была еда.

Сам я постоянно ходил голодным, но все же следил за тем, чтобы пища не стала для меня самоцелью. Я чувствовал, что мне нужна конкретная причина для того, чтобы съесть ту или иную порцию еды. Обычно, садясь за стол, я спрашивал себя о причинах своего голода: «Я действительно усердно потрудился? Для кого я работал — для себя или на благо общества?» Глядя на рис в своей тарелке, я говорил ему: «Я съем тебя, чтобы набраться сил для еще более великих свершений, которые будут еще полезнее для общества, чем мои вчерашние дела». И тогда рис одобрительно улыбался в ответ. В такие моменты трапеза становилась для меня радостным таинством. Но если я чувствовал, что не могу произнести эти слова, я пропускал еду, каким бы голодным ни был. Вот и получалось, что я чаще всего ел раз или два в день.

Я ограничивал себя двумя приемами пищи в день отнюдь не из-за плохого аппетита. На самом деле, принимаясь за еду, я мог проглотить за один присест просто немереное количество. Однажды я съел зараз одиннадцать больших мисок пшеничной лапши, а в другой раз проглотил семь тарелок риса вперемешку с курицей и жареным яйцом. Но все же, несмотря на такой аппетит, я продолжал отказываться от обеда и до тридцати с лишним лет ограничивал себя двумя приемами пищи в день.

Чувство голода чем-то сродни ностальгии. Эта голодная ностальгия была мне слишком хорошо знакома, однако я чувствовал, что пожертвовать одним приемом пищи в день — это меньшее, что я могу сделать ради блага мира. Еще я не позволял себе носить новую одежду и никогда не отапливал комнату, как бы холодно ни было. Когда холод становился нестерпимым, я заворачивался в газету и согревался, словно в шелковом одеяле. Поэтому я очень хорошо знаю, каким бесценным может быть простой газетный лист.

Порой я уходил в район Синагава, где жили одни бедняки, и ночевал вместе с ними, укрывшись тряпьем. В теплые солнечные дни я собирал вшей у них с волос и делился с бедняками своей трапезой. На улицах Синагавы всегда было много проституток. Я часто беседовал с ними и выслушивал истории их жизни. Мы становились хорошими друзьями, не выпив и капли спиртного. Некоторые утверждают, что для того, чтобы открыть свое сердце и начать откровенно рассказывать о себе, нужно хорошенько напиться, но это не более чем оправдание. Когда эти женщины понимали, что я не пьян и искренне желаю им добра, они делились со мной всем, что лежало у них на сердце, и рассказывали о своих бедах и несчастьях.

Где я только не работал во время учебы в Японии! Я был и вахтером в офисном здании, и писцом, писавшим письма для неграмотных. Я был и простым рабочим, и бригадиром. Мне довелось побывать даже в роли гадалки! Когда мне срочно нужны были деньги, я писал и продавал каллиграфии. Однако я никогда не запускал учебу и относился ко всем этим вещам как к части учебного процесса. Я перепробовал множество различных профессий и познакомился со множеством разных людей, и в результате научился понимать людей гораздо глубже. Благодаря накопленному опыту я могу с первого взгляда определить, чем человек зарабатывает на жизнь и хороший ли у него характер. Мне не нужно ломать голову над этим: тело само подскажет мне ответ.

Я уверен, что для того, чтобы стать действительно хорошим человеком, необходимо пережить множество самых разных трудностей, пока тебе не исполнится тридцать. Нужно спуститься вниз, в самые глубины отчаяния, на самое дно человеческого существования, чтобы понять, каково это. Необходимо научиться находить новые возможности даже в сущем аду. Мы можем возродиться и шагнуть навстречу новому будущему, лишь когда выберемся из глубин отчаяния и обретем новую решимость.

Мы не должны смотреть лишь в одном направлении — важно видеть одновременно и тех, кто занимает верхние позиции, и тех, кто находится в самом низу. Научитесь наблюдать за востоком, западом, югом и севером. Успех в жизни зависит от того,

насколько хорошо мы умеем видеть глазами души. Для этого нам необходимо пережить множество испытаний и запомнить свой опыт. Нам важно сохранять самообладание в любой ситуации, всегда быть доброжелательными к людям и уверенными в себе, а также научиться приспосабливаться к любым обстоятельствам.

Человек с достойным характером должен всегда учитывать, что, достигнув самого высокого положения, он рискует упасть на самое дно. Большинство людей боятся падать с высоты, поэтому они стараются всеми силами удержаться на вершине. Однако если вода перестает течь, она быстро протухает. Так и человек, занявший высокое положение, должен найти в себе силы, чтобы спуститься вниз и подождать какое-то время, чтобы потом снова подняться. Будет возможность — и он поднимется еще выше, чем раньше. Именно такой человек может стать по-настоящему великим и достойным восхищения многих людей, действительно хорошим лидером. Все эти испытания человек должен пройти до того, как ему исполнится тридцать лет.

Я учу молодых людей тому, что они должны пережить в своей жизни все, что только можно. Им необходимо прямо или косвенно пройти через все испытания, существующие в нашем мире, словно штудируя энциклопедию. Лишь тогда они смогут по-настоящему найти себя. Сущность человека — это присущий ему субъективный характер. Если кто-то способен уверенно заявить: «Я могу объехать всю страну и не найти никого, кто способен одержать надо мной верх», — значит, такой человек уже готов взять на себя любую задачу и уверен в ее успешном выполнении. Тот, кто живет именно так, достигает реального успеха. Успех ему просто гарантирован. Вот к какому выводу я пришел, когда жил в Токио как нищий.

В этом городе я ел и спал вместе с рабочими, мучился от голода вместе с бродягами, познал все мыслимые трудности и защитил целую диссертацию по философии страданий. Лишь на этом основании я смог понять Божью волю и Его труды по спасению человечества. Прежде чем вам исполнится тридцать, вы должны стать настоящим королем страданий, и тогда на вас снизойдет слава Царства Небесного.

Безмятежное море любви

Положение Японии в войне стало просто отчаянным. Для пополнения рядов своей армии Япония решила произвести досрочный выпуск всех студентов и отправить их на фронт. Вот почему я окончил учебу на полгода раньше.

Как только мне назначили дату выпуска — 30 сентября 1943 года — я тут же послал семье телеграмму: «Вернусь на "Конрон Мару"[10]», обозначив в ней название парома, на котором я должен был отплыть из Симоносеки в Пусан. Однако в день отъезда из Токио мои ноги странным образом буквально приросли к земле, и я не мог сдвинуться с места. Сколько бы я ни пытался, я так и не смог сделать ни шагу и не дошел до поезда, отправлявшегося из Токио.

Тогда я сказал себе: «Наверное, Небеса не хотят, чтобы я садился на этот паром». Поэтому я решил немного задержаться в Японии и отправился с друзьями в поход на гору Фудзияма. Когда через несколько дней я вернулся в столицу, вся страна была взбудоражена известием о том, что паром «Конрон Мару», на котором я должен был плыть, утонул на пути в Пусан. Мне сказали, что на том корабле находилось более пятисот человек, среди которых были и корейские студенты. Никто из них не остался в живых. «Конрон Мару», которым Япония очень гордилась, был потоплен американской торпедой.

Когда моя мать услышала о том, что паром, на котором ее сын должен был вернуться домой, пошел ко дну, она тут же выбежала из дома, даже не подумав обуться. Она пробежала босиком восемь километров до ближайшей железнодорожной станции, а оттуда бросилась напрямик в Пусан. Прибыв в приморский полицейский участок Пусана, она узнала, что в списках пассажиров парома моего имени нет. Однако в токийском общежитии ей сказали, что я собрал вещи и съехал. Это повергло ее в крайнее замешательство и отчаяние. Она снова и снова повторяла мое имя, не замечая, что ее босые ноги сплошь покрыты ранами и занозами.

Я могу лишь представить, как мама волновалась и сходила с ума от мысли, что с ее сыном могло что-то случиться. Мне понятны ее чувства, однако с тех пор, как я избрал путь Божьей воли, я стал для нее сущим наказанием. Я не мог позволить себе быть связанным личными переживаниями, поэтому и не написал маме, что меня не было на утонувшем корабле, хотя и знал, что она будет сильно беспокоиться, жив ли я.

К моменту моего возвращения в Корею так ничего и не изменилось. Тиранический гнет Японии становился все жестче день ото дня. Вся страна была насквозь пропитана кровью и слезами. Я вернулся в Хыксокдон в Сеуле и снова стал посещать церковь Мёнсудэ, а потом завел дневник и начал ежедневно записывать в него свои мысли и выводы. В те дни, когда мыслей было особенно много, я мог исписать весь дневник. Я получал ответы на множество вопросов, над которыми мучился долгие годы. Наконец-то после стольких лет, посвященных молитвам и поиску истины, я нашел эти ответы! Они приходили ко мне мгновенно, словно в тот момент меня пронизывал сгусток энергии.

В те времена мне пришло откровение: «Взаимоотношения Бога и человека — это отношения Отца и детей, и Богу невыносимо больно глядеть на страдания людей». Именно тогда у меня в голове все встало на свои места, и тайны Вселенной раскрылись передо мной, словно кто-то включил кинопроектор. Все, что произошло с того момента, как человек нарушил Божью заповедь, с поразительной четкостью пронеслось у меня перед глазами, из которых бесконечным потоком лились и лились горячие слезы. Я упал на колени, прижался лбом к полу и пролежал так очень долго, не в силах подняться. Как и в те времена, когда я был маленьким и отец носил меня домой на спине, я прилег на колени к Богу и заплакал горячими слезами... Через девять лет после встречи с Иисусом мои глаза наконец открылись навстречу истинной Божьей любви.

Бог создал Адама и Еву и послал их на землю, чтобы они стали плодотворными, приумножились и создали гармоничный мир, где они могли бы жить. Но они не дождались положенного часа, назначенного Богом. Они совершили прелюбодеяние и родили двоих сыновей, Каина и Авеля. Дети, рожденные в результате грехопадения, не доверяли друг другу и дошли до того, что один брат убил другого. И тогда мир на земле был уничтожен, а грехи распространились по всему свету. С этого и начались все печали и горести Бога. После этого человечество совершило еще один ужасный грех: люди убили Иисуса, своего Мессию. Вот почему страдания человечества — это процесс искупления, которое придется платить до тех пор, пока Бог не перестанет скорбеть.

Иисус явился ко мне, шестнадцатилетнему подростку, чтобы рассказать о корне первородного греха человека и попросить меня сделать все для построения гармоничного мира, в котором не будет места греху и грехопадению. Я получил четкие указания Бога, просившего меня заплатить искупление за грехи человечества и построить мир, который Он задумал с самого начала. Гармоничный мир, о котором мечтает Бог, — это не какое-то место, куда мы отправимся после смерти. Бог желает, чтобы именно наш мир, в котором мы живем, стал абсолютно счастливым и мирным — таким, каким Он сотворил его в самом начале. Разумеется, Бог создал Адама и Еву не для того, чтобы они страдали. И мне предстояло поведать людям эту потрясающую истину.

Когда мне открылся секрет сотворения Вселенной, в моей душе, как в безбрежном океане, воцарились мир и покой. Сердце наполнилось до краев Божьим Словом, и казалось, оно вот-вот взорвется и все выплеснется наружу. Мое лицо стало буквально светиться от радости!

Пожалуйста, не умирай

Я продолжал посвящать себя молитве и в какой-то момент интуитивно почувствовал, что пришло время жениться. Поскольку я принял решение следовать по Божьему пути, все в моей жизни должно было идти в соответствии с Его волей. Получив указание через молитву, я не мог не последовать ему, поэтому я отправился

к своей тете, опытной свахе, и попросил ее познакомить меня с девушкой, которая стала бы мне хорошей женой. Так я встретил Чхве Сон Гиль — дочь известных христиан из Чонджу.

Это была хорошо воспитанная девушка из праведной семьи. Она окончила лишь начальную школу, но зато у нее был такой сильный характер и такая глубокая вера в Христа, что ее в шестнадцать лет посадили в тюрьму за отказ подчиниться японскому колониальному режиму, предписывавшему всем корейцам поклоняться синтоистским святыням. Мне сказали, что я был двадцать четвертым по счету женихом, сватавшимся к ней, так что эта девушка, как оказалось, была очень разборчива по части своей будущей судьбы.

И все же, вернувшись в Сеул, я полностью забыл о нашей встрече с ней. После завершения учебы в Японии я планировал отправиться в китайский Хайлар — город на границе между Китаем, Советским Союзом и Монголией.

В Токийском университете меня распределили на работу в энергетическую компанию в Маньчжурии, и я собирался проработать в Хайларе три года и выучить там русский, китайский и монгольский языки. Точно так же, как перед этим я хотел учиться в Японии, чтобы знать язык и победить японцев, я собрался в этот пограничный город, чтобы выучить там несколько языков и подготовиться к будущему.

Однако очень скоро стало понятно, что Япония неизбежно проиграет войну. Тогда я решил, что в Маньчжурию лучше не ехать, и остановил свой выбор на филиале маньчжурской энергетической компании в Андоне (современный Дандон), подписав документ об отказе от распределения. После этого я отправился домой, в родную деревню.

Вернувшись, я узнал, что тетя, организовавшая мою помолвку, была в тихой панике. Дело в том, что та самая девушка, с которой мы познакомились, не собиралась выходить замуж ни за кого, кроме меня, и тем самым навлекла множество проблем на свою семью. Поэтому тетя просто взяла меня за руку и отвела в дом семьи Чхве.

Я очень подробно рассказал Чхве Сон Гиль о том, какая жизнь меня ждет. И я предупредил ее:

— Даже если мы сейчас поженимся, будь готова разлучиться со мной как минимум на семь лет.

— Зачем мне это нужно? — удивилась она.

И я ответил:

— Передо мной стоит задача, которая для меня важнее семейной жизни. На самом деле я собираюсь жениться ради осуществления Божьего провидения. Наш брак должен выйти за рамки семьи, чтобы мы смогли полюбить свою страну и все человечество. Скажи мне — сейчас, когда ты знаешь о моих намерениях, ты все еще хочешь выйти за меня?»

Ее ответ был очень твердым:

— Для меня это не имеет значения. После встречи с тобой мне приснилась цветочная поляна под луной. Я уверена, что ты — моя вторая половинка, посланная Небесами, и я готова к любым трудностям и испытаниям.

Однако меня не отпускало беспокойство, и я снова и снова донимал ее вопросами, но она все время старалась успокоить меня и отвечала:

— Я готова на все, лишь бы выйти за тебя. Не волнуйся ни о чем.

Мой будущий тесть скоростижно скончался за неделю до предполагаемой свадьбы, и ее пришлось отложить. В итоге мы провели церемонию 4 мая 1944 года. Обычно в мае стоят прекрасные весенние деньки, но в день нашей свадьбы дождь лил как из ведра. Церемонию проводил преподобный Ли Хо Бин из церкви Иисуса Христа. Позднее, после освобождения Кореи от японской оккупации, преподобный Ли отправился в Южную Корею и открыл там екуменическую семинарию Чунан.

Мы с женой начали семейную жизнь в моем общежитии в Хыксокдоне. Я очень сильно любил ее и так заботился о ней, что хозяйка нашего домика приговаривала: «Вот это да! Ты и впрямь обожаешь ее, раз обращаешься с ней, как с хрупким яйцом!»

Чтобы содержать семью, я устроился на работу в кёнсонском филиале строительной компании «Кашима Гуми» в Ёнсане, продолжая при этом заниматься церковной деятельностью. Но однажды в октябре к нам в дом ворвалась японская полиция.

«Ты знаешь такого-то и такого-то из университета Васеда?» — потребовали они ответа. И затем, не дав мне вымолвить и слова, выволокли меня из дома и отвели в полицейский участок провинции Кёнгидо. Меня схватили, потому что один из моих друзей, арестованный за причастность к коммунистам, назвал допросчикам мое имя.

Оказавшись в полиции, я был немедленно подвергнут пыткам: «Ты — член коммунистической партии, так ведь? И ты, должно быть, действовал заодно с тем негодяем во время учебы в Японии? Даже не пытайся это отрицать! Стоит нам запросить информацию в Главном полицейском управлении Токио, и они расскажут нам все. Так что ты либо выдашь нам список всех членов партии, либо сдохнешь, как собака!»

Они били меня столом, переломав все четыре ножки о мое тело, но я так и не назвал им имена людей, которые работали со мной в Японии.

Тогда полицейские отправились в дом, где я жил с женой, перевернули его вверх дном и нашли мои дневники. Они принесли мне эти дневники и, просматривая страницу за страницей, требовали, чтобы я рассказал им о тех, чьи имена там были упомянуты. Я все отрицал, хоть и знал, что они могут убить меня за молчание. И тогда полицейские стали избивать меня ногами в шипованных сапогах до тех пор, пока мое тело не превратилось в безвольный полумертвый кусок мяса. Затем они подвесили меня к потолку и стали раскачивать взад-вперед. И я болтался там, как туша в лавке мясника, пока они били меня палкой. Мой рот тут же наполнился кровью, и она начала стекать на цементный пол прямо подо мной. Когда я терял сознание, меня окатывали ведром воды. Сознание возвращалось, и они продолжали пытать меня снова и снова.

Потом мне зажали нос и с помощью чайника стали вливать воду прямо в горло, заставив меня глотать ее. Когда мой живот раздулся от воды, меня бросили на пол лицом кверху, как лягушку, и начали топтаться по животу сапогами, выдавливая воду из пищевода. Меня рвало до тех пор, пока от рвоты не потемнело в глазах. После таких пыток глотку и пищевод стало жечь страшным огнем. Боль была такой адской, что я не мог проглотить и ложки супа. Силы покинули меня, и я мог только лежать на полу и не двигаться...

Война подходила к концу, и японская полиция в отчаянии шла на крайние меры. Они пытали меня так, что не описать никакими словами. И все же я терпел и не выдал ни одного из своих друзей. Сознание то и дело покидало меня, но я прилагал все силы, чтобы не дать им того, чего они так ждали. В конце концов, устав меня мучить, полицейские послали за моей матерью. Когда она приехала, мои ноги были такими распухшими, что я не мог даже встать. Двум полицейским пришлось закинуть мои руки себе на плечи и помочь мне добраться до комнаты свиданий.

Мамины глаза наполнились слезами еще до того, как она увидела меня... «Потерпи еще чуть-чуть, — сказала она. — Я постараюсь найти для тебя адвоката. Пожалуйста, потерпи еще, не умирай!»

Глядя в мое окровавленное лицо, она умоляла: «Я знаю, что ты хочешь поступить как лучше, но все же самое главное для тебя — остаться в живых. Что бы ни случилось, не умирай!»

Мне было так жаль ее! Мне ужасно хотелось воскликнуть «Мама!», обнять ее и громко разрыдаться вместе с ней. Но я не мог этого сделать, так как слишком хорошо знал, зачем ее привели сюда японцы. Мама отчаянно умоляла меня не умирать, но я мог лишь моргать ей в ответ заплывшими и залитыми кровью глазами.

Все время, пока я находился в полицейском участке провинции Кёнгидо, госпожа Ли Ги Бон, — хозяйка дома, где я жил, — приносила мне еду и одежду. Каждый раз

при виде меня она начинала рыдать. Я утешал ее: «Потерпите еще чуть-чуть, ведь скоро все закончится. Японию ждет поражение, поэтому не надо плакать!» Это были не пустые слова. Бог давал мне веру в это.

После того как полиция освободила меня в феврале следующего года, я забрал все свои дневники из дома, отнес их на берег реки Хан и сжег, чтобы не навлечь из-за них беду на своих друзей. Если бы я не сделал этого, рано или поздно дневники попали бы в руки полиции и причинили бы много бед другим людям.

Мне было очень трудно восстановить здоровье после пыток. Довольно долгое время мой стул был с кровью. Но миссис Ли, хозяйка нашего дома, а также ее сестра помогли мне и выходили меня со всей искренностью и преданностью.

И вот наконец 15 августа 1945 года Корея освободилась от японской оккупации. Это был день, которого с нетерпением ждал каждый кореец, — день настоящего триумфа и радости! Отовсюду слышались крики «Мансей!», и люди размахивали флагами тхэгукки[11] по всему полуострову.

Но я не стал участвовать в празднике. Меня снедало черное отчаяние при мысли о том, какие ужасные беды вот-вот обрушатся на Корейский полуостров. Я заперся в чулане и погрузился в молитву. Вскоре моим страхам суждено было сбыться. Наша родина, едва освободившись от японской оккупации, была поделена надвое по 38 параллели, и Север оказался во власти коммунистического режима, отрицавшего Бога.

Приказ, которому нельзя не подчиниться

Сразу после освобождения наша страна погрузилась в беспросветный хаос. С прилавков исчезли товары первой необходимости, и даже обеспеченные люди не могли их нигде достать. У нас дома закончился рис, и я отправился в Пэкчон, что в провинции Хванхе[12], чтобы забрать оттуда купленный ранее рис, но по дороге получил откровение: «Перейди через 38 параллель и найди преданных Богу людей, оставшихся на Севере!» Я тут же пересек 38 параллель и направился в Пхеньян.

Наш первенец родился лишь за месяц до этого, и я очень беспокоился о жене. Я знал, что она будет с тревогой ждать меня, но у меня не было времени заглянуть домой перед тем, как отправиться на Север. Приказы Бога очень серьезные, и их нужно исполнять без колебаний и оговорок. У меня с собой не было ничего, кроме Библии, зачитанной мною до дыр и испещренной пометками и крохотными буквами величиной с кунжутное зерно.

Первые беженцы уже начали покидать Север, спасаясь от коммунистического режима. Из-за того, что коммунизм напрочь отвергал религию, большинству священников пришлось бежать на Юг в поисках свободы вероисповедания. Коммунисты объявили религию опиумом для народа и не позволяли людям хранить свою веру. Вот в какое место я отправился, следуя призыву Небес! Ни одному священнику не пришло бы в голову пойти туда — а я пошел, причем своими ногами.

Число беженцев на Юг все росло, и власти Севера решили ужесточить контроль на границе. Поэтому мне было нелегко пересечь 38 параллель. Пришлось пройти около пятидесяти километров до границы, и вплоть до самого Пхеньяна я даже не задумывался о том, зачем мне нужно было преодолевать столь трудный путь.

Я прибыл в Пхеньян 6 июня. Христианство пустило столь глубокие корни в этом городе, что его порой называли Иерусалимом Востока. Во время оккупации японцы всеми способами пытались уничтожить христианство, принуждая корейцев поклоняться синтоистским святыням и даже заставляя их кланяться в направлении императорского дворца в Токио. Приехав в Пхеньян, я начал свою проповедническую деятельность в доме Ра Чхве Сопа, который жил в деревне Кёнчанри, неподалеку от Западных ворот Пхеньяна.

Я начал с того, что стал сидеть с детьми, жившими по соседству. Я рассказывал им библейские истории, облакая их в форму детских сказок. Хоть они и были еще малышами, я разговаривал с ними почти как со взрослыми, только мягче и деликатнее, и старался как можно лучше позаботиться о них. В то же время я надеялся, что ко мне

обязательно придут желающие услышать послание, которое я должен был передать. Иногда я целыми днями сидел у двери и ждал таких людей.

Вскоре ко мне стали приходить люди с искренней верой. Я беседовал с ними всю ночь напролет, пытаюсь донести до них новую истину. Неважно, кто ко мне приходил — трехлетний ребенок или слепая старушка со сгорбленной спиной; я принимал их с любовью и уважением. Я кланялся и служил им, словно они были посланы Небесами. Даже если ко мне в гости приходили одни дедушки и бабушки, я беседовал с ними до поздней ночи, и мне даже в голову не приходило сказать: «Ох, как я устал от этих стариков!»

Каждый человек драгоценен. Будь то мужчины или женщины, молодежь или старики — все, абсолютно все одинаково бесценны.

Люди слушали, как молодой человек 26 лет рассказывает им о Послании к Римлянам или Книге Откровения. То, что они слышали от меня, коренным образом отличалось от всего слышанного ими ранее, поэтому ко мне стало приходить все больше и больше людей, жадно искавших истину.

Один молодой человек каждый день приходил и слушал меня, а затем молча уходил, не проронив ни слова. Это был Ким Вон Пхиль. Именно он стал первым членом в моей духовной семье. Он окончил педучилище в Пхеньяне и работал учителем. Мы с ним по очереди готовили еду, и таким образом между нами завязались отношения духовного учителя и ученика.

Стоило мне начать давать лекции по Библии, как я уже не мог остановиться, пока члены общины не уходили, извинившись и сославшись на то, что у них есть другие дела. Я проповедовал с такой страстью, что с меня ручьями тек пот. Порой я делал перерыв и шел в смежную комнатку, снимал там рубашку и отжимал ее от пота. Так было не только жарким летом, но и морозной зимой. Вот сколько энергии и страсти я вкладывал в свои проповеди!

Люди обычно приходили на службы в чистых белых одеждах. Мы пели одни и те же гимны десятки раз, и это придавало нашим собраниям пылкости и страсти. Члены нашей общины чувствовали столь сильное вдохновение, что начинали рыдать захлеб, поэтому люди называли нас Церковью плача. Когда заканчивалась служба, прихожане рассказывали о благодати, которая снизошла на них во время служения, и мы, слушая эти рассказы, буквально переполнялись этой благодатью и словно уносились куда-то вверх, в небеса.

Со многими членами нашей Церкви происходили разные духовные явления. Кто-то из них впадал в транс, а кто-то начинал пророчествовать; кто-то разговаривал на разных языках, а кто-то их переводил. Иногда к нам заглядывал кто-нибудь, кто еще не стал членом Церкви, и тогда к такому человеку подходил кто-нибудь из членов и, не открывая глаз, хлопал его по плечу. После этого гость мог внезапно разрыдаться и горячо помолиться в раскаянии. В такие минуты нашу общину оведало жарким пламенем Святого Духа, и благодаря ему многие люди излечивались от хронических болезней — да так, словно никогда и не болели! Ходили слухи, что кто-то доел за мной остатки риса и вылечился от проблем с пищеварением. Люди начали поговаривать: «Еда в этой Церкви обладает лечебными свойствами!», и многие стали дожидаться, когда я закончу есть, чтобы отведать рис, оставшийся в моей тарелке.

Слухи об этих феноменах разлетались очень быстро, и вскоре наша община разрослась так, что людям уже не хватало места в доме. Две бабушки, Чи Сын До и Ок Се Хён, пришли к нам в Церковь потому, что увидели сон, в котором им было сказано: «С Юга пришел молодой духовный учитель и поселился напротив Мансудэ[13] — пойдя и повстречайся с ним!» Никто не приводил их к нам; они сами пришли по адресу, указанному во сне. Войдя в мой дом, они обрадовались, узнав, что я и есть тот самый человек, о котором говорилось во сне. Мне достаточно было взглянуть на их лица, чтобы понять, зачем они пришли. Когда я, не спрашивая их ни о чем, сам ответил на их вопросы, они были просто вне себя от радости и изумления.

Я учил Слово Бога, приводя примеры из собственной жизни. Может быть, именно поэтому многие люди смогли получить четкие и ясные ответы на те вопросы, на которые прежде ответов не было. Некоторые прихожане из крупных церквей присоединялись к нашей Церкви, стоило им услышать мои проповеди. Как-то раз к нашей Церкви за один день присоединилось пятнадцать посвященных членов церкви Чансудже, самой крупной церкви в Пхеньяне, что повлекло за собой мощный протест со стороны старейшин этой церкви.

Свекор госпожи Ким Ин Джу был видным общественным деятелем Пхеньяна. Их дом примыкал к церкви, которую он посещал. Но эта женщина вместо того, чтобы ходить в ту же церковь, тайком приходила к нам. Чтобы уйти из дома без ведома свекра, она шла на задний двор, карабкалась на один из громадных глиняных горшков и перелезала через забор. Она проделывала все это, будучи беременной, а между тем забор был в два или три раза выше человеческого роста. Сколько мужества ей требовалось для этого! Но однажды свекор узнал об этом и сурово ее наказал. Я сразу почувствовал, когда это произошло. В те дни, когда у меня начинало сильно болеть сердце, я посылал кого-нибудь к дому госпожи Ким, и эти люди, стоя у ворот, слышали, как жестоко ее избивает свекор. Он так зверски бил ее, что у нее из глаз лились кровавые слезы. Однако потом она рассказывала, что при мысли о том, что за воротами стоят члены Церкви и молятся за нее, боль сразу же утихала.

«Учитель, как вы узнали о том, что меня бьют? — спрашивала она позднее. — Когда наши члены подходили к воротам, боль уходила прочь, и свекор чувствовал, что ему уже не хватает сил меня избивать. Почему так происходило?»

Родители мужа не только били ее, но и привязывали к стойке ворот, однако она все равно приходила к нам в Церковь. В итоге члены ее семьи пришли и избили меня, порвав на мне одежду и разукрасив лицо синяками. Я даже не пытался дать им сдачи, так как знал, что в этом случае положение госпожи Ким станет еще хуже.

Чем больше прихожан крупных пхеньянских церквей приходило к нам на службы, тем сильнее пасторы этих церквей ревновали к нам и тем чаще жаловались на нас в полицию. Для коммунистических властей религия была как заноза в боку, и они искали любые возможности выдернуть ее одним махом. Поэтому они с радостью ухватились за идею, которую подали им пасторы, и арестовали меня. 11 августа 1946 года меня обвинили в том, что я перешел на Север с целью шпионажа, и заключили под стражу в полицейском участке Тэдон. Мне предъявили ложное обвинение в том, что я был послан в Северную Корею южнокорейским президентом Ли Сын Маном с целью подготовки к захвату Севера.

Они даже привлекли к делу советского следователя, но он так и не смог отыскать в моих действиях хоть какой-нибудь состав преступления. В конце концов, продержав меня в тюрьме три месяца, они признали меня невиновным и выпустили на свободу, но к тому времени я уже был мало похож на человека. Я потерял столько крови во время пыток, что находился на грани жизни и смерти. И тогда члены Церкви забрали меня и выходили. Они жертвовали ради меня своей жизнью, не ожидая ничего взамен.

Как только мне стало лучше, я возобновил проповедническую деятельность. За год наша община значительно выросла, и традиционные церкви не собирались оставлять нас в покое.

Все больше и больше прихожан других церквей стало приходиться к нам на службы, и однажды примерно восемьдесят священников собрались и написали на нас жалобу в полицию. 22 февраля 1948 года я был снова арестован коммунистическими властями. Меня вновь обвинили в шпионаже в пользу Ли Сын Мана, и еще — в нарушении общественного порядка. Из зала суда меня уводили в наручниках. Через три дня меня обрили наголо и бросили в тюрьму. Я до сих пор помню, как падали на пол мои волосы, успевшие отрасти, пока я возглавлял Церковь. И еще я помню лицо господина Ли — человека, обрившего меня.

В тюрьме меня постоянно избивали и требовали, чтобы я сознался в своих преступлениях. И мне приходилось терпеть. Меня рвало кровью, но я не позволял себе

терять сознание, даже находясь на волосок от смерти. Порой боль была такой страшной, что я сгибался пополам и бессознательно шептал: «Боже, спаси меня!», но уже в следующий миг брал себя в руки и уверенно твердил Богу: «Пожалуйста, не волнуйся за меня! Мун Сон Мён еще не умер. Я не позволю себе умереть таким жалким образом».

И я оказался прав. Мое время умирать еще не пришло, ведь мне предстояло выполнить великое множество дел и справиться с миссией. Я не мог быть настолько слабым, чтобы от меня можно было добиться покорности с помощью такой банальной вещи, как пытка.

Каждый раз, теряя сознание во время пытки, я терпел и твердил про себя: «Я терплю побои ради корейского народа и проливаю слезы, чтобы хоть как-то облегчить боль людей». Когда меня пытали особенно жестоко и я был на грани обморока, я неизменно слышал голос Бога. Когда моя жизнь была готова вот-вот оборваться, Бог являлся ко мне. На моем теле до сих пор остались шрамы от пыток. Раны после вырванных клочьев мяса со временем затянулись и пролитая кровь давно восстановилась, но боль от пережитых мучений осталась со мной в виде шрамов. Глядя на эти шрамы, я часто говорил себе: «Ты должен победить уже потому, что носишь на себе эти отметины!»

Я должен был предстать перед судом 3 апреля, на сороковой день моего заключения. Однако слушание дела отложили на 4 дня, и оно состоялось лишь 7 апреля. Многие известные корейские христианские священники явились в суд, чтобы обвинить меня во всех мыслимых и немыслимых преступлениях. Коммунисты тоже не упустили шанс поиздеваться надо мной и заявили, что религия — это опиум для народа. В зале были и члены нашей Церкви; они стояли в стороне и горько плакали — так, словно теряли своего мужа или сына.

Один я не плакал. Со мной были мои прихожане, которые рыдали обо мне так мучительно, что их буквально скручивало от горя, поэтому я не чувствовал себя одиноким на пути Небес. Для меня это не было бедой или несчастьем — значит, не было и повода для слез. Покидая зал после оглашения приговора, я поднял руки, закованные в наручники, и помахал своим братьям и сестрам. Наручники зазвенели, и этот звук был похож на звон колоколов. В тот день меня отправили в пхеньянскую тюрьму.

Я не боялся тюремной жизни. Для меня это было не в новинку. В каждой камере существовала определенная иерархия среди заключенных, и я хорошо умел находить общий язык с главным в камере. Мне было достаточно перекинуться с ним парой слов, и мы становились приятелями. Когда твоя душа переполнена любовью, ты можешь тронуть сердце любого человека.

После того как я просидел несколько дней в самом дальнем углу камеры, старший заключенный захотел пересадить меня на место получше. Я занял самый дальний угол у параши, но он настаивал на том, чтобы я пересел на более удобное место. Сколько бы я ни отказывался, он все равно не отступал.

Подружившись со старшим в камере, я внимательно пригляделся к каждому из заключенных, ведь лицо человека может рассказать о нем все: «Ага, твое лицо такое-то и такое-то, поэтому у тебя такой-то характер», или «Ты выглядишь так-то и так-то, и это говорит о том, что у тебя есть такие-то черты».

Заключенные изумлялись тому, как много я мог рассказать о них по чертам лица. В душе они не были в восторге от того, что человек, которого они видели впервые, так много знал о них, но не могли не признать, что мои наблюдения верны.

Я мог свободно открыть людям свое сердце и поговорить с ними о чем угодно, поэтому и в тюрьме у меня появились друзья — к примеру, я подружился с убийцей. Для меня это заключение было несправедливым, однако оно стало бесценным периодом тренировки. Таким образом, любые трудности в нашей жизни имеют для нас глубокий смысл.

В тюрьме можно подружиться даже со вшами. В камерах было очень холодно, и вши забивались в швы тюремной одежды. Мы выковыривали их оттуда и соединяли попарно, и они сцеплялись лапками и прижимались друг к другу, превращаясь в крохотные шарики. Мы катали их по полу, как жуки-навозники катают навозные катышки, а вши отчаянно старались покрепче прижаться друг к другу. Вши любят зарываться куда-нибудь поглубже, поэтому они прижимались друг к другу головами и выставляли спинки наружу. Так забавно было наблюдать за ними, сидя в камере!

Обычно люди не любят ни вшей, ни блох. Но в тюрьме даже вши и блохи становятся хорошими приятелями, с которыми можно поболтать. Когда вы невольно обращаете внимание на ползущего клопа или блоху, вас может посетить мысль или идея, которую просто нельзя оставить без внимания. Мы никогда не знаем, каким образом и с помощью чего Бог захочет обратиться к нам. Поэтому нам следует быть начеку и принимать во внимание любые мелочи — даже клопов и блох.

Рисовое зернышко, ставшее дорожке целого мира

Двадцатого мая, через три месяца после заключения в пхеньянскую тюрьму, меня перевели в тюрьму Хыннам. Я был преисполнен негодования и чувствовал стыд перед Небесами. Меня сковали наручниками с вором, чтобы я не сбежал, а затем нас посадили на поезд и отправили в путь, который занял семнадцать часов. Глядя в окно, я чувствовал, как из глубины души к горлу подступает нестерпимая горечь. Казалось невероятным, что мне приходится проделывать весь этот извилистый путь через реки и долины в качестве узника.

Тюрьма Хыннам представляла собой концентрационный лагерь, узники которого трудились на фабрике по производству удобрений. В течение двух лет и пяти месяцев я занимался там тяжелым принудительным трудом. Саму систему принудительного труда Северная Корея переняла у Советского Союза. Советское правительство, опасаясь за свою репутацию в глазах мирового сообщества, не могло взять и перебить тех, кто принадлежал к классу буржуазии или просто не был коммунистом. Для этого оно придумало особую меру наказания — принудительный труд. Людей жестоко эксплуатировали и принуждали к непосильному труду до тех пор, пока они не умирали от истощения.

Коммунисты Северной Кореи переняли советскую систему и стали приговаривать заключенных к трем годам принудительных работ; в реальности до окончания этого срока почти никто не доживал.

Наш день начинался в 4:30 утра. Мы строились на плацу, и нас обыскивали на предмет наличия запрещенных вещей, проверяя тело и одежду. Мы снимали с себя всю одежду, и она тщательно обыскивалась. Каждую тряпку выколачивали так, что на ней не оставалось и пылинки. Вся процедура занимала не менее двух часов. Лагерь Хыннам находился на морском побережье, и зимний ветер, словно стилет, кромсал наши голые тела.

После проверки нас кормили отвратительной пищей, и затем мы шли четыре километра до фабрики удобрений. Мы шагали туда колоннами по четыре человека, держась за руки с теми, кто шел впереди, и не имея права даже поднять головы. Нас сопровождал вооруженный конвой. Тех, из-за кого колонна отставала или кто размыкал руки с впередиидущим, жестоко избивали за попытку побега.

Зимой на дороге наметало сугробы выше человеческого роста. Морозными зимними утрами, когда нам приходилось шагать через сугробы, достававшие до макушек, у меня начинала кружиться голова. Заледеневшая дорога была скользкой, как каток, а морозный ветер обжигал таким холодом, что волосы буквально становились дыбом. Даже после завтрака мы чувствовали себя обессиленными, и у нас подгибались колени. Тем не менее, нам приходилось проделывать весь путь до фабрики, едва волоча ноги. И я, плетясь по дороге в полубморочном состоянии, твердил себе снова и снова, что я — сын Небес.

На фабрике нас ожидала гора удобрения, которое мы называли аммонием. На самом деле это был сульфат аммония — самое распространенное сельскохозяйственное

удобрение. Проходя по конвейеру, этот порошок сыпался из желоба прямо в огромную кучу на пол, словно белый водопад. Вылетая из желоба, аммоний был очень горячим, и даже среди зимы над ним поднимались ядовитые испарения.

Порошок очень быстро остывал и становился твердым, как лед. Наша работа состояла в том, чтобы разгрести лопатами эту кучу и наполнять аммонием соломенные мешки. Эта куча более двадцати метров высотой звалась у нас горой удобрений. Около этой горы посреди огромной территории трудилось одновременно восемьсот или девятьсот человек, пытаюсь урезать гору хотя бы наполовину.

Нас разбивали на бригады по десять человек, и каждой бригаде нужно было за день наполнить и погрузить 1300 мешков, то есть по 130 мешков на человека. Если бригада не справлялась с задачей, рацион ее членов урезался вдвое, поэтому все трудились так, словно от выполнения плана зависела их жизнь.

Чтобы перетаскивать наполненные мешки с большей эффективностью, мы сшивали их самодельными иглами из стальной проволоки. Иглы мы делали так: брали кусок проволоки и клали его на рельсы, пробежавшие через фабрику. Когда по рельсам проходила небольшая вагонетка с сырьем, проволока расплющивалась и становилась хорошей иглой.

Чтобы прорезать дырки в мешках, мы использовали осколки стекла, ради которых приходилось бить окна на фабрике. Наверное, охранники все-таки жалели нас, видя, в каких ужасных условиях нам приходится работать, потому что они не запрещали нам бить окна. Однажды, пытаясь перегрызть кусок проволоки, я сломал себе зуб. Даже сейчас можно увидеть, что один из моих передних зубов слегка обломан. Для меня это — незабываемое напоминание о тюрьме Хыннам.

Из-за непосильного труда люди истощались все сильнее — все, кроме меня. Я сохранял свой прежний вес в 72 килограмма, чем вызывал зависть у сокамерников. Я всегда отличался недюжинной физической силой. Но однажды я все-таки сильно заболел — судя по симптомам, это было что-то похожее на туберкулез. Эти симптомы держались около месяца, однако я не пропустил ни дня работы на фабрике. Я знал, что если не приду, ответственность за мою часть работы ляжет на остальных членов бригады.

Благодаря моей силе люди называли меня «стальным человеком». Я мог вынести даже самую тяжелую работу. Тюрьма и принудительный труд не были для меня серьезной проблемой. Как бы жестоко вас ни избивали и какими бы ужасными ни были обстоятельства вашей жизни, вы терпите все, если в вашем сердце есть ясная цель.

Серная кислота, которая использовалась для производства сульфата аммония, оказывала губительное воздействие на наш организм. Когда я работал на японской сталелитейной фабрике в Кавасаки, я несколько раз был свидетелем того, как люди, промывавшие цистерны из-под серной кислоты, умирали от ее токсичных испарений. В Хыннаме ситуация была гораздо хуже. Кислотные испарения были такими густыми и ядовитыми, что у людей выпадали волосы и кожа покрывалась язвами, из которых сочились кровь и лимфа. Большинство людей, работавших на фабрике, очень быстро начинало рвать кровью, и они умирали в течение полугода. Мы надевали для защиты рук резиновые перчатки, но их очень быстро разъедала кислотой. Серная кислота уничтожала нашу одежду, делая ее непригодной для носки, и заставляла нашу кожу рваться и кровоточить, порой разъедавая ее до костей. Однако нам приходилось работать без единого выходного, несмотря на то, что наши раны постоянно кровоточили и сочились гноем.

Наш дневной рацион состоял из двух неполных чашек риса. К нему не было никаких добавок, кроме супа — круто подсоленной воды с плавающими в ней листьями редиса. Суп был таким соленым, что от него першило в горле, но так как рис был слишком твердым, нам приходилось размачивать его в супе. Однако никто и не думал отказываться от супа — заключенные выпивали все до последней капли. Получив свою порцию риса, люди тут же проглатывали ее одним махом. А потом, съев свой рис,

они вытягивали шеи и оглядывались по сторонам, наблюдая, как едят другие. Порой кто-нибудь запускал свою ложку в чужую миску с супом, и начиналась потасовка.

Один священник, который был вместе со мной в Хыннаме, однажды сказал: «Дай мне хотя бы одну фасолинку, и я подарю тебе двух коров, как только мы выберемся отсюда». Люди были в таком отчаянии, что если кто-нибудь из заключенных умирал во время еды, окружающие выковыривали у него изо рта остатки риса и доедали их.

Что такое боль от голода, знают лишь те, кто лично испытал ее. Когда человек голоден, обычное зернышко риса становится просто бесценным. Даже сейчас я прихожу в волнение, стоит мне лишь подумать о Хыннаме. Трудно поверить, что единственное рисовое зернышко может придать телу столько сил, но когда ты очень голоден, ты до слез тоскуешь о еде. Если человек сыт, мир кажется ему большим и значительным, но для голодного человека зернышко риса становится больше целого мира. Для того, кто голодает, рисовое зернышко приобретает колоссальную ценность.

С первого же дня в тюрьме я взял за привычку отдавать половину своей порции другим заключенным и съедать лишь то, что оставалось. Я тренировался так три недели, а потом стал съедать свою порцию целиком. Это внушило мне мысль о том, что моей порции достаточно для двух человек, и благодаря этому мне было легче переносить голод.

Жизнь в концлагере была так ужасна, что ее невозможно представить, не испытав на собственном опыте. Половина заключенных умирала в первый же год, и нам каждый день приходилось видеть, как через задние ворота выносят мертвецов в деревянных гробах. Мы трудились не покладая рук, и единственной нашей надеждой выбраться из неволи был такой вот деревянный ящик.

То, что с нами делали, было бесчеловечным зверством даже для такого жестокого и немилосердного режима. Все эти мешки с удобрениями, пропитанными слезами и горем заключенных, грузились на корабли и отправлялись в Советскую Россию.

Тюрьма Хыннам, запорошенная снегом

После еды самой ценной вещью в тюрьме была иголка с ниткой. Наша одежда изнашивалась и рвалась во время непосильной работы, но у нас не было иголок и ниток, чтобы чинить ее. Очень скоро заключенные стали походить на нищих, одетых в лохмотья. Нам было очень важно залатать все дырки на одежде, чтобы хоть немного защитить тело от ледящего зимнего ветра. Если кому-то удавалось найти кусок тряпки, лежащий на дороге, — это было такое счастье! Даже если эта тряпка была в коровьем помете, заключенные дрались за право взять ее себе.

Однажды, перетаскивая мешки с удобрением, я заметил иглу, воткнутую в один из них. Наверное, ее забыли там случайно, когда шили мешок. С того дня я стал портным хыннамской тюрьмы. Как я радовался этой находке! С ее помощью я каждый день чинил штаны своим сокамерникам.

На фабрике даже в разгар зимы было так жарко, что с нас ручьями лился пот. А теперь представьте, что творилось в разгар лета! Однако я ни разу за все время не позволил себе закатать штаны и обнажить ноги. Даже в самые жаркие летние месяцы я подвязывал штаны снизу на корейский манер. Другие спокойно снимали штаны и работали в одних трусах, но я всегда старался одеваться подобающим образом.

Когда мы заканчивали работу, наши тела были липкими от пота и покрытыми пылью от удобрений. Большинство заключенных раздевались догола и купались в ручье из сточных вод, который вытекал с фабрики. Но я никогда не купался там, где люди могли увидеть мое тело. Вместо этого я сберегал половину чашки воды, выдаваемой на день, и рано поутру, когда все спали, обтирал свое тело маленькой тряпочкой, макая ее в чашку. Эти утренние часы я также посвящал тому, чтобы прояснить свой дух и помолиться. Мое тело было для меня драгоценным, и я не хотел демонстрировать его налево и направо.

В каждой камере сидело по 36 заключенных, и я занял место в самом углу, у параши. В этом месте через меня никто не перешагивал, но люди все равно не хотели там спать. То, что мы называли туалетом, на самом деле было небольшим глиняным

горшком без крышки. Летом содержимое выплескивалось из него, а зимой превращалось в лед. Невозможно описать, как ужасно все это воняло! Из-за пересоленного супа и недоваренного риса заключенных часто мучил понос.

Сидя у параши, я часто слышал, как кто-нибудь из заключенных причитал: «Ох, как болит живот!» — и мелкими перебежками спешил к туалету. Стоило ему снять штаны, как понос буквально выстреливал наружу и меня окатывало брызгами. Даже ночью, когда все спали, у кого-нибудь начинал болеть живот. Я слышал сквозь сон вскрики людей, на которых наступали спешащие в туалет, и тут же просыпался, чтобы отползти и вжаться в стену. Если я не успевал проснуться и сгруппироваться, приходилось терпеть последствия... Чтобы выдержать этот кошмар, я пытался представить, что все эти зрелища и звуки — всего лишь особая форма искусства.

И все же я сохранил за собой место у туалета на все время заключения. Люди спрашивали, почему я выбрал именно его, и я отвечал им, что мне так удобнее. Это были не просто слова. Без сомнения, именно в этом месте я чувствовал себя наиболее спокойно.

Мой тюремный номер был 596, и меня звали «номер пять девять шесть»[14]. Если ночью я не мог заснуть, я лежал, уставившись в потолок, и повторял про себя этот номер снова и снова. Если я проговаривал его очень быстро, получалось «огуль» — слово, которым корейцы обозначают чувство несправедливости. То, как со мной поступили, было действительно несправедливо!

Коммунисты организовывали для нас докбохве — собрания, на которых зачитывались газеты и другие агитационные материалы в целях пропаганды коммунизма. Еще нас заставляли писать письма благодарности Ким Ир Сену. Комитет безопасности следил за каждым нашим движением. Каждый день мы должны были писать благодарственные письма, описывая в них то, чему мы научились, но я за все время не написал ни строчки.

От нас требовалось писать примерно вот что: «Наш Отец Ким Ир Сен из большой любви к нам каждый день хорошо кормит нас, потчует мясными блюдами и дарует чудесную жизнь. Большое ему спасибо!» У меня рука не поднималась писать подобное. Даже глядя в глаза смерти, я не мог написать такие вещи в адрес атеистической компартии. Вместо этого я трудился в десять раз усерднее остальных, чтобы выжить в тюрьме. Для меня был единственный способ оставаться безнаказанным, не написав ни строчки: стать самым лучшим заключенным. И я действительно стал им благодаря приложенным мной усилиям и даже получил награду из рук партийного чиновника.

Пока я был в тюрьме, меня часто навещала мама. От Чонджу до Хыннама не было прямого сообщения, поэтому ей приходилось садиться на поезд до Сеула и затем пересаживаться на поезд до Вонсана. На дорогу у нее уходило более двадцати изматывающих часов.

Перед отъездом она с большими сложностями добывала рис и готовила для меня мисуткару — рисовую муку, чтобы ее сын, оказавшийся в тюрьме в самом расцвете лет, мог что-нибудь поесть. Чтобы приготовить муку, она просила рис у родни и даже у дальних родственников мужей моих старших сестер. Стоило ей войти в комнату для свиданий и увидеть меня по другую сторону стеклянной перегородки, как она тут же начинала плакать. Это была сильная женщина, но при виде страданий, выпавших на долю ее сына, она становилась слабой.

Мама принесла мне шелковые штаны, которые я надевал на свадьбу. Моя тюремная роба изнасилась так, что сквозь прорехи проглядывало тело. Однако вместо того, чтобы надеть эти штаны, я отдал их другому заключенному, а рисовую муку, ради приготовления которой ей пришлось влезть в долги, я раздал тут же, прямо у нее на глазах. Мама вложила всю душу, чтобы приготовить и собрать передачу своему сыну, и ее сердце было разбито, когда я раздал все другим, не оставив себе ничего.

«Мама, — сказал я ей, — я ведь не просто сын человека по фамилии Мун. Прежде всего я сын Республики Корея и сын всего мира, сын небес и земли, и лишь потом —

сын рода Мунов. Мне кажется, будет правильно, если я полюблю их в первую очередь и лишь потом буду слушать и любить тебя. Я ведь не могу быть сыном человека, чей кругозор настолько ограничен. Пожалуйста, поступи как мать, достойная своего сына!»

Мои слова обожгли ее ледяным холодом, и мне было невыносимо больно видеть, как она рыдает. Мое сердце просто разрывалось на части... Я скучал по ней так, что иногда просыпался среди ночи и думал о ней, однако тем больше у меня было оснований не поддаваться своим чувствам. На мне лежала ответственность, данная Богом, и для меня было важнее чуть теплее одеть и чуть сытнее накормить кого-то еще, чем переживать из-за отношений с мамой.

Даже в тюрьме я старался выкроить лишнюю минутку, чтобы побеседовать с людьми. Вокруг всегда находились те, кто готов был выслушать меня. Даже в холодной и голодной тюремной жизни меня согревало тепло общения с родственными душами. Благодаря такому общению я нашел в тюрьме Хыннам двенадцать друзей — бывших соотечественников, которые стали для меня ближе самых родных людей и с кем я мог бы провести остаток жизни. Среди них был и известный священник, бывший президент Ассоциации христианских церквей пяти северных провинций Кореи. С этими людьми я делился самыми глубокими переживаниями, находясь на грани жизни и смерти, поэтому они стали мне ближе, чем моя собственная плоть и кровь. Их присутствие придавало смысл моему тюремному существованию.

Я три раза в день молился о тех, кто помогал мне, и о членах нашей общины в Пхеньяне, называя каждого по имени. В такие минуты я всегда чувствовал, что должен сделать в тысячу раз больше для всех, кто протягивал мне горстку еды, специально припрятанную под одеждой.

Вооруженные силы ООН открывают ворота тюрьмы

Пока я отбывал срок в тюрьме Хыннам, началась Корейская война. Спустя три дня после начала войны южнокорейские войска оставили Сеул и отступили на юг Кореи. И тогда шестнадцать стран во главе с США в составе войск ООН вмешались в ход Корейской войны. Войска США высадились в Инчхоне и двинулись на Вонсан, крупнейший индустриальный центр Северной Кореи.

Разумеется, тюрьма Хыннам тут же стала главной мишенью бомбардировки ВВС США. Во время бомбардировок тюремные охранники бросали заключенных и прятались в бомбоубежища. Им было все равно, выживем мы или нет. Однажды передо мной явился Иисус; по его щекам текли слезы. Я воспринял это как предупреждение и закричал: «Идите сюда и не отходите от меня дальше чем на 12 метров!» И тут же в 12 метрах от меня разорвалась бомба. Те из заключенных, что были рядом со мной, остались в живых.

Бомбардировки становились все чаще и интенсивнее, и охранники начали избавляться от заключенных. Они выкрикивали наши номера и приказывали явиться в строй, захватив с собой трехдневный запас еды и лопату. Заключенные думали, что их просто переводят в другую тюрьму, однако на самом деле их отводили в горы и заставляли рыть ямы, а потом хоронили в этих ямах. Людей вызывали на казнь в зависимости от величины срока: тех, чей срок был самый большой, казнили в первую очередь. И тогда я понял, что мой черед наступит на следующий день.

Однако в ночь накануне моего предполагаемого расстрела началась массированная бомбардировка: бомбы сыпались с неба, как тропический ливень. Это было 13 октября 1950 года. В тот день войска США высадились в Инчхоне и двинулись на север, чтобы освободить Пхеньян и Хыннам, а ночью атаковали Хыннам силами бомбардировщиков Б-29. Бомбардировка была такой ожесточенной, что весь лагерь был охвачен шквалом огня. Тюремные стены рухнули, и охранники стали разбегаться, спасая свою жизнь. И вот наконец-то открылись ворота тюрьмы, которые сдерживали нас все это время! Примерно в два часа утра следующего дня я спокойно и с достоинством покинул тюрьму Хыннам.

Я пробыл в заключении в Пхеньяне и Хыннаме два года и восемь месяцев, и мой внешний вид был просто ужасным — от одежды и белья остались одни лохмотья. И вот так, прямо в лохмотьях, вместо того чтобы вернуться домой, я отправился в Пхеньян с группой последователей, которых нашел в тюрьме. Некоторые из них пошли за мной вместо того, чтобы идти искать своих жен и детей. Я могу лишь представить, как моя мама плакала каждый день, переживая за мою судьбу, но мне было важнее позаботиться о членах моей общины, оставшихся в Пхеньяне.

По пути в Пхеньян мы увидели, что Северная Корея готовится к войне. Крупнейшие города были связаны между собой двухполосными дорогами, которые при необходимости можно было использовать для военных целей. Многие мосты были забетонированы, чтобы выдержать вес тридцатитонных танков. Удобрения, упакованные заключенными Хыннама с риском для жизни, отправляли в Россию в обмен на устаревшую, но вполне пригодную военную технику, которая разворачивалась вдоль всей 38 параллели.

Прибыв в Пхеньян, я тут же отправился на поиски членов общины, которые были со мной вплоть до заключения под стражу. Мне было очень важно разыскать их и узнать их дальнейшую судьбу. Война разбросала кого куда, но я чувствовал ответственность за то, чтобы найти их и помочь выбрать правильный путь в жизни. Я понятия не имел, где их искать, и единственное, что мне оставалось — это обойти весь Пхеньян от края до края.

Неделя поисков — и я нашел всего трех-четырех человек. Я сберег немножко рисовой муки, которую мне дали еще в тюрьме, и, смешав ее с водой, сделал для них лепешки. По пути из Хыннама я пытался забить голод парой мерзлых картофелин и даже не притронулся к этой муке. Я был сыт уже при виде того, как люди с аппетитом поглощали эти лепешки.

Я пробыл в Пхеньяне 40 дней, пытаюсь разыскать всех, кого мог, будь то стар или млад, но так и не узнал, что стало с большинством из них. Все эти люди навсегда остались в моем сердце...

Ночью 2 декабря я отправился на Юг. Мы с Ким Вон Пхилем присоединились к колонне беженцев длиной в двенадцать километров и еще взяли с собой человека, который не мог ходить. Это был один из последователей, присоединившихся ко мне в хыннамской тюрьме, по фамилии Пак. Его освободили прямо передо мной. Когда я пришел к нему домой, оказалось, что все члены его семьи уже ушли на Юг, а он сидел в доме один со сломанной ногой. И тогда я посадил его на велосипед и взял с собой.

Северокорейская армия уже оккупировала все дороги для военных целей, поэтому мы шли к Югу по замерзшим рисовым полям и отчаянно спешили. Китайская армия шла за нами буквально по пятам, однако нам трудно было шагать быстро, потому что с нами был человек, который не мог идти. Примерно половину пути дорога была такой ужасной, что мне приходилось сажать его на спину и нести на себе, пока Вон Пхиль вел велосипед. Этот человек все время твердил, что не хочет быть обузой для меня, и несколько раз пытался свести счеты с жизнью. Я же пытался убедить его не сдаваться и порой просто орал на него. В конечном итоге мы с ним дошли до конца.

Мы были беженцами, и нам надо было что-то есть. Мы заходили в дома, брошенные жителями, бежавшими на Юг, и пытались найти там что-нибудь съестное, а потом варили все, что удавалось найти, будь то рис, ячмень или картошка. Так мы и выживали. У нас не было никакой посуды, и есть нам приходилось щепками вместо палочек, но еда была такой вкусной! В Библии сказано: «Блаженны нищие духом», верно? Мы ели все, что под руку попадет, и наши желудки довольно урчали в ответ. Даже кусок ячменной лепешки казался нам таким лакомством, что не нужны были никакие царские яства. Каким бы голодным я ни был, я всегда заканчивал есть раньше других, чтобы им досталось чуть больше.

И вот, пройдя достаточно длинный путь, мы приблизились к северному берегу реки Имджин. Не знаю почему, но я почувствовал, что нам нужно как можно скорее перебраться на другой берег, не теряя ни минуты. Я очень ясно ощутил, что нам

необходимо поскорее преодолеть это препятствие, чтобы остаться в живых, и стал безжалостно подталкивать Ким Вон Пхиль. Он был молод и так устал, что спал на ходу, но я толкал и толкал его вперед, волоча за собой велосипед. В ту ночь мы прошли тридцать два километра и добрались до берега реки Имджин. К счастью, река была покрыта льдом, и мы пересекли ее вслед за другими беженцами, шедшими впереди нас. За нами вытянулись целые колонны тех, кто еще не дошел до реки, однако сразу же после того, как мы пересекли реку, войска ООН перекрыли дорогу и преградили людям путь, не пуская их на тот берег.

Если бы мы пришли к переправе буквально на несколько минут позже, мы не смогли бы перейти на другую сторону.

Как только мы ступили на твердую землю, Ким Вон Пхиль оглянулся назад и спросил меня:

— Как вы узнали, что переправа через реку будет закрыта?

— Я просто почувствовал это, — ответил я. — Если человек ступил на путь Небес, с ним вполне может происходить нечто подобное. Люди зачастую и не догадываются, что спасение ждет их прямо за очередным препятствием. Мы не могли ждать ни минуты, и если бы мне пришлось схватить тебя за шиворот и перетащить через реку силой, я бы так и сделал.

Казалось, мои слова произвели впечатление на Вон Пхиль, но у меня на душе все равно было беспокойно. Когда мы подошли к тому месту, где 38 параллель делит полуостров на две части, я ступил одной ногой на землю Северной Кореи, а другой — на землю Южной Кореи, и начал молиться:

«Сейчас нам приходится в спешке бежать на Юг, однако я скоро вернусь на Север и, призвав силы демократического мира, освобожу Северную Корею и объединю Север и Юг».

Эту молитву я повторял про себя все время, пока мы шли на Юг вместе с беженцами.

ГЛАВА 3

САМЫЙ СЫТЫЙ ЧЕЛОВЕК НА СВЕТЕ

«Ты — мой духовный учитель»

После перехода через реку Имджин мы отправились в Пусан через Сеул, Вонджу и Кёнджу. 27 января 1951 года мы прибыли в Пусан. Город был буквально наводнен беженцами с Севера — казалось, в него съехалась вся страна, и все помещения, пригодные для жилья, были забиты до отказа. В нашей каморке едва хватало места, чтобы сесть, поэтому единственным выходом было пойти ночевать в лес и попытаться согреться всеми возможными способами, а днем вернуться в город и попробовать найти какую-нибудь еду.

К тому времени мои волосы, коротко стриженные в тюрьме, сильно отросли, и мои штаны, изнутри подшитые ватой из одеяла, превратились в лохмотья. Вся моя одежда настолько засалилась, что дождевые капли уже не впитывались в нее, а свободно стекали вниз.

Подошвы моих ботинок почти полностью стерлись, хотя верхняя часть еще как-то держалась, так что я мог с тем же успехом разгуливать босиком. Все дело в том, что я оказался на самом дне общества, стал нищим из нищих. Мы не могли устроиться ни на какую работу — ее просто не было в городе, — и у нас в карманах не было ни гроша. Чтобы не умереть с голоду, нам приходилось побираться.

И все-таки, даже прося у людей что-нибудь поесть, я делал это с достоинством. Если кто-то отказывался помочь, я говорил ему ясно и убедительно: «Послушайте, если вы не поможете нуждающимся — таким, как мы, — даже не мечтайте, что в будущем вам улыбнется удача!»

После таких слов люди просто не могли отказать. Мы брали еду, собранную таким образом, и находили ровную полянку, на которой можно было устроиться всем вместе. В те времена так питались очень многие. У нас не было ничего, и даже еду приходилось выпрашивать — и, тем не менее, наши отношения были проникнуты теплом глубокой и сердечной дружбы.

Как-то раз в один из таких дней я услышал чей-то возглас: «Вот это да! Сколько лет, сколько зим!!»

Обернувшись, я столкнулся нос к носу с Ом Дон Муном, моим товарищем по учебе в Японии. Мы с ним близко сдружились после того, как он услышал мою патриотическую песню, тронувшую его до глубины души. Сейчас он — один из лучших архитекторов Кореи, и среди его проектов — культурный центр «Сэджон» и гостиница «Лотте».

«Идем, — сказал он и крепко обнял меня, не обращая внимания на лохмотья. — Пойдем скорее ко мне!»

К тому времени Ом Дон Мун был женат и жил с семьей в однокомнатной квартирке. Чтобы приготовить мне место, он повесил одеяло посреди комнаты, разделив ее на две части: в одной поселил меня, а в другой стал жить вместе с женой и двумя маленькими детьми.

«А теперь, — попросил он меня, — расскажи, что с тобой приключилось за эти годы. Я ведь часто вспоминал тебя и думал, где ты и чем занимаешься. Мы были с тобой друзьями, — сказал он, — но для меня ты был больше, чем друг. Ты ведь знаешь, что я всегда очень уважал тебя?»

До сих пор я не мог откровенно делиться переживаниями ни с кем из друзей. В Японии мне приходилось скрывать даже то, что я люблю читать Библию. Если кто-нибудь входил в комнату, когда я ее читал, я тут же прятал книгу за спину. Но в гостях у Ом Дон Муна я впервые рассказал о себе все как есть.

Мы проговорили всю ночь. Я поведал ему о своей встрече с Богом и о том, как пересек 38-ю параллель, основал Церковь и выжил в тюрьме Хыннам. Моя история заняла три полных дня, и когда я закончил рассказ, Ом Дон Мун встал и тут же упал передо мной на колени в полном церемониальном поклоне.

«Что ты делаешь?» — я был изумлен и, мягко скажем, шокирован. Схватив его за руку, я попытался остановить его, но не смог.

«С этого момента, — произнес он, — ты будешь для меня великим духовным учителем. Этим поклоном я приветствую тебя, мой учитель. Пожалуйста, прими его».

С тех пор он был всегда со мной — мой друг и последователь. Вскоре после этого я устроился на работу на четвертом пирсе в порту Пусана. Я работал только по ночам и на заработанные деньги мог позволить себе покупать бобовую кашу на станции Чхорян. Горячая каша продавалась в миске, завернутой в тряпку, чтобы подольше не остывать, и я, прежде чем съесть ее, грелся об эту миску час или даже больше. Это помогало мне прийти в себя после того, как я намерзнуть во время работы за долгую и промозглую ночь.

Тогда же я подыскал себе комнатку в рабочем бараке в Чхоряне. Каморка была такой крохотной, что я не мог в ней лечь даже по диагонали, чтобы ноги не упирались в стену. Но именно в этой комнатке я, наточив карандаш, с трепетом сделал первые наброски к Волли Вонбон[15]. У меня почти не было денег, но для меня это не имело значения. Если душа полна решимости, можно сделать все что угодно, даже ютаться в трущобах. Все, что нам нужно — это воля.

В тот год Ким Вон Пхилю исполнилось двадцать лет, и он перепробовал все виды работ, на которые только смог устроиться. Работая в ресторане, он приносил домой подгорелый рис, который невозможно было подать посетителям, и мы вместе съедали его. У него был талант к рисованию, и вскоре он устроился художником в американскую воинскую часть.

Однажды мы с ним забрались на гору Помнетколь в Помильдоне и построили там хижину. Неподалеку от этого места было кладбище, поэтому поблизости не было ничего, кроме каменистого ущелья. Не имея ни клочка собственной земли, мы разровняли часть горного склона и на этой площадке соорудили жилище. Более того, у нас не было даже лопаты! Мы позаимствовали совок, валявшийся рядом с чьей-то кухней, и вернули его раньше, чем хозяева хватились пропажи. Вместе с Ким Вон Пхилем мы разбивали камни, разравнивали землю и таскали гравий, а затем из грязи,

смешанной с соломой, делали кирпичи и строили стены. У нас было несколько картонных коробок из-под американских продуктов, которые мы распрямили и прикрепили сверху вместо крыши. На землю вместо пола мы постелили кусок черного пластика.

Наша лачуга была хуже самых бедных и скромных лачуг. Она вплотную примыкала к скале, и посреди комнаты из земли торчал большой камень. Все, что у нас было — это подобие конторки, прислоненной к этому камню, и еще мольберт Ким Вон Пхилья. Во время дождя под полом комнатки протекал ручей, и было так романтично сидеть и слушать журчание воды прямо под нами! Когда мы просыпались поутру в нетопленной комнатухе с протекающей крышей и текущим под полом ручьем, у нас из носа текли такие же ручьи. И все же мы радовались даже такой избушке, где можно было лечь на пол и отдохнуть, позабыв обо всем. Условия жизни были просто ужасны, но мы были полны надежд, так как понимали, что идем по пути Божьей воли.

По утрам, когда Ким Вон Пхиль шел на работу на американскую базу, я провожал его до подножия горы, а вечером, когда он возвращался домой, выходил и встречал его. Все остальное время я посвящал написанию Волли Вонбон. В нашей комнатке всегда имелись наточенные карандаши; даже рис у нас был не всегда, а карандаши — всегда.

Вон Пхиль очень помогал мне — и материально, и духовно. Благодаря ему я мог сосредоточиться на рукописи. Даже приходя с работы и валясь с ног от усталости, он все равно искал возможность помочь мне. Я так мало спал в те дни, что мог заснуть прямо на ходу. Порой я засыпал даже в туалете, и Вон Пхиль приходилось провожать меня туда, чтобы убедиться, что со мной все в порядке.

На этом его помощь не заканчивалась. Он так хотел хоть как-то помочь мне в написании книги, что взялся рисовать портреты для американских солдат и на вырученные деньги покупал мне карандаши. В те времена солдаты США любили заказывать портреты своих жен или возлюбленных, и Ким Вон Пхиль брал шелковую ткань, крепил ее на деревянные рамки, писал портреты и продавал их по четыре доллара за штуку.

Я был очень благодарен ему за такую преданность делу. Когда он рисовал, я садился рядом и всеми силами старался помочь ему. Когда он уходил на работу на американскую базу, я покрывал грунтовкой шелк, вырезал дощечки для рамок и склеивал их. К тому времени, как он возвращался домой, я промывал его кисти и покупал необходимые краски. Вернувшись с работы, он брал карандаш 4В и рисовал портрет. Сначала заказов было очень мало, всего один или два в день, но потом слава о его работах разлетелась повсюду, и он стал таким популярным, что порой ему приходилось делать за вечер двадцать или даже тридцать портретов. Со временем вся наша комнатка оказалась заваленной портретами, и мы уже не знали, где нам спать.

Когда на нас посыпались заказы, я решил, что пришло время помогать ему как-то посущественнее, и пока Вон Пхиль рисовал черты лица, я раскрашивал губы и одежду. На деньги, заработанные совместным творчеством, мы покупали карандаши и материалы для живописи, а все свободное время посвящали свидетельствованию. Очень важно записывать Слово Бога на бумаге, но еще важнее напрямую рассказывать людям о Божьей воле.

Симпатичный, но немного чокнутый молодой человек, живущий у колодца

Когда мы построили глиняную хижину и открыли Церковь в Помнетколе, мои проповеди приходило послушать всего три человека. Но я проповедовал так, словно передо мной были не только они. Я говорил себе: «Хоть я их и не вижу, но я читаю проповедь для тысяч и даже десятков тысяч людей». Проповедуя, я представлял себе, что передо мной — все человечество. Эти трое сидели и слушали, как я рассказывал им Принцип во весь голос и чуть ли не кричал.

Напротив нашей лачуги был колодец, и вскоре среди тех, кто приходил туда за водой, разлетелся слух, что в глиняной избушке у колодца живет чокнутый молодой человек. Люди, набирая воду, стали пристально вглядываться в обветшалую лачугу,

пытаюсь разглядеть там мужчину в лохмотьях, который разглагольствует так, словно командует миром. Вполне естественно, что среди людей поползли слухи и домыслы. Я проповедовал о том, что небеса и земля перевернутся с ног на голову и что Корея объединит весь мир.

Вскоре обо мне заговорили не только те, кто брал воду из колодца: слухи докатились аж до подножия горы. Скорее всего, именно слухи разжигали любопытство людей и приводили их посмотреть на умалишенного, живущего у колодца.

Среди любопытствующих были студенты расположенной неподалеку семинарии и группа профессоров престижного женского университета Ихва. Эти слухи, сильно приукрашенные, гласили обо мне как о красивом и хорошо сложенном мужчине, и это побуждало женщин средних лет залезать на гору, чтобы поглазеть на меня и таким образом убить время.

В тот день, когда я дописал Волли Вонбон, я отложил карандаш в сторону и помолился: «Пришло время рассказать о своей вере. Пожалуйста, направь ко мне святых, которым я мог бы свидетельствовать!» Затем я вышел и отправился к колодцу. На дворе стояла поздняя весна — 10 мая. На мне были традиционные корейские штаны на ватной подкладке и старый пиджак, в котором я потел в жару. Внезапно я увидел молодую женщину, которая, утирая пот со лба, карабкалась на гору к колодцу.

Я заговорил с ней:

— Бог подарил тебе так много любви за последние семь лет!

От изумления она аж отскочила от меня, ведь именно семь лет назад она решила посвятить свою жизнь Богу...

— Меня зовут Кан Хён Щиль, — сказала она, — и я — миссионер церкви Помчхон, которая находится рядом, у подножия горы. Я услышала, что здесь живет человек со странностями, и пришла свидетельствовать ему!

Вот как она встретила меня. И я пригласил ее в дом. Она оглядела убогую комнатку, и по ее лицу было заметно, каким странным ей кажется все это. Потом ее взгляд задержался на моем столике, и она спросила:

— Зачем вам столько карандашей?

— Как раз сегодня утром, — ответил я, — я закончил писать книгу о принципах устройства Вселенной, и я думаю, что Бог послал тебя сюда, чтобы ты услышала от меня об этих принципах.

— Что?! — воскликнула она. — Я пришла сюда потому, что услышала о сумасшедшем, который здесь живет и которому нужно свидетельствовать!

Я протянул ей подушку для сидения и затем сел сам. Под полом комнатки текла и звонко переливалась вода из ручья.

— В будущем Корея сыграет ведущую роль на мировой арене, и другие народы пожалеют, что не родились корейцами, — начал я. Она явно решила, что я несую полную чушь.

— Так же, как пророк Илия явился к людям в облике Иоанна Крестителя, — продолжал я, — Иисус вернется во плоти в Корею.

Эти слова заставили ее вскипеть от негодования.

— Я уверена, что Иисус найдет для своего прихода более подходящее место, чем наша жалкая и несчастная Корея!

Затем она выпалила:

— Вы вообще открывали когда-нибудь Книгу Откровения? Я..., — но я прервал ее на полуслове:

— Вы хотите сказать, что учились в теологической семинарии Корё?

— Как вы догадались об этом? — потребовала она ответа.

— А вы думаете, что я ждал бы вас здесь, если бы ничего не знал о вас? Говорите, что пришли сюда свидетельствовать мне? Так свидетельствуйте же! Учите меня!

Несомненно, Кан Хён Щиль хорошо разобралась в теологии. Она один за другим цитировала отрывки из Библии, пытаясь дать отпор моей точке зрения, и продолжала бросать мне вызовы, а я неизменно отвечал на ее требовательные вопросы ясным и

уверенным голосом. Наша дискуссия продолжалась до тех пор, пока не стемнело, и тогда я встал и приготовил ужин. Кроме риса у меня был только переквашенный кимчхи[16], но мы с ней сели и покушали, слушая журчание ручья под полом и готовясь возобновить дебаты.

Она пришла и на следующий день, а потом еще и еще, и мы продолжили нашу беседу. В конце концов, она приняла решение посвятить свою жизнь принципам, о которых я учил.

В тот же год в холодный и ветреный ноябрьский день на пороге нашей хижины в Помнетколь появилась моя жена. Рядом с ней стоял семилетний мальчик — мой сын, родившийся в год, когда я покинул свой дом. Тогда я вышел из дома за рисом и вместо этого отправился в Пхеньян. Прошли годы, мой сын вырос, и теперь этот мальчик стоял передо мной... Я не смел взглянуть ему в глаза, не говоря уж о том, чтобы потрепать по щеке или горячо обнять, прижав к себе. Я стоял там, словно окаменевший, примерзнув к месту и не в силах вымолвить ни слова...

Моей жене не нужно было ничего говорить. Я всем сердцем ощутил боль и страдания бедной матери с ребенком, пережитые ими в разгар войны. Еще до их прихода я знал о том, где и в каких условиях они живут, но в то время у меня еще не было возможности позаботиться о семье. Я знал об этом и поэтому несколько раз просил ее — так же, как и перед свадьбой, — чтобы она доверилась мне и подождала еще чуть-чуть.

Когда придет время, я собирался сам пойти и забрать их. Однако на тот момент, когда они пришли ко мне домой, время забирать их еще не пришло. Лачуга, которую мы называли церковью, была крохотной и убогой, к тому же в ней вместе со мной ели и спали еще несколько членов Церкви, изучавших Слово Бога. Мне просто некуда было поселить свою семью...

Моя жена оглядела нашу хижину, вздохнула с горьким разочарованием и собралась уходить. Вместе с сыном они спустились со склона горы и исчезли из виду...

Церковь, не принадлежащая ни к одной из деноминаций

В Корее есть поговорка, что тот, кого оскорбляют, будет долго жить. Если бы моя жизнь удлинялась с каждым полученным оскорблением, я мог бы прожить на сотню лет дольше. Я был сыт по горло, но мой желудок был переполнен не съеденной пищей, а пережитыми оскорблениями. Так что меня можно смело назвать самым сытым человеком на свете. Люди из традиционных церквей, которые противостояли мне и бросали в меня камнями, когда я основал свою Церковь в Пхеньяне, снова стали преследовать меня — на сей раз в Пусане. Еще до того, как мы должным образом основали Церковь, они преисполнились решимости доставить нам массу неприятностей. К моему имени так часто прилагалась приставка «псевдо-» или «еретик», что эти слова стали чуть ли не частью имени. И в самом деле, имя Мун Сон Мён стало синонимом ереси и псевдорелигии. Теперь, наверное, и не услышишь мое имя без этих приставок...

К 1953 году преследования достигли своего пика. Мы покинули нашу хижину в Пусане и переехали сначала в Тэгу, а затем в Сеул. В мае следующего года мы сняли домик в районе Пукхакдон, рядом с парком Чанчхундан, и повесили на дверь табличку «Ассоциация Святого Духа за объединение мирового христианства».

Мы выбрали это название, чтобы показать, что не принадлежим ни к одной из существующих деноминаций и не собираемся создавать новую. «Мировое христианство» — это весь христианский мир прошлого и настоящего, слово «объединение» отражает наше желание прийти к единству, а «Святой Дух» свидетельствует о гармонии между духовным и физическим миром, основа которой — любовь, царящая во взаимоотношениях отца и сына. Имя нашей Церкви означает, что вместе с нами — духовный мир, центром которого является Бог.

В частности, объединение — это именно то, к чему я стремлюсь, пытаюсь добиться построения Божьего идеального мира. Объединение — это не союз. Союз — это когда двое собираются вместе. А объединение — это когда двое становятся одним целым.

Название «Церковь Объединения» получило всемирную известность гораздо позже, к тому же его нам дали другие. Сначала же студенты называли нашу общину «Сеульской Церковью».

Для написания слова «церковь» я не люблю использовать слово «кёхве» в его традиционном смысле. Но мне нравится смысл, который обретает это слово, если записать его китайскими иероглифами. «Кё» означает «учить», а «хве» — «встреча». Иными словами, это слово буквально означает «встреча для изучения». Если слово «религия» («чонгё») записать китайскими иероглифами, получится два иероглифа — «центральный» и «учение».

И если слово «церковь» понимать как «собираться там, где учат духовной истине», то это хорошее значение. Однако в слове «кёхве» нет и намёка на то, что люди собираются и чем-то делятся друг с другом. Обычно люди, используя это слово, имеют в виду совсем другое.

Мне не хотелось бы, чтобы наша община попала в разряд очередной деноминации. Я надеялся создать Церковь, которая не относится ни к одной деноминации. Истинная религия направлена на спасение целой страны, даже если для этого ей приходится жертвовать собой как религиозной организацией. Она стремится спасти весь мир, даже если для этого придется пожертвовать страной, и желает спасти все человечество, даже если для этого придется пожертвовать всем миром. Если бы люди понимали это, они не стали бы создавать множество отдельных деноминаций.

Для нас было важно вывесить табличку с названием Церкви, но я был готов в любой момент отказаться от нее. Как только человек вешает на дверь табличку с надписью «церковь», он тем самым проводит черту, разграничивающую «церковь» и «не церковь». Однако если вы берете нечто целое и делите его на две части, это неправильно. Я мечтал вовсе не об этом, и это не тот путь, который я избрал для себя. Если для спасения страны и мира мне нужно будет снять эту табличку, я сделаю это в любой момент.

Наша табличка была прибита рядом с входом. Конечно, ее лучше было бы повесить куда-нибудь повыше, но у крыши был очень низкий карниз, и другого места для нее не нашлось. В конце концов мы прикрепили ее на уровне глаз ребенка. Кстати, именно соседские дети стащили ее как-то раз, наигрались с ней и расколотили пополам. Однако мы не могли ее выкинуть, поскольку она представляла для нас историческую ценность. Мы взяли эти два куска, скрепили их проволокой и снова прибили к входу, но уже значительно крепче. Наверное, из-за того, что наша табличка подвергалась таким унижениям, нашей Церкви тоже пришлось пережить немало унижений.

У нашей избышки был такой низкий карниз, что людям приходилось наклонять голову, чтобы войти. Комната шириной около восьми футов была такой тесной, что если в ней для молитвы собиралось шесть человек, они порой невольно стучались лбами. Соседи то и дело высмеивали нашу табличку и с издевкой вопрошали, о каком таком всемирном объединении мы размечтались, сидя в крохотной хибаре, в которую и не войдешь иначе как согнувшись в три погибели. Им не приходило в голову поинтересоваться, почему мы выбрали такое название. Они просто глядели на нас как на умалишенных, и все.

Однако и хлопот они нам тоже не доставляли. В Пусане нам приходилось побираться себе на еду, а теперь у нас была комната, в которой можно было проводить службы. Нам нечего было бояться. Я даже соорудил себе костюм из американской рабочей униформы, которую покрасил в черный цвет и носил с черными резиновыми галошами. Хотя люди постоянно искали случая унижить нас, в душе мы более, чем кто-либо, были исполнены достоинства.

Наши прихожане называли себя «щикку», или «члены семьи». Мы были буквально опьянены любовью. Все, кто приходил к нам, могли видеть, что я делаю и о чем говорю. Мы были связаны друг с другом незримыми узами любви, которые позволяли нам общаться с Богом. Например, какая-нибудь женщина, готовившая еду у себя на кухне, могла внезапно сорваться и прибежать к нам в Церковь. Другая женщина,

собираясь переодеться в новое платье, внезапно выбегала из дома как есть, в старой и дырявой одежде. Если какую-нибудь прихожанку родители мужа брили наголо, пытаясь отвадить от Церкви, она все равно приходила к нам с лысой головой.

Число членов Церкви постепенно росло, и мы начали свидетельствовать в студенческих городках. В 1950 годах студенты вузов считались интеллектуалами в корейском обществе и пользовались большим уважением. Мы стали свидетельствовать рядом с входом в женский университет Ихва и университет Ёнсе, и вскоре наша Церковь пополнилась значительным числом студентов.

Профессор Ян Юн Ён, преподававшая музыку в университете Ихва, и профессор Хан Чун Хва, заведовавшая общежитием, тоже стали прихожанками нашей Церкви. К нам приходило и множество студентов, причем не по одному или по двое, а целыми дюжинами, и их число росло в геометрической прогрессии. Это одинаково изумляло как традиционные церкви, так и нас самих.

Через два месяца после начала проповеднической деятельности в общежитиях наша община выросла до невероятных размеров, в основном за счет студентов университетов Ихва и Ёнсе. Наша Церковь росла как на дрожжах! Похоже, к нам ворвался свежий весенний ветер и в мгновение ока изменил сердца студентов. Десятки молодых людей собрали вещи и покинули общежития Ихва, и все это — за один день. Если кто-либо пытался их остановить, они отвечали: «Зачем вы пытаетесь нам помешать? Хотите задержать — так убейте! Просто возьмите и убейте меня!» Они сбегали из общежитий, вылезая из окон и перелезая через заборы. Я пытался вразумить их — но куда там! Они не хотели оставаться в своих чистых и опрятных университетах: их тянуло к нам, в нашу крохотную Церковь, где стояла вонь от нестиранных носков. И никто ничего не мог с этим поделать.

В конце концов, декан Ким Хвал Лан послала к нам в Церковь профессора Ким Ён Ун из Департамента религиозной и социальной помощи. Профессор Ким изучала теологию в Канаде и была хорошим теологом, и университет Ихва возлагал на нее большие надежды. Декан Ким Хвал Лан выбрала профессора Ким, чьей специальностью была теология, поскольку та могла выступить с конструктивной критикой нашего вероучения, которую потом можно было бы использовать для предотвращения утечки студентов. Однако через неделю после встречи со мной профессор Ким, тот самый полномочный представитель, присоединилась к нашей Церкви и стала одной из самых активных последовательниц! Это придало нам еще больший авторитет в глазах других профессоров и студентов Ихва, и наша Церковь стала расти со скоростью снежной лавины.

Ситуация начала выходить из-под контроля, и традиционные церкви снова принялись обвинять нас в том, что мы крадем у них прихожан. Мне это казалось несправедливым. Я никого не принуждал слушать мои службы и посещать нашу Церковь. Если я прогонял людей через парадную дверь, они возвращались через черный вход. Если я запирал двери, люди перелезали через забор. Я просто не мог остановить их! Более всего эта ситуация озадачивала администрации университетов Ихва и Ёнсе, которые пользовались поддержкой христианских фондов и поэтому не могли оставаться в стороне и спокойно смотреть, как их студенты и преподаватели в массовом порядке перетекают в другую религиозную группу.

Два университета исключают студентов и увольняют профессоров

Университет Ёнсе и женский университет Ихва оказались в кризисной ситуации и в конце концов приняли меры, которые не принимались ни до, ни после этого случая. Ихва уволил пятерых профессоров, включая профессора Ким Ён Ун, и исключил четырнадцать студенток, пятеро из которых заканчивали последний курс. Ёнсе также уволил одного профессора и исключил двоих студентов.

Священник университета Ихва пытался уговаривать студенток: «Вы можете снова ходить в ту Церковь после того, как получите диплом, и тогда наш университет избежит неприятностей». Однако уговоры не действовали — напротив, эффект был прямо противоположным.

Исключенные студенты пытались было протестовать: «В нашем вузе учатся даже атеисты и дети самых настоящих шаманов! Как вы можете оправдывать наше исключение и тем самым лицемерно попустительствовать двойным стандартам?»

Однако администрации вузов выдержали натиск и продолжали стоять на своем: «Мы — частное учебное заведение под патронажем христианской церкви, и мы имеем право исключать любых студентов по нашему усмотрению».

Вскоре информация об инциденте просочилась в прессу, и одна из газет опубликовала статью под заголовком: «В стране, где заявлена свобода вероисповедания, увольнения и исключения недопустимы!» После этого ситуация стала предметом бурных обсуждений среди широкой общественности.

Поскольку университет Ихва существовал за счет финансовых вложений канадского христианского фонда, университетская администрация опасалась, что финансирование прекратится, как только в фонде станет известно о том, что большая часть студентов присоединилась к Церкви, которую все считают еретической. В университете трижды в неделю стали проводиться богослужения, во время которых составлялись списки участников и отсылались в главный офис миссионерской деятельности.

После отчисления студентов и увольнения профессоров общественное мнение склонилось в нашу сторону. И тогда администрация Ихва, желая как-то повлиять на ситуацию, стала распространять лживые слухи — слишком гнусные, чтобы их повторять. К сожалению, как это часто бывает, чем грязнее были слухи, тем с большим удовольствием люди смаковали их и передавали друг другу в полной уверенности, что все это правда. В конечном итоге слухи начали подпитывать сами себя и жить своей собственной жизнью. Нашей Церкви пришлось терпеть все это год и даже больше.

Я не хотел, чтобы эта проблема до такой степени вышла из-под контроля. Мне вообще не хотелось создавать какие-либо проблемы, и я попытался убедить студентов и профессоров вести простую и спокойную жизнь в вере, объясняя им, что нет никакой необходимости сбегать из общежитий и таким образом привлекать к себе негативное внимание общества. Но люди были непреклонны: «Почему вы просите нас не приходить сюда? Мы хотим получить столько же благодати, сколько и все остальные!» В итоге они вынуждены были расстаться с учебой, и я был не в восторге от этого...

После отчисления из университета студенты собрались вместе и отправились в молитвенный зал на гору Самгак на окраине Сеула, чтобы хоть как-то залечить глубокие душевные раны. Их выгнали из университета, их семьи разгневались на них и друзья больше не хотели с ними общаться. Им было некуда идти. Тогда они стали поститься и молиться с таким отчаянием, что во время молитвы от рыданий у них текло из глаз и из носа. Некоторые даже заговорили на разных языках.

Воистину, Бог является тогда, когда мы доходим до грани отчаяния и вот-вот падём духом. И студенты, изгнанные из университета, из дома и из общества, встретили Бога в молитвенном зале на горе Самгак...

Я тоже ходил на гору Самгак, чтобы принести поесть студентам, истощенным постами, и как-то утешить их.

«Это действительно ужасно, что вас отчислили ни за что, — говорил я им. — Но это не повод для того, чтобы уморить себя постами! Если ваша совесть чиста и вы уверены, что все сделали правильно, значит, никакие оскорбления для вас не будут позором. Не расстраивайтесь и наберитесь терпения: придет и ваше время!»

Пятеро из несостоявшихся выпускниц смогли перевестись в женский университет Сунмён, но ущерб от инцидента был весьма ощутимым.

Именно после этого случая моя репутация очень сильно пострадала. Всю ответственность за злодеяния, совершаемые в других религиозных группах, газеты стали приписывать нам. И если после первой волны слухов люди спрашивали: «Неужели это может быть правдой?» — то теперь они были убеждены: «Да, это правда!»

Очень больно и горько чувствовать такое несправедливое отношение к себе. Несправедливость была столь чудовищной, что она всколыхнула во мне волну гнева. Мне так хотелось выступить и опровергнуть все обвинения! Однако я не сказал ни слова и даже не пытался бороться. Нам предстояло слишком много дел, и у нас не было времени на борьбу и конфликты.

Я был уверен, что со временем и недопонимание, и ненависть сойдут на нет и что нам не стоит тратить слишком много нервов и сил на борьбу с этим. Я притворялся, будто не слышу, как люди говорят обо мне: «Хоть бы этого Муна поразило молнией!» — и пытался не обращать внимания на то, как христианские священники молят Бога о моей смерти.

Однако вместо того чтобы утихнуть, слухи стали множиться и становиться все более оскорбительными день ото дня. Казалось, весь мир объединился против меня и теперь тычет пальцем в мою сторону, пытаясь обвинить во всех смертных грехах. На фабрике Хыннам даже в самый разгар жары я не закатывал штаны, чтобы никто не видел моих голени, а теперь слухи обвиняли меня в том, что я танцую в Церкви нагишом! Дошло до того, что новички, приходившие к нам в первый раз, стали многозначительно поглядывать на меня, словно спрашивая: «Это вы обычно раздеваетесь и танцуете голым?»

Я понимал лучше, чем кто-либо, что для того, чтобы непонимание рассеялось, необходимо время, поэтому даже не пытался спорить с ними и доказывать, что я не такой. Мы не можем узнать человека, пока не встретимся с ним лично, однако слишком многие без колебаний осудили меня, ни разу не встретившись со мной. Я знал, что спорить с такими людьми бесполезно, поэтому просто молчал и терпел.

Из-за инцидента с университетами Ихва и Ёнсе наша Церковь оказалась на краю гибели. К моему имени намертво приклеился ярлык «псевдорелигии» и даже «секты», и традиционные церкви объединили усилия, чтобы призвать правительство наказать меня.

4 июля 1955 года полиция провела облаву в нашей Церкви и арестовала меня и еще четверых прихожан — Ким Вон Пхилия, Ю Хё Ёна, Ю Хё Мина и Ю Хё Вона. Пасторы и старейшины традиционных церквей объединили усилия с властями, забросав их письмами с просьбой закрыть нашу Церковь. Четверо членов Церкви, следовавших за мной с самого начала, оказались вместе со мной в тюрьме.

Однако на этом дело не закончилось. Полиция изучила мое прошлое и выдвинула против меня обвинение в уклонении от исполнения воинской обязанности. Обвинение было притянуто за уши, ведь к тому времени, как я освободился из лагеря смерти Хыннам и отправился на Юг, я уже вышел из призывного возраста — и, тем не менее, обвинение было предъявлено.

Даже на обожженных ветвях проклюнутся свежие ростки

Следователи Особого секретного отдела органов правопорядка, проведя облаву в нашей Церкви, арестовали меня и отвезли в полицейский участок Чанбу. Я был возмущен обвинением в уклонении от службы в армии, но не промолвил ни слова. Я мог бы многое сказать, но мне просто не дали открыть рта.

Кое-кто, видя, что я молчу в ответ на несправедливость, называл меня слабаком. Я и это пропускал мимо ушей, будучи уверен, что подобные оскорбления — не что иное, как очередные испытания, ниспосланные свыше. Если я должен пережить их ради достижения цели, значит, так тому и быть. Поскольку мой путь был предельно ясен, я не мог потерпеть поражение. И чем больше ожесточались мои преследователи, тем упорнее я стремился в своих поступках проявлять больше благородства, чем кто-либо другой.

Стоило мне принять такое решение, как полиция уже не могла со мной ничего поделаться. Когда следователь писал свой отчет, я подсказывал ему, как лучше написать.

«Почему бы вам не упомянуть здесь об этом? — говорил я. — А тут напишите так и вот так». И он делал так, как я ему говорил. Каждая фраза из тех, что я посоветовал,

была верной, но когда следователь прочел весь текст целиком, он обнаружил, что вывод, который напрашивался из текста, был совершенно противоположен тому, что он планировал написать. Тогда он разозлился и порвал отчет.

13 июля 1955 года, на шестой день моего пребывания в полицейском участке Чанбу, я снова оказался в тюрьме. На сей раз это была тюрьма Содэун в Сеуле. Меня сковали наручниками, но я не чувствовал ни стыда, ни сожалений. Жизнь в тюрьме не могла стать для меня преградой. Она вызвала во мне бурю негодования, но никак не могла стать препятствием на пути. Для меня это была возможность лучше подготовиться к будущей деятельности. И я преодолевал трудности тюремной жизни, говоря себе: «Смерть в тюрьме — это не для меня. Я здесь не умру! Тюрьма — это трамплин, который поможет мне совершить прыжок в мир полного освобождения».

Этот закон действует как на земле, так и на небесах: зло рано или поздно отступит и погибнет, а добро возвысится и будет процветать. Даже если я окажусь в куче дерьма, я не пропаду, если сохраню при этом чистоту сердца. Когда меня уводили в наручниках, проходившие мимо женщины косо взглянули на меня и осуждающе скривились. По их лицам явно читалось, каким нелепым я выгляжу в их глазах, ведь я, по их мнению, был предводителем какой-то развратной секты. Но я не чувствовал ни страха, ни стыда. Какими бы гнусными ни были оскорбления в мой адрес и в адрес Церкви, они не могли меня сломить.

Разумеется, у меня, как и у всех людей, есть чувства. И если внешне я всегда сохранял достоинство, внутри у меня порой кипели едва сдерживаемые эмоции, и я ощущал горечь до мозга костей. Каждый раз, чувствуя, что вот-вот дам слабину, я терпел и говорил себе: «Я не тот, кому суждено умереть в тюрьме. Я снова встану на ноги! Я в этом уверен». Моя решимость удваивалась, и я твердил снова и снова: «Я принимаю всю боль на себя и несу бремя, свалившееся на нашу Церковь».

Было вполне естественно ожидать, что мое заключение положит конец нашей Церкви и прихожане разойдутся на все четыре стороны. Однако вместо этого члены Церкви стали навещать меня каждый день и даже иногда боролись за право навещать меня раньше других. Комната для свиданий открывалась в восемь утра, но мои прихожане собирались у ворот тюрьмы и выстраивались в очередь задолго до этого. Чем яростнее меня проклинали и чем сильнее я чувствовал одиночество, тем больше людей приходило проведать меня, подбодрить и поплакать обо мне.

А ведь я встречал их без особого восторга и даже отчитывал: «Зачем вы приходите сюда и поднимаете столько шума?» Но они все равно шли за мной и плакали. В этом выражались их вера и любовь. Они привязались ко мне не из-за моего умения гладко и красиво говорить. Они любили меня за ту любовь, которую чувствовали в глубине моего сердца. Они знали, какой я на самом деле. Даже умирая, я не смогу забыть моих прихожан, которые остались верны мне даже после того, как я предстал в наручниках перед судом. Я буду помнить, как они глотали слезы и горестно смотрели на меня, сидевшего на скамье подсудимых.

Тюремные охранники изумлялись сверх всякой меры. «Как этому человеку удалось свести с ума столько людей? — поражались они, глядя, как к тюрьме подходят все новые и новые толпы народу. — Он ведь не муж им, а они — не его жена, и он не приходится им сыном. Почему же они так преданны ему?»

Как минимум однажды один из охранников заметил: «Нам говорили, что Мун — настоящий диктатор, эксплуатировавший людей, но ведь тут ясно как день, что это не так!» Этот охранник позднее присоединился к нашей Церкви и последовал за мной...

В конце концов, после трех месяцев заключения суд признал меня невиновным и отпустил на волю. В день освобождения начальник тюрьмы вместе с начальниками всех ее отделений устроил мне почетные проводы. За три месяца все они стали членами Семьи Объединения. Они действительно открыли мне свою душу, и причина тому была очень простой. Узнав меня ближе, они увидели, что я совсем не такой, каким представлялся по слухам. В итоге получилось, что ложные слухи, распространившиеся в обществе, помогли в нашей миссионерской работе!

Когда меня забирала полиция, все средства массовой информации и все общество раздули вокруг большую шумиху. Но когда меня признали невиновным и освободили, все молчали, будто воды набрали в рот. Единственным упоминанием о моей невиновности и последующем освобождении была крохотная заметка в три строки в самом дальнем углу газетного листа, гласившая, что «преподобного Муна признали невиновным и выпустили на свободу». Грязные слухи, породившие скандал на всю страну, оказались ложными, но этот факт благополучно затерли и забыли. Члены Церкви пытались протестовать и говорили мне: «Преподобный Мун, это же несправедливо! Все это до такой степени выводит нас из себя, что мы не можем больше терпеть». Они плакали передо мной, но я молчал и просто утешал их.

Я никогда не забуду ту боль, которая навалилась на меня вместе с ложными обвинениями. Но я терпел, даже когда против меня ополчилось столько людей, что казалось, будто мне нет места во всей Корее. Эти боль и печаль навсегда засели где-то глубоко, в самом дальнем уголке сердца.

Я был похож на дерево, покореженное ветрами и ливнями и опаленное пожаром, но я ни за что не позволил бы себе сгореть дотла и умереть. Даже на обгоревших ветвях по весне распускаются свежие почки. Если я буду продолжать свой путь со смирением и твердой убежденностью, однажды непременно наступит день, когда люди поймут ценность того, что я сделал.

Наши раны помогут нам стать сильнее

Люди не признавали новое выражение истины, которое я проповедовал, и называли его ересью. Иисус, рожденный на иудейской земле, точно так же был обвинен в ереси и распят на кресте. По сравнению с ним преследования, выпавшие на мою долю, были куда менее мучительными и несправедливыми. Я мог выдержать любую боль и любые издевательства над своим телом, но обвинения в ереси, выдвинутые против нашей Церкви, были более чем несправедливы, и выносить их было труднее всего.

Теологи, изучавшие ранние годы Церкви Объединения, называли наше учение незаурядным и систематичным, и некоторые даже были готовы принять его. Это говорит о том, что все споры по поводу ереси в нашей Церкви имели под собой не только теологическую основу. Главная причина коренилась в борьбе за власть и сферу влияния.

Большинство прихожан до присоединения к нашей Церкви посещали другие церкви, и это стало главной причиной того, что традиционные церкви отнеслись к нам как к врагам. Когда к нам в Церковь пришла профессор Ихва Ян Юн Ён, ее вскоре забрали в полицию на допрос, и там она узнала, что около восьмидесяти христианских священников разослали письма властям с критикой Церкви Объединения. Это произошло не потому, что мы сделали что-то плохое. Дело в том, что в нас видели угрозу для власти определенных людей и организаций, и только неясные страхи и крайняя фракционность побудили их начать преследования нашей Церкви.

Церковь Объединения и ее новое учение привлекали множество людей из самых разных религиозных групп. Порой я говорил своим прихожанам: «Зачем вы пришли сюда? Возвращайтесь в свои церкви» — и чуть ли не пугал их, пытаюсь прогнать прочь. Но они очень скоро возвращались. Люди, собиравшиеся у нас в Церкви, не хотели больше никого слушать. Они не слушали ни своих учителей, ни родителей — только меня. Я не платил им денег и не кормил их, но они верили моему учению и продолжали приходить.

Они делали это потому, что я помог им избавиться от разочарования и неудовлетворенности. Пока я не узнал истину, я тоже чувствовал неудовлетворенность и был разочарован. Я чувствовал разочарование, глядя на небеса и на окружающих меня людей, и поэтому понимал, какими разочарованными приходили люди в нашу Церковь. У них было множество вопросов о жизни, на которые они не находили ответов, а Божье Слово, которому я учил, давало очень ясные ответы на все вопросы. Молодежь, встречавшая меня, находила ответы в моем учении,

поэтому люди охотно приходили к нам в Церковь и присоединялись к моему духовному пути, каким бы трудным он ни был.

Я — человек, который находит путь и открывает его для других. Я веду людей по этому пути, чтобы соединить разбитые семьи и восстановить общество, страну и мир, чтобы в конечном итоге мы все вместе вернулись к Богу. Люди, приходя ко мне, понимают это и хотят отправиться вместе со мной на поиски Бога. Как можно осуждать нас за это? Мы всего лишь искали Бога, но за это нас подвергали самым разным гонениям и критике.

К сожалению, пока вокруг нашей Церкви разгорались дебаты и нас обвиняли в ереси, моя жена еще больше усложнила мое положение. После нашей встречи в Пусане она при поддержке своих родственников потребовала, чтобы я либо немедленно бросил Церковь и вернулся к ней и сыну, либо развелся с ней. Они даже пришли ко мне в тюрьму Содэун и положили передо мной заявление на развод, требуя, чтобы я подписал его. Я знал, как важен брак для построения Божьего гармоничного мира, поэтому промолчал и не стал ничего подписывать.

Тогда моя жена начала грубо оскорблять членов Церкви и преследовать их. Сам я мог вытерпеть что угодно. Меня не могли обидеть ни ее оскорбления, ни безрассудное отношение ко мне, но я не мог спокойно смотреть, как она обижала моих прихожан. Она могла в любое время ворваться в помещение Церкви и устроить погром, накричать на людей и забрать с собой что-нибудь из церковного имущества. Она даже кидалась в людей горшками, полными испражнений. Стоило ей прийти, и мы уже не могли продолжать службу. В конечном итоге, выйдя из тюрьмы Содэун, я уступил требованиям ее семьи и подписал документ о разводе. Я был вынужден развестись с ней вопреки своим собственным принципам...

Когда я думаю о бывшей жене, я чувствую, как мое сердце все еще тянется к ней. Влияние ее семьи, где все были убежденными христианами, а также политика традиционных корейских церквей во многом повлияли на ее поведение. До нашего бракосочетания она была такой убежденной, такой твердой в своей решимости! То, как она изменилась, говорит о том, насколько опасной может быть сила общественного предубеждения и устоявшихся концепций...

Мне пришлось пережить и боль развода, и горечь из-за того, что меня заклеили еретиком. Но я не сломался. Мне нужно было вытерпеть все это на пути искупления первородного греха человечества и на пути к построению Божьего Царства. Тьма обычно сгущается перед самым рассветом, но я преодолел эту тьму, прижавшись к Богу и обратив к Нему свои молитвы. Все дни, кроме редких часов сна, я проводил в молитве.

Искренность души важнее всего

Спустя три месяца меня признали невиновным и отпустили на свободу. И я ощутил сильнее, чем когда-либо, сколь велик мой долг перед Богом. Чтобы вернуть Ему долг, я стал искать место, где наша Церковь могла бы начать все заново. Но я не просил Бога в молитвах: «Боже, построй нам церковь!», никогда не жаловался и не чувствовал стыда за то, что наша Церковь ютилась в таком крошечном и убогом домишке. Я был благодарен уже за то, что у нас есть где помолиться, и не мечтал о более просторных и удобных хорах.

И все же нам требовалось место, где собирались бы на службу все прихожане, поэтому мы взяли в долг два миллиона вон и купили домик в бедном квартале на склоне горы в Чхонпхадон. Это был один из тех домов, которые называли «вражеской собственностью», поскольку они пустовали с тех пор, как их покинули японцы после освобождения Кореи от колониальной зависимости. Это был маленький домик площадью не более 65 квадратных метров, расположенный в самом конце длинной и узкой улочки, поэтому, подходя к нему, вы словно оказывались в длинном и темном туннеле. Все стены дома были так сильно заляпаны грязью, что мы могли лишь гадать, что тут происходило до нас. Нам с молодежью пришлось вооружиться чистящим порошком и четыре дня отмывать и отскабливать дом сверху донизу.

После переезда церкви в Чхонпхадон я почти не спал. Я сидел в спальне на полу, скорчившись и погружившись в молитву, до трех-четырех часов утра, а потом спал до пяти, вставал и принимался за повседневные дела. Я продолжал так жить в течение семи лет. Хотя я спал час или два в сутки, днем я никогда не был сонливым, и мои глаза ярко сияли, словно утренние звезды. Я никогда не чувствовал усталости и не был утомлен.

У меня в голове всегда было столько планов и важных дел, что мне не хотелось терять времени даже на еду. Чтобы люди зря не тратили время, накрывая для меня на стол, я ел, сидя на полу и склонившись над тарелкой. «Прояви же свою посвященность! Пусть она бьет из тебя ключом, даже если хочется спать! Выкладывайся по полной, пока есть силы!» — вот что я твердил себе снова и снова. Я молился в самый разгар нескончаемых нападков и ложных обвинений и думал, что таким образом сею семена, которые когда-нибудь взойдут и принесут обильный урожай. Если урожая не будет в Корее, то я не сомневался, что он непременно созреет где-нибудь в другой стране мира.

Через год после моего освобождения из тюрьмы в нашей Церкви было уже четыреста членов. И когда я молился, я повторял их имена одно за другим. Их лица возникали у меня перед глазами еще до того, как я называл их по имени. Кто-то из них плакал, а кто-то смеялся. Через молитву я мог почувствовать, как обстоят дела у каждого человека и не заболел ли он.

Иногда, произнося их имена во время молитвы, я вдруг ясно чувствовал, что именно этот человек придет сегодня в Церковь. И он действительно приходил! Или я мог пойти и навестить того, о чьей болезни узнавал через молитву, и он действительно оказывался болен. Прихожане изумлялись тому, как я догадывался об их недугах, ведь они ничего мне не говорили; но когда они спрашивали, как я это делаю, я лишь молча улыбался в ответ.

Нечто похожее произошло, когда мы готовились к Церемонии Благословения. Перед Церемонией я спросил каждого жениха и каждую невесту, сохранили ли они целомудрие. Один из кандидатов в ответ на мой вопрос громко и уверенно заявил, что сохранил его. Тогда я повторил вопрос, и он снова ответил утвердительно. В конце концов, я спросил его об этом в третий раз и получил тот же самый ответ.

Тогда я заглянул ему в глаза и спросил:

— Ты проходил военную службу в Хвачхоне, в провинции Канвон, так ведь?

— Да, — ответил он, и в голосе уже чувствовался страх.

— У тебя был короткий отпуск, и ты отправился в Сеул и остановился там в гостинице, верно? В ту ночь ты переспал с женщиной, носившей красную юбку. Я знаю все, что ты совершил. Зачем ты лжешь мне?

Я разгневался на того человека и прогнал его с Церемонии Благословения. Если вы смотрите на мир широко открытыми глазами души, вы увидите все — даже то, что сокрыто от вас.

Некоторых людей в нашу Церковь привлекало не столько учение, сколько такие вот сверхъестественные явления. Многие думают, что духовная сила важнее всего, однако подобные явления, именуемые чудесами, слишком сильно сбивают людей с толку. Если вера зиждется на необъяснимых или сверхъестественных явлениях, это нездоровая вера. Любой грех можно восстановить только с помощью искупления. Это нельзя сделать, полагаясь лишь на духовную силу. Вот почему по мере становления Церкви я перестал рассказывать прихожанам о том, что видел глазами души.

Тем временем люди продолжали приходить. Сколько бы людей ни собиралось — десятки или целые сотни, — я относился к ним так, словно передо мной всего один человек. Я всегда с готовностью выслушивал каждого, кто хотел рассказать о себе. Кто бы это ни был, я внимательно слушал всех — и бабушку, и молодого парня, — словно кроме них у меня больше никого не было. Все мои прихожане говорили с уверенностью: «Никто во всей Корее не умеет слушать так, как преподобный Мун».

Какая-нибудь старушка могла начать свой рассказ с того момента, как она вышла замуж, и закончить перечислением болезней своего мужа.

Я так люблю слушать, как люди рассказывают о себе! Когда они открывают мне душу и рассказывают о жизни, время для меня летит незаметно. Я могу слушать их по десять и даже двадцать часов кряду. Если человек хочет выговориться, значит, для него это очень важно. Таким образом люди пытаются найти решение своих проблем, и я чувствую, что должен внимательно выслушать их. Проявляя искренний интерес к жизни другого человека, я могу тем самым выразить свою любовь к нему и вернуть свой собственный долг перед жизнью. Очень важно ценить жизнь как величайшую драгоценность. С тем же рвением, с которым я слушал людей, я искренне делился с ними своими переживаниями и молился за них в слезах.

Сколько раз я молился и плакал всю ночь напролет! Доски пола, на котором я сидел, были так сильно пропитаны моими слезами, что никогда не просыхали.

Спустя несколько лет, когда я был в Соединенных Штатах, мне сообщили о том, что наши прихожане собираются обновить здание Церкви в Чхонпхадоне. И я немедленно выслал им телеграмму с требованием, чтобы они прекратили все работы. Да, эта церковь воплощает собой навсегда утраченный период моей жизни, но, помимо этого, она может поведать об истории нашей Церкви. Как бы красиво ее ни перестроили, в чем смысл этого, если вся история Церкви Объединения будет уничтожена? Главное — это не внешняя красота и не ухоженность здания, а все те невидимые глазу слезы, что были пролиты в нем. Дом может не отвечать чьим-то вкусам или стандартам, но этот дом — само воплощение традиции, и в этом — его ценность. Если люди не уважают свои традиции, их неминуемо ждет крах.

Сами стены церкви в Чхонпхадоне дышат историей и насквозь пропитаны ею. Глядя на какой-нибудь выступ стены, я вспоминаю, как прижимался к нему и о чем рыдал в ту минуту. И когда я гляжу на этот выступ, у которого плакал когда-то, я снова начинаю плакать. Даже слегка скособоченный дверной проем напоминает мне о пережитом. А теперь все полы поменяли, и старых досок уже давным-давно нет. Тех самых досок, на которых я столько раз сидел, скорчившись и плача взахлеб... Их уже нет, и следы моих слез исчезли навсегда. А ведь мне так нужна память о той боли! Не беда, если дом стоит без ремонта и вся обстановка устарела. С тех пор прошло много лет, и теперь у нас множество филиалов Церкви с отличной планировкой и интерьером. Но мне гораздо сильнее хотелось прийти и помолиться в тот маленький домик в Чхонпхадоне. Мне было там гораздо спокойнее...

Я прожил всю свою жизнь, молясь и проповедуя, но даже сейчас я очень волнуюсь, выходя к аудитории. Ведь если вы занимаете положение, позволяющее вам говорить с людьми на общественные темы, значит, в ваших силах спасти этих людей или дать им погибнуть. Для меня это вопрос исключительной важности — помочь тем, кто услышит мое слово, встать на путь, ведущий к жизни. В такие моменты я буквально провожу черту между жизнью и смертью.

Даже сейчас я не готовлюсь к службам заранее, чтобы не привносить в них своих личных целей или ожиданий. После такой подготовки я могу передать людям лишь знания, накопленные в голове, но никак не чувства, исполненные искренности и страсти. Перед тем как выйти на проповедь, я старался выразить свою посвященность, уделяя молитве как минимум десять часов. Это помогло мне углубить свои корни. Даже если листва на большом и мощном дереве слегка объедена гусеницами, оно не погибнет, если его корни достаточно глубоки. Мои слова порой могут показаться чересчур прямолинейными, но люди поймут меня, если я вложу в них всю искренность своего сердца.

Во времена ранней Церкви я носил старый американский военный китель и рабочую робу, выкрашенную в черный цвет. Когда я проповедовал, с меня ручьями стекал пот и лились слезы. Не проходило ни дня, чтобы я не рыдал в голос. Мое сердце было переполнено эмоциями, и из глаз потоками лились слезы, сбегая вниз по щекам. В такие моменты моя душа, казалось, вот-вот покинет тело. Я чувствовал, что нахожусь

на волоске от смерти. Моя одежда была насквозь пропитана потом, и пот ручьями тек у меня со лба.

В те времена, когда наша Церковь располагалась в Чхонпхадоне, всем нам приходилось очень нелегко, но Ю Хё Вону выпало особенно тяжкое испытание. У него были проблемы с легкими, однако он в течение трех лет и восьми месяцев читал лекции о нашем учении по восемнадцать часов в сутки, несмотря на боли и недомогания. Мы не могли позволить себе хорошо питаться и ели не чаще двух раз в день, подавая к столу ячмень вместо риса, единственной добавкой к которому был полусырой кимчхи однодневной закваски.

Ю Хё Вон очень любил мелкие соленые креветки. Он ставил банку с креветками в угол комнаты и время от времени подходил к ней с палочками и брал штучку-другую. Это помогало ему пережить тяжелые времена. Мне было так больно смотреть, как Ю Хё Вон ложился на пол и лежал там совершенно истощенный, голодный и уставший! Я очень хотел накормить его солеными мидиями, но в те времена это было для нас слишком дорого. Мне и сейчас больно вспоминать о том, как тяжело ему приходилось, когда он, совершенно больной, пытался записать мои выступления, что лились и лились бесконечным потоком.

Благодаря усердному вкладу и жертвам прихожан наша Церковь продолжала расти. Тогда у нас и появилась ассоциация школьников Сонхва, в которую входили ученики средних и старших классов. Они решили отдавать нашим миссионерам школьные обеды, которые они приносили с собой из дома, чтобы миссионеры могли нормально поесть. Школьники даже составили расписание, когда и кто должен был отдать свой обед. Все проповедники знали, что кто-то из детей сегодня не поест и останется голодным, и не могли без слез есть эту пищу. Искренняя посвященность детей производила гораздо большее впечатление, чем сами обеды, и мы удвоили свою решимость выполнить волю Бога, даже если для этого понадобилось бы отдать жизнь.

Это было нелегкое время, и все же мы отправили нескольких миссионеров в разные уголки Кореи. Несмотря на то, что наши члены очень хотели рассказать о своей принадлежности к Церкви Объединения, из-за целого шквала гнусных слухов они не могли этого сделать. Они отправлялись в деревушки, подметали там улицы и предлагали свою помощь тем, кто в ней нуждался. По вечерам миссионеры организовывали кружки, в которых учили людей грамоте и рассказывали о Слове Бога. Они помогали людям в течение нескольких месяцев и заслужили их доверие, благодаря чему наша Церковь продолжала расти. Я никогда не забуду тех наших членов, которые очень хотели пойти учиться в колледж, но вместо этого решили остаться со мной и посвятить свою жизнь Церкви.

ГЛАВА 4

ВСЬ МИР — АРЕНА ДЛЯ НАШИХ ДЕЙСТВИЙ

Следовать за Богом, не заботясь о собственной жизни

Освободившись из тюрьмы Содэун, я тут же отправился в буддийский храм Капса, расположенный на горе Керун в провинции Чунчхон. Мне нужно было залечить раны, оставшиеся после пыток в тюрьме, и побыть в лесной глуши, чтобы помолиться и подумать о будущем нашей Церкви. Корейская война закончилась совсем недавно, и людям было трудно раздобыть хоть немного пищи, чтобы не умереть с голоду. И все же, несмотря на временные трудности, мне необходимо было составить долгосрочные планы на будущее. У нас еще не было своего здания Церкви, достаточно вместительного, чтобы там могли собираться на службу все прихожане, однако я чувствовал, что мне нужно подумать о более отдаленных перспективах.

После свержения японского колониального режима и освобождения Кореи в 1945 году две страны так и не смогли установить дипломатические отношения. Япония не признала правительство Сеула, а Корея продолжала считать Японию своим врагом. Но я был уверен, что когда ситуация в мире стабилизируется, этим двум странам нужно будет наладить контакт. Я несколько раз пытался послать миссионера в Японию, но

ни одна из попыток не увенчалась успехом. В конце концов, это удалось сделать Чхве Пон Чхуну.

В 1958 году я попросил Чхве Пон Чхуна встретиться со мной на вершине горы позади храма Капса.

— Тебе нужно немедленно выехать в Японию, и ты не сможешь вернуться домой, пока не добьешься успеха, — сказал я ему.

— Да! — ответил он без колебаний.

И тогда мы с ним спели гимн корейского христианства, начинавшийся со слов: «Господь призвал, и я пойду, буду следовать Ему я».

С горы мы спускались в возвышенном расположении духа. Он ни разу не спросил, на какие деньги ему придется жить в Японии или как организовать там свою деятельность. Да, Чхве Пон Чхун был бесстрашным и смелым человеком! Путь в Японию был заказан для большинства корейцев, и для него единственной возможностью туда попасть было пробраться тайно, без визы. Этот путь был сопряжен с огромным риском и трудностями.

Чхве Пон Чхун не знал, сможет ли он попасть в Японию, но был готов при необходимости пожертвовать жизнью. И пока я не услышал о том, что он благополучно пересек пролив и оказался в Японии, я сидел в маленькой комнатке нашей Церкви, отложив все дела и погрузившись в молитву. Я не мог ни есть, ни спать. Нам пришлось даже взять в долг полтора миллиона вон, чтобы выслать ему. Многим нашим прихожанам было нечего есть, но проповедование в Японии было настолько важным, что все остальное просто не имело значения.

К сожалению, Чхве Пон Чхун был арестован сразу же по прибытии в Японию. Его бросили в тюрьму — сначала в Хиросиме, а затем в Ямагучи, чтобы затем депортировать в Корею. Сидя в тюрьме, он решил, что лучше умрет, чем вернется в Корею, и поэтому начал поститься. Во время поста у него поднялась температура, и японские власти решили поместить его в больницу, отложив депортацию до тех пор, пока его здоровье не улучшится. Из больницы он вскоре благополучно сбежал...

И вот так, прилагая невероятные усилия и рискуя жизнью в течение полутора лет, Чхве Пон Чхун основал в Японии Церковь в октябре 1959 года. Однако Корея с Японией не могли установить дипломатические отношения еще шесть лет. Болезненные воспоминания о страданиях под японским колониальным гнетом были для Кореи еще слишком свежи, и поэтому она отвергала любые предложения о возобновлении контактов с Японией.

Нашему миссионеру пришлось нелегально проникнуть в эту враждебную страну ради будущего Кореи. Вместо того чтобы рвать все связи, Корея должна была распространить мое учение в Японии, чтобы занять лидирующее положение в двусторонних отношениях. Корея была материально истощена, и ей необходимо было открыть канал для поддержки со стороны Японии, заручиться доверием Японии и затем наладить связь с Соединенными Штатами. Только так Корея могла выжить.

Благодаря успешной попытке послать миссионера в Японию и жертве Чхве Пон Чхуна к Церкви присоединился выдающийся молодежный лидер Осаму Кубоки вместе с группой последовавших за ним молодых людей. В результате их трудов было создано и окончательно утверждено японское отделение Церкви.

В следующем году мы отправили миссионеров в США. В то время с визами не было никаких проблем, и члены Церкви перед отъездом получили паспорта и визы. Заверить паспорта нам помогли члены кабинета министров Либеральной партии, в свое время способствовавшие моему заключению в тюрьму Содэмун. До сих пор они противостояли нам, но теперь оказали помощь.

В те времена США казались нам далекой заморской страной, и некоторые члены Церкви не одобряли идею посылать туда миссионеров, говоря, что нам сначала нужно укрепить основание в Корее. Однако я убедил их, что это действительно важно, ведь если Америка не выберется из кризиса, Корею тоже ждет гибель. В январе 1959 года мы отправили туда Ким Ён Ун, одну из уволенных профессоров женского университета

Ихва, а в сентябре того же года — Дэвида Кима. Работа, за которую они взялись в Америке, была призвана охватить весь мир.

Деньги, заработанные благородным трудом, используются с молитвенным отношением

Деньги, заработанные в сфере бизнеса, — это святое. Однако для того, чтобы доходы от бизнеса стали святыней, недопустимо лгать или гнаться за сверхприбылью. Занимаясь бизнесом, нам необходимо быть кристально честными и не забирать себе более тридцати процентов дохода. Деньги, заработанные честным и благородным путем, разумеется, должны быть использованы с молитвенным отношением. Их нужно расходовать с ясной целью и на конкретные вещи. Такие принципы делового управления я провозглашал в течение всей своей жизни. Я уверен, что бизнес нужен не только для зарабатывания денег. Он необходим для поддержания миссионерской работы, которая представляет собой Божий труд.

Причина, почему я решил поддерживать миссионерскую деятельность с помощью бизнеса, заключалась в том, что я не хотел тратить на это деньги прихожан. Какой бы благородной и возвышенной ни была цель, для отправки миссионеров в другие страны одного желания недостаточно. Для этого нужны деньги. И эти деньги должны быть заработаны от имени Церкви. Деньги, направленные на поддержку миссионерской работы, должны зарабатывать достойным способом; лишь в этом случае мы сможем гордиться всем, что мы делаем.

Я как раз искал хороший способ заработать, когда мне на глаза попались почтовые марки. В те времена я просил членов Церкви писать друг другу письма по крайней мере трижды в месяц. Отправка письма стоила 40 вон, но я советовал приклеивать к конверту не одну марку за 40 вон, а 40 марок по 1 воне за штуку. Затем мы снимали с конвертов использованные марки и продавали их, выручив таким образом за первый год 1 миллион вон. Видя, как хорошо расходятся среди коллекционеров погашенные почтовые марки, казавшиеся такой мелочью, члены Церкви продолжали продавать их в течение семи лет. Еще мы раскрашивали и продавали черно-белые фотоснимки достопримечательностей и знаменитостей. Этот бизнес также был значительным подспорьем для нашей церковной деятельности.

С ростом и развитием Церкви дохода от продажи почтовых марок и раскрашенных фотографий уже не хватало, чтобы обеспечить нашу миссионерскую деятельность в достаточной степени. Если мы хотели посылать миссионеров в другие страны, нам нужно было вывести бизнес на более высокий уровень.

У нас был старый токарный станок, брошенный японцами в 1945 году, который мы купили в 1962 году за 720 000 вон до того, как корейское правительство реденоминировало валюту. После реденоминации станок стал стоить 72 000 вон. В те времена курс корейской валюты к доллару искусственно поддерживался, и один доллар стоил 125 вон. Таким образом, наши первоначальные активы составили всего 576 долларов. Мы поместили этот станок в каморку для хранения угля в домике, представлявшем собой «вражескую собственность», в котором располагалась наша Церковь, и назвали все это «Тхониль Индастриз».

«Должно быть, этот станок кажется вам бесполезным, — сказал я людям. — Наверное, вы сидите и гадаете, что за бизнес можно организовать с помощью такого вот старого и изношенного механизма. Однако станок, который вы видите здесь, очень скоро превратится в семь и даже семьдесят тысяч станков, и наша компания будет развиваться наряду с оборонными и машиностроительными предприятиями Кореи. Станок, который мы сегодня запустим, станет краеугольным камнем автомобильной промышленности нашей страны. Просто поверьте в это! Не сомневайтесь — все так и будет!»

Вот какую речь я произнес перед собравшимися напротив каморки для угля. Начало было очень скромным, но наша цель была велика и благородна. Люди откликнулись на мой призыв и с усердием взялись за работу. В результате в 1963 году мы смогли выйти на новый уровень и заняться более серьезным бизнесом. Для этого мы

построили рыболовецкое судно, которое было спущено на воду у пирса в Мансокдонге близ Инчхона, и названо «Чхонсынхо» — «Победа Небес». Когда шхуна уходила в свое первое плавание, на берегу ее провожало около двухсот человек.

Вода — это источник жизни. Все мы появились на свет из материнской утробы, наполненной жидкостью — иными словами, мы родились из воды. Спуская на воду судно, я верил, что подобно тому, как мы обрели жизнь в воде, мы должны выйти в открытое море и побороться со стихией и с множеством трудностей, чтобы научиться справляться с тем, что поджидает нас на суше.

«Чхонсынхо» была исключительной шхуной. Она избороздила вдоль и поперек Желтое море и наловила много рыбы. И все же кое-кто решил, что нам хватает дел и на суше и незачем выходить в море на рыбалку. Однако я чувствовал, что мир вот-вот войдет в океаническую эпоху, и строительство шхуны «Чхонсынхо» было хоть и маленьким, но важным первым шагом на этом пути. Я уже рисовал в воображении морские дали, где плавают корабли куда больше и быстрее, чем «Чхонсынхо».

Сила танца, захватившая весь мир

Наша Церковь была небогата. По правде говоря, это была очень бедная Церковь, основанная людьми, которым не хватало денег даже на еду. У нас не было красивых зданий и офисов, как у других церквей, но мы ели ячмень вместо риса и мало-помалу экономили деньги, отдавая их тем, кто был еще беднее нас. Наши миссионеры ночевали в нетопленных комнатах, расстилая одеяло прямо на голом цементном полу. Когда подходило время трапезы, они предпочитали «заморить червячка» парой-тройкой вареных картошек. Мы делали все возможное, чтобы не тратиться на себя.

В 1963 году на деньги, сэкономленные таким образом, мы основали детскую танцевальную труппу «Маленькие ангелы» и набрали в нее 17 детей. В те времена в Корее была очень слабо развита художественная самодеятельность. Нам и самим нечем было полюбоваться, не говоря уже о том, чтобы показать что-то гостям из других стран. Люди были поглощены заботами о выживании и не вспоминали о каких-то там корейских танцах или о том, что нашему культурному наследию целых пять тысяч лет.

Я хотел, чтобы эти семнадцать ребяташек разучили корейские танцы и ездили с ними по разным странам. За рубежом люди знали о Корее лишь то, что это бедная страна, совсем недавно пережившая ужасы войны. А я хотел, чтобы они увидели прекрасные корейские танцы и поняли, что корейский народ богат своей культурой. Как ни старайся убеждать людей в том, что Корея — это культурная страна с пятитысячелетней историей, если нам нечего показать, нам никто не поверит.

Наши танцы, в которых танцовщицы, облаченные в красивые костюмы ханбок[17] длиной до пят, плавно кружатся по сцене, — это чудесное наследие нашей культуры, и оно было в новинку европейцам, привыкшим глазеть, как танцоры скачут по сцене с голыми ногами. Наши же танцы — это отражение печальной и горестной истории корейского народа. Движения в корейском танце, где танцовщицы, слегка наклонив голову, двигаются плавно и осторожно, словно не желая привлечь к себе лишнего внимания, зародились среди корейского народа, пережившего за пять тысяч лет истории множество лишений и невзгод.

Когда танцовщица слегка приподнимает ступню, затянутую в белый песон — традиционные корейские гетры, — и делает шаг вперед, она слегка поворачивает голову и приподнимает руку. Когда я гляжу на этот танец, изысканная утонченность ее движений уносит прочь все мои горести и печали. Тут никто не пытается привлечь внимание громогласной болтовней — напротив, зрители замирают от каждого движения, исполненного изящества и трепетной утонченности. В этом — сила искусства. Она позволяет общаться и понимать друг друга даже тем, кто говорит на разных языках, и делиться всем, что есть на сердце, даже без знания истории и культуры другого народа.

К примеру, стоит вам взглянуть на невинные личики и сияющие улыбки детей, как из вашей памяти тут же сотрется мрачный образ страны, совсем недавно пережившей

войну. Я основал эту танцевальную труппу, чтобы она смогла показать танцы нашей страны, насчитывающей пять тысяч лет истории, народу Америки, самой высокоразвитой страны того времени.

Однако люди раскритиковали нас в пух и прах. Они подвергли критике нашу труппу «Маленькие ангелы», даже не посмотрев их танцы. «Женщины Церкви Объединения танцуют днем и ночью! — гласили обвинения в наш адрес. — А теперь они нарожали детей, которые тоже намерены танцевать!»

Однако подобные слухи не могли поколебать мою решимость. Я был тверд в своем желании показать миру красоту корейского танца. Я хотел, чтобы все, кто обвинял нас в плясках голышом, увидели изысканные и неторопливые движения танцовщиц, легко ступающих в своих белых песон. Это вам не какие-то одичалые плясуны, что вертятся и скачут без всякого ритма! Это утонченные и изящные танцы, исполняемые чистыми и невинными танцовщицами в национальных корейских костюмах.

Ангелы прокладывают тропу сквозь темную чащу леса

Нам необходимо перед смертью оставить потомкам две вещи: традицию и образование. Народ, не имеющий традиций, обречен на гибель. Традиции — это душа, которая поддерживает жизнь народа; без души люди не смогут жить. Вторым по важности идет образование. Ни один народ не сможет выжить, если не будет воспитывать подрастающее поколение. Образование дает нам силы применять в жизни новые знания и стремиться к новым целям. Благодаря образованию люди обретают жизненную мудрость. Если человек не умеет читать, его можно назвать невеждой, но стоит ему получить образование, и он будет знать, как применить свою мудрость в жизни.

Образование помогает нам понять принципы, по которым устроен наш мир. Чтобы открыть для себя новое будущее, нам нужно, во-первых, передать нашим потомкам традицию, которую мы сами унаследовали из глубины веков, а во-вторых — снабдить их знаниями о современном мире. Когда традиции в нашей жизни гармонично сочетаются с новыми знаниями, происходит зарождение изначальной культуры. И традиция, и образование в равной степени важны; нельзя сказать, что что-то из них важнее. Умение мудро совмещать эти два аспекта также приходит к нам благодаря образованию.

Вместе с танцевальной труппой «Маленькие ангелы» я также основал и одноименную школу искусств (которая позднее стала называться Школой искусств Сонхва). Я создал эту школу, чтобы донести до мира наши идеалы с помощью искусства. Вопрос о том, сможем ли мы со всем этим управиться, был уже второстепенным. Я просто взял и начал претворять в жизнь свой план. Если перед тобой стоит ясная и благородная задача, нужно немедленно приступить к ее выполнению. Я хотел научить детей любить Небеса, свою страну и все человечество.

В качестве девиза для школы я написал каллиграфию китайскими иероглифами, которая означала: «Любите Небеса, любите человечество, любите страну». Однажды меня спросили: «Почему вы написали о любви к стране в самом конце, если вашей целью было продемонстрировать уникальную культуру Кореи всему миру?» И я ответил: «Если человек любит Небеса и человечество, значит, он любит и свою страну. Любовь к стране пробуждается в процессе».

Если человек, рожденный в Корее, добился уважения всего мира, значит, ему уже удалось поведать миру о своей стране. «Маленькие ангелы» побывали во многих странах и открыли миру исключительность корейской культуры, но они никогда не делали это в какой-либо националистической форме. Образ Кореи как страны с великой культурой и традициями глубоко запечатлелся в душах тех, кто любовался их выступлениями и дарил им аплодисменты. В этом смысле «Маленькие ангелы» сделали больше, чем кто-либо, чтобы представить Корею миру и стать живым воплощением любви к своей стране. Я чувствую глубокое удовлетворение, слушая пение Чо Су Ми и Щин Ян Ок, выпускниц Школы искусств Сонхва и всемирно

известных певиц, и глядя на выступления Джулии Мун и Кан Су Чин, ставших одними из лучших балерин мира.

Начиная с 1965 года, когда «Маленькие ангелы» провели свое первое зарубежное турне по США, труппа явила красоту корейской культуры всему миру. Они приняли приглашение королевской семьи Великобритании и выступили перед королевой Елизаветой II; их приглашали на празднование двухсотлетней годовщины Соединенных Штатов, где они выступили в Центре искусств имени Джона Ф. Кеннеди. Они выступали и перед президентом США Ричардом Никсоном, и на Фестивале культуры во время Олимпийских игр в Сеуле. И теперь «Маленькие ангелы» знамениты на весь мир как послы мира в области культуры.

А этот случай произошел в 1990 году, когда я приезжал в Москву. «Маленькие ангелы» выступали в последний вечер моего пребывания в Советском Союзе, после нашей встречи с президентом Михаилом Горбачевым. Маленькие девочки, приехавшие из Кореи, побывали в самом центре Москвы — цитадели коммунизма! Исполнив корейские танцы в национальных костюмах ханбок, «Маленькие ангелы» своими дивными голосками спели еще и русскую народную песню. Зрители столько раз вызывали их на бис, что едва-едва отпустили со сцены! В итоге им пришлось перепеть все песни из своего репертуара.

Среди зрителей была и первая леди страны Раиса Горбачева. К тому времени Южная Корея и СССР еще не заключили договор о дипломатических отношениях, поэтому было весьма необычно видеть столь высокую гостью на представлении ансамбля из Кореи. Тем не менее, госпожа Горбачева сидела в первом ряду и с радостью аплодировала в течение всей программы. После представления она прошла за кулисы и вручила артисткам цветы. При этом она то и дело упоминала о величии корейской культуры и повторяла: «"Маленькие ангелы" — это воистину ангелы мира! Я и не знала, что в Южной Корее такая богатая традиционная культура. Весь вечер во время выступления мне казалось, что я вижу сон, навеянный из детства...» Госпожа Горбачева обняла и поцеловала в щечку каждую танцовщицу, приговаривая: «Мои маленькие ангелочки!»

В 1988 году «Маленькие ангелы» посетили Пхеньян в рамках первой частной неправительственной программы культурного обмена и дали там три концерта. Они танцевали шуточный «Танец маленького слуги» и красочный «Танец с веерами». Во время выступления жители Северной Кореи не могли сдержать слез. Образ одной из зрительниц, плачущей навзрыд, был запечатлен фотокорреспондентом местной газеты. Ким Ён Сун, глава северокорейского Комитета по мирному урегулированию в Азиатско-Тихоокеанском регионе, похвалил «Маленьких ангелов» после представления и сказал: «Они проторили узенькую тропинку сквозь густой и темный лес».

Именно это и удалось сделать «Маленьким ангелам». Они стали наглядным свидетельством того, что корейцы Юга и Севера, так долго не желавшие иметь друг с другом ничего общего, способны собраться в одном зале и вместе наслаждаться выступлением. Люди часто думают, что миром движет политика, но на самом деле это не так. Культура и искусство — вот что движет миром. Эмоции, а не рассудок затрагивают самые глубинные струны человеческой души. Если отношение человека меняется и он открывает свое сердце для принятия чего-то нового, это влечет за собой перемены в идеологии и мировосприятии. «Маленькие ангелы» не просто привлекли к нашему традиционному искусству внимание всего мира: они проложили узкую тропу между двумя диаметрально противоположными мирами.

Каждый раз, встречаясь с «Маленькими ангелами», я говорю им: «Чтобы ваши лица сияли красотой и вы могли красиво танцевать, у вас должно быть красивое сердце». Настоящая красота — это внутренний свет, исходящий из самой глубины души. «Маленькие ангелы» смогли затронуть сердца людей по всему миру благодаря красоте корейских традиций и духовной культуры — красоте, которой пронизан каждый танец.

Это значит, что люди, аплодируя «Маленьким ангелам», фактически аплодировали всей национальной культуре Кореи.

Мировое турне

С самого детства я мечтал побывать в далеких краях. В своей деревне я частенько залезал на гору и тосковал о море. Приехав в Сеул, я тут же захотел отправиться в Японию. Мне всегда хотелось побывать там, где я еще не был, особенно в более крупных городах и странах.

В 1965 году я отправился в свое первое мировое турне. Мой чемодан был буквально набит землей и камнями из Кореи, ведь я хотел оставить немножко корейской земли в каждой из стран, ознаменовав тем самым связь Кореи со всем миром. За десять месяцев я объехал сорок стран, включая Японию, США и страны Европы. В день моего вылета из Сеула сотни членов Церкви приехали проводить меня, забив до отказа зал ожидания в аэропорту Кимпхо. В те годы поездка за рубеж была довольно значимым событием, и в тот холодный январский день наши прихожане толпами съехались к аэропорту, обдуваемые ледяными порывами северо-западного ветра. Никто не просил их делать это — они приехали, следуя зову сердца. И я принял их любовь с глубокой благодарностью.

В те годы мы вели миссионерскую деятельность в десяти странах мира, и я планировал за два года увеличить число таких стран до сорока. Чтобы заложить для этого основание, я отправился в путешествие по сорока государствам. Прежде всего я посетил Японию. Как же радушно и тепло меня там встретили! Именно в этой стране Чхве Пон Чхун рисковал своей жизнью, чтобы приступить к миссионерской работе.

Вот какой вопрос я задал японским членам Церкви: «Кем вы себя ощущаете? Жителями Японии? Или вы уже перешагнули этот этап и чувствуете себя кем-то большим, чем просто "мы из Японии"»?

И еще я сказал им: «Бог нуждается не в тех, кто говорит про себя: "Я из Японии". Ему нужны совсем не те, кто считает себя просто японцами. Ему необходимы люди, которые смотрят на это гораздо шире. Если вы хотите, чтобы через вас мог действовать Бог, вам нужно перестать ограничивать себя рамками "я из Японии" и раздвинуть для себя границы этой страны, чтобы стать японцами, любящими весь мир». Наверное, им нелегко было понять мои слова, но мне было важно прояснить этот момент.

Второй остановкой на моем пути были США. Я оказался там, приземлившись в аэропорту Сан-Франциско, где меня встретили наши миссионеры; после этого мы объехали всю страну. В течение всей поездки я думал: «Эта страна играет ведущую роль на мировой арене. В будущем появится новая культура, и основанием для ее зарождения станет именно Америка». Как раз в то время у меня возник план приобрести в США здание для проведения семинаров, способное вместить пятьсот человек. Конечно, семинары будут проводиться не только для корейцев. Это будет международный образовательный центр, способный принять гостей более чем из ста государств.

К счастью, этот план вскоре осуществился. В новый семинарский центр съехались люди из разных стран, чтобы в течение нескольких месяцев учиться и обсуждать проблемы достижения мира на земле; при этом их расовая, национальная или религиозная принадлежность не имели никакого значения.

Я верю, что наше общество изменится и станет гораздо лучше, если люди, выйдя за рамки рас, национальностей и религий и обретя широту взглядов, соберутся вместе для открытого обсуждения проблемы мира.

Во время турне по США я побывал во всех штатах, кроме Аляски и Гавайев. Мы взяли в аренду микроавтобус и ехали день и ночь напролет; порой водитель буквально падал от усталости. «Знаете, — говорил я, — мы приехали сюда не на экскурсию. Мы здесь для того, чтобы исполнить очень важную миссию, поэтому давайте будем осторожнее!»

Мы не тратили время на то, чтобы остановиться и поесть. Нам достаточно было пары кусков хлеба с сосиской и чем-нибудь солененьким. То же самое мы ели на завтрак, на обед и на ужин. Спали мы тоже в машине. Машина была для нас домом, ночлегом и столовой. В этом маленьком автомобильчике мы и ели, и спали, и молились. В нем можно было делать все что угодно. Передо мной стояла четкая цель, и мне нетрудно было смириться с мелкими физическими неудобствами.

После США и Канады я направился в Центральную и Южную Америку, а затем — в Европу. Я подумал, что Европа находится под культурным влиянием Ватикана, и поэтому мы не достигнем успеха в Европе, не изучив прежде Ватикан. Даже Альпы, такие неприступные с виду, по сравнению с Ватиканом казались мелкими и незначительными.

И вот я отправился в Ватикан, где католики Европы собираются для молитвы, и помолился там так истово и горячо, что у меня по лбу ручьями тек пот. Я молился о том, чтобы христианство, расколотившееся на множество деноминаций и духовных групп, как можно скорее стало единым. Бог сотворил один мир, но люди поделили его на множество частей по своему усмотрению. Я еще раз убедился, что нам необходимо положить конец этому расколу и объединить наш мир в одно целое. После Европы я побывал в Египте и на Ближнем Востоке и там завершил свое турне, длившееся 10 месяцев.

Когда я вернулся в Сеул, мой чемодан был набит землей и камнями из 120 городов 40 стран мира. Закапывая в землю почву и камни, привезенные из Кореи, я брал взамен почву и камни в каждом из 120 городов и потом привез все это в Корею. Таким образом я символически соединил Корею с каждой из этих стран, чтобы подготовиться к тому дню, когда на земле будет построен единый и гармоничный мир, центром которого станет Корея. Затем я стал готовиться к отправке наших миссионеров в каждую из этих сорока стран.

Последний рейс в Америку

В конце 1971 года я вновь отправился в США. У меня было несколько неотложных задач, которые я должен был выполнить, но попасть в эту страну было делом нелегким. Я не в первый раз летел в Америку, однако мне пришлось довольно долго ждать визы. Кто-то из членов Церкви посоветовал отложить поездку, но я не мог этого сделать. Мне трудно объяснить почему, но я во что бы то ни стало должен был вылететь из Кореи в назначенный срок. Я решил сначала отправиться в Японию и получить американскую визу там. Я так спешил вылететь из Кореи!

В день моего вылета было очень холодно, но члены Церкви приехали меня проводить, и их собралось так много, что для них не хватило места в аэропорту. Когда подошло время проходить паспортный контроль, оказалось, что в моем паспорте не хватает печати начальника паспортного отдела МИДа. Эта печать требовалась в подтверждение того, что правительство разрешает мне покинуть страну. Из-за этого я пропустил рейс и не смог вылететь в назначенное время.

Члены Церкви, которые занимались подготовкой моего отъезда, очень долго извинялись и предложили мне вернуться домой и подождать, пока они сходят к начальнику паспортного отдела и добьются для меня нужной печати.

Я отказался куда-либо ехать и заявил, что буду ждать в аэропорту. «Так что поторопитесь и поставьте мне эту печать», — сказал я им.

Мое сердце от нетерпения буквально выпрыгивало из груди. Был воскресный день, и начальника паспортного отдела не было на рабочем месте, но я не мог позволить себе переживать по этому поводу. В конечном итоге члены Церкви отправились напрямик домой к этому начальнику, и он поставил печать в моем паспорте. Поэтому я успел на последний рейс и вылетел из Кореи. В ту же ночь правительство ввело чрезвычайное положение в стране и резко ужесточило правила выезда частных лиц за рубеж. Так что я попал на последний рейс, которым мог улететь в Америку...

В Японии я подал документы на получение американской визы, но мне вновь пришел отказ. Позднее я узнал, в чем было дело. В корейских правительственных

архивах все еще хранились документы о моем аресте по обвинению в связи с коммунистами, произведенном японской колониальной полицией перед самым освобождением Кореи. В начале 1970-х годов коммунизм распространялся с ужасающей скоростью. Мы послали миссионеров в 127 стран, в том числе и в 4 коммунистические страны; из этих четырех стран их депортировали. В те времена свидетельство в коммунистических странах было сопряжено с риском для жизни, и все же я не сдавался и продолжал посылать миссионеров в Советский Союз и другие страны соцлагеря. Наш первый миссионер вылетел в Чехословакию в 1968 году.

К началу 80-х годов мы стали называть нашу миссионерскую работу в коммунистических странах Восточной Европы «миссией бабочки». Прежде чем обрести крылья и стать бабочкой, личинке приходится довольно долго терпеть и преодолевать трудности; точно так же чувствовали себя и подпольные миссионеры, преодолевая невзгоды в коммунистических странах. Бабочке очень трудно выбраться из кокона, но как только она сделает это и расправит крылья, она сможет свободно летать, где пожелает. Мы знали, что как только власть коммунистов подойдет к концу, наши миссионеры смогут расправить крылья и полететь куда угодно.

Миссионер Ким Ён Ун, вылетев в США в начале 1959 года, объехала ведущие университеты страны, провозглашая в них Слово Бога. Там она встретила Питера Коха, немецкого студента Калифорнийского университета в Беркли, который решил взять академический отпуск, чтобы отправиться на корабле в Роттердам и начать миссионерскую работу в Германии. Для работы в коммунистических странах Азии мы отправляли миссионеров из Японии. Этим миссионерам приходилось ехать туда, где их жизнь подвергалась смертельной опасности, и мы даже не устраивали им каких-то особенных проводов.

Это причиняло мне не меньшую боль, чем в те дни, когда я в очередной раз безуспешно пытался послать Чхве Пон Чхуна в Японию в качестве тайного миссионера во время нашей последней встречи в сосновой роще позади храма Капса. Родитель, который видит, как наказывают его ребенка, с гораздо большей готовностью принял бы наказание сам.

Мне так хотелось самому поехать миссионером вместо них! Мое сердце разрывалось от боли, когда я посылал наших миссионеров в страны, где за ними тут же устанавливалась слежка и где им грозила расправа за религиозную деятельность. После их отъезда я стал проводить большую часть времени в молитвах. Самое лучшее, что я мог сделать для защиты их жизни — это молиться о них истово и горячо. Миссионерская работа в коммунистических странах была сопряжена с большим риском, ведь этих людей в любой момент могли схватить и бросить в тюрьму.

Те, кто отправлялся в качестве миссионеров в соцстраны, не могли сообщить даже своим родителям, куда они едут. Ведь родители хорошо понимали опасность въезда в такие страны и никогда не разрешили бы своим детям туда поехать. Гюнтер Верцер был схвачен КГБ и депортирован. В Румынии, где диктатура Николае Чаушеску достигла своего пика, тайная полиция постоянно подслушивала и перехватывала телефонные разговоры миссионеров.

Это было похоже на то, как если бы наши миссионеры отправлялись напрямик в логово льва. И все же число людей, уезжавших свидетельствовать в соцстраны, постоянно росло.

В 1973 году в Чехословакии произошел ужасный случай, когда тридцать членов нашей Церкви были арестованы и брошены в тюрьму. Одна из наших прихожанок, Мария Живна, умерла в тюрьме в возрасте 24 лет. Она стала первой мученицей, погибшей во время миссионерской работы в коммунистической стране. Через год еще один человек лишился жизни в тюрьме.

Каждый раз, слыша о том, что кто-то из членов Церкви умер в тюрьме, я леденел всем телом. У меня отнимался язык, и я не мог ни есть, ни даже молиться. Я неподвижно сидел, словно окаменевший, не в состоянии пошевелиться. Если бы все эти люди никогда не встречали меня и не слышали моего учения, они никогда не

оказались бы в холодной одиночной камере и ни за что не погибли бы таким образом. Они умирали вместо меня. Я задавал себе вопрос: «Неужто моя жизнь так важна, что за нее они отдают свои жизни? Каким образом нам продолжать проповедование в странах коммунистического блока, где этим людям пришлось взвалить на себя мою ответственность?» У меня просто не находилось слов. Мне было так горько, что этой горечи, казалось, не будет конца, словно меня столкнули в глубокие воды отчаяния...

Я видел перед собой Марию Живну — она летала вокруг, словно желтая бабочка. Эта желтая бабочка, вылетев из стен чехословацкой тюрьмы, трепетала крылышками, словно подбадривая меня: «Держись и поднимайся на ноги!» Занимаясь проповеднической деятельностью с риском для жизни, Мария словно превратилась из гусеницы в прекрасную бабочку.

Миссионеры, трудившиеся в столь жестких условиях, часто получали откровения через сны и видения. Они были изолированы от Церкви и не могли свободно общаться друг с другом, поэтому Бог посылал им откровения и рассказывал, что следует делать дальше. Бывало и так, что миссионер, остановившись где-нибудь на ночлег, засыпал и видел сон, в котором ему говорили: «Поднимайся скорее и иди спать в другое место!» Он просыпался и делал так, как советовали во сне, а позднее узнавал, что там, где он только что ночевал, производила облаву тайная полиция. Другому миссионеру однажды приснился сон, где к нему пришел совершенно незнакомый человек и стал учил его, как лучше осуществлять миссионерскую работу. Позднее, когда этот миссионер впервые встретился со мной, он воскликнул: «Вы тот человек, который мне приснился!»

Вот так я рисковал и своей жизнью, и жизнью членов Церкви, чтобы победить коммунизм и построить Царство Божье. А в это время Соединенные Штаты отказывали мне в визе, подозревая во мне коммуниста! В конце концов в Канаде, где были представлены документы, подтверждающие мои антикоммунистические взгляды, я смог получить визу в США.

Я прошел через эти испытания и всеми силами постарался попасть в Америку, чтобы сразиться там с силами тьмы, из-за которых страна переживала нравственный упадок. При этом мне пришлось оставить Корею в разгар войны с силами зла. В те времена все самые серьезные мировые проблемы — коммунизм, наркомания, моральное разложение и безнравственность — смешались воедино, образовав гремучую смесь. И я провозгласил: «Я приехал в Америку как пожарный и врач. Если в доме вспыхнул пожар, нужен пожарный, чтобы его потушить, и если кто-то заболел, к нему должен прийти врач». Я был пожарным, который явился в Америку, чтобы потушить пожар безнравственности, а также врачом, приехавшим, чтобы вылечить эту страну от болезни, из-за которой она утратила связь с Богом и оказалась на волосок от гибели.

В начале 70-х Америка была вовлечена в войну во Вьетнаме, и активисты выражали протест против этого. Страна переживала серьезный раскол. Молодежь в поисках смысла жизни экспериментировала с алкоголем, наркотиками и свободным сексом, пренебрегая своими вечными душами. Христианство как ведущая религия, чьим долгом было наставлять молодых людей на путь истинный, не справилось с этой ролью и не помогло им покончить с бесцельным существованием и вернуться к нормальной жизни. Гедонистическая и материалистическая культура утянула многих молодых людей на самое дно лишь потому, что им, по сути, больше некуда было приткнуться.

Прилетев в США, я сразу же провел турне по всей стране с выступлениями на тему «Будущее христианства» и «Надежда Бога в отношении Америки». Стоя перед огромным скоплением людей, я критиковал все слабости Америки так, как до этого не делал никто.

Я говорил о том, что эта страна была основана с пуританским духом и всего за двести лет стала сильнейшим государством мира, снискав бесконечные благословения и любовь Бога. Я напомнил людям, что именно Бог даровал Америке свободу, но в наши дни эта страна напрочь забыла о Нем. «Америка — это страна с великими традициями, — сказал я. — Вам нужно лишь возродить их». Я приехал, чтобы

возродить дух Америки, спасти ее от разрушения и призвать людей раскаяться и вернуться к Богу.

Океан — наше будущее

Никто и не догадывался, что я, отправившись в мировое турне, уже начал разрабатывать план, который позволил бы нам расширить наше экономическое основание и вывести его на мировой уровень. С ростом Церкви и увеличением числа миссий наши финансовые потребности для поддержания деятельности значительно возросли. Нам был необходим какой-то доход. И пока я объезжал сорок восемь штатов США, я ломал голову над тем, каким бизнесом нам заняться, чтобы хватило средств на осуществление всего, что мы запланировали.

И тогда мне в голову пришла мысль о том, что американцы каждый день едят мясо. Я подсчитал, сколько стоит одна корова, и пришел к выводу, что мясо одной коровы, весьма дешевое во Флориде, в Нью-Йорке будет стоить несколько сотен долларов. Но когда я узнал цену на мясо тунца, я обнаружил, что один голубой тунец стоит более 4000 долларов. К тому же тунец откладывает за раз более миллиона икринок, в то время как корова может произвести на свет всего одного теленка. Выходит, что ловля тунца — куда более прибыльное занятие, чем выращивание скота.

Единственная проблема заключалась в том, что американцы едят не так уж много рыбы — в отличие от тех же японцев, которые души не чают в мясе тунца. В те годы в Америке жило довольно много японцев, и в дорогих японских ресторанах подавали свежего тунца по баснословной цене. Впрочем, некоторые американцы к тому времени тоже увлеклись строганиной[18] и любили поесть тунца.

Большая часть поверхности Земли, на которой мы живем, покрыта не сушей, а океанами. США омывают целых два океана, в которых полным-полно рыбы. К тому же территориальные воды заканчиваются в двухстах милях от берега, и любой может заплывать в нейтральные воды и наловить там рыбы. Чтобы построить ферму и выращивать скот, нужно сначала купить землю, а для рыбной ловли никакой земли покупать не надо. Все, что нам нужно — это небольшое суденышко, на котором мы могли бы выйти в море и наловить рыбы. Ведь океан — это целый кладезь самой разнообразной еды, а его поверхность широко используется в морских грузоперевозках: корабли, бороздя морские просторы, развозят по всему свету товары, изготовленные в разных странах. Так что океан — это настоящая сокровищница, гарантирующая светлое будущее всему человечеству. Именно поэтому я все время повторяю, что те, кто озабочен будущим человечества, должны позаботиться и об океанах. Если мы полюбим и научимся беречь океан, мы сохраним наше будущее.

Итак, мы купили в США несколько шхун. Это были не те огромные красавцы-корабли с рекламных буклетов, а обычные шхуны длиной всего 34–38 футов — рыболовецкие катера размером с яхту, вполне устойчивые на море. Мы отправили эти шхуны в Вашингтон, Сан-Франциско, Тампу и на Аляску, а потом приобрели еще и судоремонтную верфь.

Затем мы занялись исследованием акватории. Мы посылали шхуны в самые разные места и измеряли температуру воды, а также вели записи о количестве тунцов, пойманных в тот или иной день, и составляли графики. Мы не пользовались чужими графиками, сделанными экспертами: члены нашей Церкви сами выходили в море и собирали информацию, используя в качестве справки открытые данные научных исследований той или иной акватории. Я и сам отправлялся в те места и рыбачил там по несколько дней, досконально все проверяя. Так что наши сведения были самыми точными. Нам пришлось немало потрудиться в ходе наших исследований, но ведь мы трудились не только для себя.

Мы делились информацией с рыболовецкими предприятиями, а также открывали новые акватории, подходящие для рыбной ловли. Ведь если рыбачить постоянно на одном и том же месте, численность рыбы заметно сокращается, поэтому очень важно

менять места лова и находить новые. Таким образом, за короткое время мы внесли значительный вклад в рыболовецкую промышленность США.

Итак, мы занялись рыболовным бизнесом в открытом море. Наша задумка состояла в том, чтобы каждая из шхун выходила в море и ловила рыбу в течение как минимум полугода без захода в порт. Когда шхуна доверху нагрузится рыбой, к ней подходило бы транспортное судно, забирало улов и снабжало моряков провизией и топливом. Каждая из шхун была снабжена морозильным оборудованием, чтобы замораживать рыбу на длительный срок. Наша шхуна под названием «Новая надежда» приобрела широкую известность благодаря отличным уловам.

Я и сам выходил на ней ловить тунца. Бывало, что люди боялись отправляться в морские путешествия, и когда я предлагал молодежи подняться со мной на борт, их первой реакцией был страх. «У меня морская болезнь, — частенько слышал я от них. — Стоит мне взойти на борт, как меня сразу же начинает тошнить, да так, словно я вот-вот умру!» Так что мне приходилось подниматься на борт первому.

С того дня я в течение семи лет почти ежедневно выходил в море. Даже сейчас, когда мне уже за девяносто, я люблю бывать в море при любой возможности. В наше время все больше и больше молодежи желает научиться рыбачить, и даже женщины мечтают об этом! В любом деле так: если лидер берется за что-то первым, все остальные следуют за ним. Так что в результате я приобрел славу хорошего ловца тунцов.

Однако если бы мы только ловили тунцов, от этого было бы мало проку. Нам нужно было еще и продавать их за хорошую цену. И тогда мы открыли рыбоперерабатывающий завод и сами стали продавать рыбу. Мы грузили ее в рефрижераторы и везли на продажу. Если торговля шла плохо, мы открывали собственные ресторанчики, где посетителям предлагались блюда из тунца. Когда у нас появились свои рестораны, люди уже не могли игнорировать нас!

США располагают тремя из четырех крупнейших мировых рыболовных акваторий. Три четверти мирового запаса рыбы водится в водах, омывающих Соединенные Штаты. Однако в этой стране очень немногие занимаются рыбной ловлей, и этот бизнес развит очень слабо. Правительство предприняло серьезные меры для поддержания этой отрасли, но к ощутимым результатам это не привело. Тогда правительство решило продавать рыболовецкие шхуны с большой скидкой, но при условии, что покупатели будут использовать их по назначению в течение трех лет. К сожалению, этой возможностью захотели воспользоваться очень немногие. Печальная ситуация!

Как только мы начали вкладывать деньги в развитие рыбной промышленности, наши суда сразу же стали вызывать повышенный интерес в каждом порту, куда бы они ни зашли. Это неудивительно, учитывая тот факт, что любые отрасли, в которые мы вкладывали деньги, в результате начинали процветать. Так что нашей задачей стало открытие новых отраслей и сфер. Мы не просто ловили рыбу — мы прокладывали путь, на который до нас еще никто не ступал. Это так волнующе — открывать новые просторы!

Океан славится своей переменчивостью. Если настроение человека меняется по утрам и вечерам, то морская гладь меняется ежесекундно. Вот почему океанские глубины столь прекрасны и загадочны. Они могут принять в себя все — и небеса, и землю. В каком-нибудь уголке океанских просторов могут внезапно собраться тучи из водяного пара и либо пролиться дождем, либо улететь восвояси.

Я очень люблю природу, потому что она не умеет обманывать. В природе возвышенности сменяются низинами, а низины — возвышенностями; они чередуются между собой, стремясь к слиянию с горизонтом. И когда я сижу с удочкой в руках, я чувствую, как время для меня останавливается. Что может преградить нам путь в океане? Кто может заставить нас куда-то спешить? У нас есть куча времени, и все оно принадлежит нам. Мы можем просто любоваться морем и беседовать с ним. Чем больше времени человек проводит в океане, тем духовнее и глубже становится его

жизнь. Однако характер моря таков, что сейчас на нем штиль, а уже через минуту его поверхность резко меняется и начинает вздыматься крутыми волнами. Шхуну в один миг окружают гигантские волны, в несколько раз превышающие человеческий рост, словно грозясь проглотить ее целиком, и ураганный ветер с ужасающим ревом рвет в клочья паруса и снасти.

Однако подумайте вот о чем: даже в самый лютей шторм при ураганном ветре рыба спокойно спит в глубинах вод. Она просто отдается волнам, не сопротивляясь. Вот чему я научился у рыбы. Я решил, что не буду бояться, как бы сильно ни штормило. Я позволю волнам нести меня. И я буквально прирастал к шхуне, взлетая с ней на гребень волны. Придя к такому решению, я уже не чувствовал страха, какие бы волны меня ни ждали. Океан стал таким чудесным учителем для меня, что я открыл программу «Вызов океану», чтобы дать возможность молодым лидерам пройти тренировку, которую предоставляет нам океан.

Преподобный Мун — источник новой революции в Америке

Теплое и дружелюбное гостеприимство, проявленное американцами по отношению ко мне в самом начале, со временем стало остывать и даже сменилось враждебностью. Люди стали задаваться вопросом, с какой стати религиозный лидер из Кореи — мелкой и незначительной страны, едва пережившей голод и войну — осмелился призывать Америку к покаянию.

Мне противостояли не только американцы. Особенно негативной была реакция японской Красной армии, состоявшей в сговоре с коммунистами всего мира. Они даже были пойманы ФБР при попытке тайно проникнуть в семинарский центр в Бостоне, где я часто бывал. На меня было совершено столько покушений, что мои дети были вынуждены ходить в школу с охраной. Из-за непрекращающихся попыток свести со мной счеты мне пришлось некоторое время выступать за перегородкой из пуленепробиваемого стекла.

Однако, несмотря на подобное противостояние, все больше и больше людей интересовалось сериями лекций, которые читал им восточный мужчина с узкими глазами. Люди стали прислушиваться к учению, которое кардинальным образом отличалось от всего, что они слышали раньше. Лекции, посвященные основополагающим принципам мироздания, с помощью которых я пытался воскресить дух основателей Америки, стали глотком свежего воздуха для американцев, тонувших все глубже и глубже в адском болоте распущенности и лени.

Благодаря моим лекциям в сознании людей происходила революция, и молодежь стала следовать за мной и называть меня «Отец Мун» или «преподобный Мун», состригая напрочь длинные неряшливые волосы и сбривая бороды. Когда меняется внешний облик человека, меняется и его сознание, поэтому Бог начал постепенно проникать в сердца молодых людей, которые до этого знали лишь алкоголь да наркотики.

На лекции приходила самая разная молодежь любых вероисповеданий и конфессий. Если я во время проповеди задавал вопрос: «Есть ли среди вас пресвитерианцы?» — тут же в воздух поднималось множество рук: «Здесь мы, здесь!», а когда я спрашивал: «Есть ли в этом зале католики?» — снова поднимался целый лес рук. На вопрос: «А есть ли здесь баптисты с Юга?» я получал так же много ответов: «Да, мы здесь!»

Тогда я спрашивал: «Зачем же вы пришли сюда и слушаете меня вместо того, чтобы пойти на службу в свою церковь? Возвращайтесь домой и идите в свои церкви, чтобы слушать там Слово Бога».

Но люди отвечали: «Мы хотим услышать преподобного Муна!»

На наши встречи собиралось все больше и больше людей, и даже пасторы из пресвитерианской и баптистской церквей стали приходиться ко мне и приводить с собой молодежь из числа своих прихожан. Со временем имя преподобного Муна стало знаковым для революции сознания в американском обществе.

Я учил молодых американцев преодолевать трудности и пытался втолковать им, что человек сначала должен научиться владеть собой и лишь потом претендовать на

владение Вселенной. Мое учение дало новое вдохновение молодым американцам, живущим в эпоху смятения умов, и они с готовностью поддержали мои идеи о сексуальной чистоте и создании истинных семей. Люди так горячо принимали мои выступления, что я сам от волнения буквально истекал потом.

«Вы хотите взвалить на себя бремя боли и страданий? — спрашивал я их. — Никто не хочет идти крестным путем. Даже если ваше сердце стремится к этому, тело будет отчаянно сопротивляться. Если что-то выглядит приятным для глаз, это еще не значит, что и сердцу будет столь же приятно. На свете есть много вещей, которые кажутся нам просто замечательными, но если копнуть глубже и заглянуть в самую суть, окажется, что ничего хорошего в них нет.

Если вы однажды поймаете себя на том, что стремитесь лишь к внешне привлекательным вещам и мечтаете лишь о них, немедленно остановитесь и отругайте себя! И если вам хочется есть только то, что вкусно, отругайте свое тело и больше не идите у него на поводу. Пока вы молоды, вас притягивает к противоположному полу, верно? Так вот, вам необходимо научиться сдерживать свои порывы и противостоять искушениям! Если человек не может контролировать себя, он ни на что не способен. Только представьте: если вы не устоите, Вселенная тоже не устоит и рухнет вслед за вами».

Я рассказал им о девизе, которому сам следовал с юных лет: «Прежде чем владеть Вселенной, научись владеть собой». Америка достигла небывалого расцвета в материальном плане и буквально помешалась на благополучии и достатке. И я, находясь в самой гуще материалистической цивилизации, говорил людям о душе и сердце. Душу нельзя ни увидеть, ни потрогать руками. И все же именно душа направляет нас и руководит нами в жизни. Без души мы ничто. И еще я говорил об истинной любви, основа которой — Бог, о любви, которая должна направлять нашу душу, а также о том, что мы будем по-настоящему свободны лишь тогда, когда, опираясь на основание истинной любви, сможем хорошенько разобраться в себе и научимся самоконтролю.

Еще я рассказывал людям о важности труда. Усердный труд — это не страдание, а созидание. Человек может проработать всю жизнь и быть счастливым, потому что труд соединяет его с миром Бога. Когда люди трудятся, они берут то, что создано Богом, и перекраивают по-своему. Если для вас труд — это возможность что-то подарить Богу на память, он не будет вызывать у вас негативных чувств. Многие молодые американцы так привыкли к изобилию и благополучию, которые дарует им цивилизация, что даже не догадываются, какую радость может принести простой физический труд. Поэтому я учил их трудиться с радостью.

И еще я рассказывал о том, сколько радости дарит нам любовь к природе. Молодых людей буквально поглотила атмосфера безнравственности, царящая в больших городах, и поработил эгоистичный образ жизни, поэтому я стал говорить с ними о ценности живой природы. Природа дарована нам Богом, и ее голосом с нами говорит Сам Бог. Поэтому губить природу ради сиюминутной прихоти или пары-тройки лишних долларов — это серьезный грех. Разрушение природы еще аукнется нам ядовитыми загрязнениями и сделает жизнь наших потомков невыносимой. Нам необходимо вернуться в лоно природы и услышать, о чем она пытается рассказать. Я объяснял юношам и девушкам Америки, что если мы откроем наши сердца и прислушаемся к голосу природы, мы сможем услышать голос Бога.

В сентябре 1975 года мы открыли Теологическую семинарию Объединения в Бэрритауне, на севере Нью-Йорка. Профессорско-преподавательский состав формировался на межрелигиозной основе: среди профессоров были последователи иудаизма, протестантизма, католической церкви, восточного православия и различных философских течений Востока. Когда они читали лекции, посвященные своим религиям, наши студенты забрасывали их множеством трудных вопросов, и в аудиториях подчас кипели весьма оживленные дискуссии.

Когда представители всех религий собираются вместе и устраивают дебаты, в этот момент рушится множество ошибочных представлений об учениях друг друга, и люди приходят к более глубокому взаимопониманию. Одаренные молодые люди, получив диплом магистра в нашей семинарии, поступали в докторантуры Гарварда, Йельского университета и других ведущих университетов США и становились лидерами, способными повести за собой религиозный мир в глобальном масштабе.

Митинг у памятника Вашингтону в 1976 году

В 1974 и 1975 годах меня пригласили выступить на Капитолийском холме, и я произнес речь перед членами Палаты представителей на тему: «Единая страна под Богом».

Я обращался к конгрессменам так же, как и к молодежи на улице, говоря им: «Америка появилась на свет благодаря Божьей милости. Однако эта милость была ниспослана не только американцам. Бог через Америку хотел даровать эти благословения всему миру. Следовательно, ваша страна должна понять принцип, в соответствии с которым она обрела эту милость, и принести в жертву свои интересы ради спасения мира. Для этого Америке необходимо вновь пробудиться, чтобы воскресить в себе дух отцов-основателей. Христианство, разделенное на множество деноминаций, должно объединиться, охватив все религии, и открыть новое будущее для цивилизации всего мира».

Я был первым иностранным религиозным деятелем, приглашенным для выступления в Конгрессе США. Когда меня пригласили туда во второй раз, уже гораздо больше людей проявили интерес к человеку по имени преподобный Мун из Кореи.

На следующий год, 1 июня 1976 года, мы организовали празднование на стадионе «Янки» в Нью-Йорке в честь двухсотлетия независимости США. В те времена Америка не имела возможности мирно и спокойно отмечать подобные события. Страна жила под угрозой коммунизма, и образ жизни молодежи был весьма далек от Бога: это были сплошные наркотики и свободный секс. Я понял, что Америка серьезно больна, и отправился туда, словно хирург, взрезающий обнаженное сердце умирающего Нью-Йорка.

В день празднования с неба хлынули потоки дождя, и сильный ветер сдул декорации и разбросал их по всему стадиону, однако никто и не подумал уйти и спрятаться от непогоды. Когда наш ансамбль заиграл песню «You are my sunshine» («Ты — мое солнышко»), все присутствующие стали подпевать. Они пели песню о солнце, промокая до нитки под проливным дождем. Их рот пел о солнце, а из глаз текли слезы, сливаясь с дождевыми каплями. Невероятно — но в тот момент, когда я вышел на сцену и начал выступать, сквозь хмурые тучи пробились лучики солнца! Казалось, Сам Бог услышал наше пение и внял ему.

Еще будучи школьником, я немного занимался боксом. Можно нанести тренированному боксеру целую серию ударов, но ни один из них не достигнет цели. Но если вы ударите его хорошим апперкотом, даже самый сильный боксер не выдержит и пошатнется. И я рассчитывал дать Америке мощный апперкот. Я чувствовал, что масштабы тех митингов, которые я проводил, явно недостаточны; мне хотелось, чтобы имя «Мун Сон Мён» накрепко засело в головах у американцев. В Вашингтоне, в самом центре столицы США, на Эспланаде стоит памятник Вашингтону. Этот обелиск высотой 169 метров похож на стоящий вертикально заостренный карандаш. Вокруг памятника вплоть до зеркального пруда напротив мемориала Линкольна расстилаются обширные зеленые газоны. Эта площадь — самое сердце Америки, и я решил, что проведу на этом месте грандиозный митинг.

Однако для проведения такого митинга нам нужно было разрешение от американских властей и от Отдела по поддержанию порядка в национальных парках. К тому времени большинство американских чиновников стали меня недолюбливать. Ранее я через газеты призывал американцев простить бывшего президента США Ричарда Никсона, который оказался в критической ситуации из-за Уотергейтского скандала. Мои взгляды были весьма непопулярны, и поэтому власти США постоянно

присылали нам отказы. Буквально за сорок дней до планируемого события мы наконец-то получили разрешение на его проведение.

Члены Церкви также убеждали меня, что мой план слишком амбициозен и что от него лучше отказаться. Эспланада, окружающая памятник Вашингтону, — это открытый парк в самом центре города, где не так уж много деревьев и где все засажено травой. Стало быть, если на событие явится мало народу, это увидят все. Чтобы заполнить столь огромное пространство, потребуются сотни тысяч человек, и члены нашей Церкви хотели знать, где нам их набрать. До этого только двоим людям удалось провести массовые события на этой территории. Одним из них был д-р Мартин Лютер Кинг-младший, организовавший митинг в защиту прав человека на ступенях мемориала Линкольна, а вторым — преподобный Билли Грэм, который провел здесь массовое собрание. Так что это место было очень символическим. И я бросил ему вызов.

Я постоянно молился об успехе этого мероприятия и четыре раза переписывал речь, которую собирался произнести, но за неделю до митинга я все еще пребывал в смешанных чувствах относительно того, что буду говорить. В конце концов, за три дня до выступления текст был готов. Обычно я не пишу заранее свои речи, но в этом случае я сделал исключение, беспокоясь о том, чтобы мероприятие прошло успешно. Я знал, что это событие будет особенно важным, хотя и не был уверен до конца в его успехе.

Я никогда не забуду, что произошло в тот день, 18 сентября 1976 года. Люди стали собираться у памятника Вашингтону с раннего утра. Всего пришло около трехсот тысяч человек. Я даже не представляю, откуда могло взяться столько народу! Здесь были представители всех рас, посланных Богом на землю — люди с самым разным цветом кожи и волос. Это был поистине митинг мирового уровня — что еще сказать?

Я вышел к людям и произнес: «Бог готовил Америку в течение двухсот лет. И теперь настало время пробудиться. Ваша страна должна принять на себя ответственность мирового уровня и с помощью идеологии Божизма освободить коммунистические страны и в конечном итоге построить Царство Божье на земле». Моя речь много раз прерывалась одобрительными возгласами и аплодисментами.

Еженедельник «Ньюсуик» в иллюстрированном обзоре важнейших событий 1976 года опубликовал мое фото и назвал меня частью движения за религиозное возрождение 1970-х. С другой стороны, все больше и больше людей стали относиться ко мне с осторожностью и страхом. Для них я был не более чем странным колдуном с Востока. Я не был белым человеком, которому они могли бы всецело довериться и за которым могли бы последовать. Тот факт, что я говорил с ними о вещах, во многом отличавшихся от того, что они слышали в своих церквях, вызывал у них сомнения и беспокойство. В частности, они не могли допустить, чтобы белые молодые люди выказывали уважение азиату и следовали за человеком с узкими глазами, похожими на рыбок.

И тогда все эти люди начали распускать слухи, что я промываю мозги невинной белой молодежи. Группа моих оппонентов держалась на заднем плане — как раз позади тех, кто одобрительно кричал и поддерживал меня. Я чувствовал, что в моей жизни вот-вот случится очередной кризис, но ничего не боялся, так как знал, что все делаю правильно.

Америка известна во всем мире как страна свободы и равенства, где человек любого цвета кожи может осуществить «американскую мечту». Однако на самом деле эту страну по-прежнему раздирают противоречия и борьба, уходящие корнями в расовую и религиозную дискриминацию. Существуют хронические болезни, так и не излеченные за всю историю Америки, и их гораздо труднее исцелить, чем социальные недуги — такие как безнравственность и материализм, зародившиеся среди изобилия 1970-х годов.

В те времена я часто навещал афроамериканские церкви в стремлении достичь межрелигиозной гармонии. Многие афроамериканские пасторы, следуя примеру д-ра

Мартина Лютера Кинга, делали все возможное, чтобы покончить с расовой дискриминацией и построить гармоничный мир Бога.

У некоторых в подвалах домов до сих пор висят изображения рынков работорговли, существовавших столетиями до того, как их упразднили. На одной из таких картинок был изображен чернокожий мужчина, которого подвесили на дереве и сожгли заживо. Другая изображала обнаженных чернокожих мужчин и женщин, вокруг которых прохаживались покупатели, осматривая их со всех сторон, как товар. На третьей картинке был плачущий чернокожий малыш, которого отнимали у матери. Невозможно представить, чтобы люди были способны на такие зверства, изображенные на этих картинках во всех подробностях!

«Подождите, и увидите, — говорил я людям, собравшимся на встречу в Чикаго 24 октября 1975 года. — Примерно через тридцать лет на пост президента США взойдет человек, рожденный в смешанном браке белой и черной расы».

Предсказание, которое я сделал в тот день, исполнилось в Америке с инаугурацией президента Барака Обамы, который провел большую часть жизни в Чикаго. Это пророчество осуществилось не само по себе. Множество людей проливали кровь и пот, чтобы покончить с межрасовыми рознями, и эти усилия в конечном итоге принесли плоды.

Удивительно, но многие священники из традиционных церквей Америки пришли сами и привели своих прихожан на митинг у памятника Вашингтону. Они решили, что мое послание выходит за рамки отдельных деноминаций и что я способен вдохновить молодежь. Я призывал людей забыть о религиозных различиях, и эти слова претворились в жизнь на митинге у памятника Вашингтону. Митинг стал настоящим чудом! В нем приняли участие триста тысяч человек, и благодаря этому он вошел в число самых массовых собраний на Эспланаде.

«Не плачьте обо мне — плачьте о мире»

Белые полосы в жизни зачастую сменяются черными. В те времена находились люди, которые брали мои фотографии и пририсовывали мне усики как у Гитлера, пытаясь соотнести меня с ним. Они называли меня антисемитом и заявляли, что я настраиваю народ против евреев. С христианами тоже была беда. С ростом числа моих последователей среди молодежи и с увеличением числа священников, желающих изучать Божественный Принцип, традиционные церкви Америки также начали преследовать меня. В конце концов, члены «левой» партии выступили против моих заявлений о том, что именно Америка должна остановить распространение коммунизма по всему миру. Они тоже начали искать пути для пресечения моей деятельности.

Популярность нашей Церкви росла, а вместе с ней росли и опасения людей на мой счет. Молодые юноши и девушки, горящие желанием свидетельствовать о моем учении, бросали учебу и работу, чтобы путешествовать по стране, учить Принципу и собирать средства на проведение нашей деятельности. Их родители по вполне понятным причинам стали опасаться за благополучие своих детей.

Когда Соединенные Штаты оказались втянутыми в Уотергейтский скандал, я встретился с президентом Ричардом Никсоном, чтобы убедить его следовать Божьей воле в управлении страной, и обратился к американскому народу с призывом «простить, любить и объединиться» с позицией президента. Это вызвало протест со стороны средств массовой информации, поддерживающих партию «левых», и все то, что раньше не являлось проблемой, вдруг обернулось против меня. В то же время представители консервативной партии заявили, что я слишком «либерален» и что мое учение идет вразрез с традиционными ценностями.

Многим христианам не нравилось мое объяснение распятия Иисуса, которое заключалось в том, что Христос явился как Мессия и его смерть на кресте не была предопределена Божьей волей. Напротив, после казни Иисуса Божий план по строительству Царства мира был нарушен. Если бы Израиль принял Иисуса как Мессию, на земле утвердился бы гармоничный мир, где объединились бы восточная и

западная культуры. Однако Иисус умер на кресте, и Божий труд по полному восстановлению человечества был отложен до времен Второго пришествия.

Такая точка зрения на распятие вызвала серьезное противостояние, и в результате традиционные церкви вместе с иудейским сообществом стали считать меня своим врагом и всеми способами пытались выдворить меня из Америки, каждый по своей собственной причине.

В итоге я снова оказался за решеткой. Все, что я делал, я делал лишь с одной целью: возродить нравственность в Америке и помочь ей вновь оказаться в русле Божьего провидения, а меня взяли и обвинили в неуплате налогов. К тому времени мне уже исполнилось шестьдесят лет.

В течение первых трех лет, проведенных мной в Америке, все деньги, собранные в качестве пожертвований со всего мира, скапливались на банковском счете Церкви в Нью-Йорке, открытом на мое имя. Эта практика распространена во многих церквях и деноминациях. Деньги, пролежавшие на этом счете с 1973 по 1975 год, принесли некоторую прибыль, и против меня выдвинули обвинение в неуплате налога с дохода физических лиц в размере около 7500 долларов. Обычно за подобную неуплату налагают штраф, но в 1982 году меня признали виновным и осудили, заключив в федеральную тюрьму в Дэнбери, штат Коннектикут. Это произошло 20 июля 1984 года.

За день до заключения в тюрьму Дэнбери я собрал членов Церкви в образовательном центре в Бельведере (Тэрритаун, Нью-Йорк). Встреча получилась очень сердечной; в тот день в Бельведере собрались тысячи моих последователей и стали молиться обо мне со слезами на глазах. Но я твердым голосом попросил их не падать духом и не отчаиваться.

«Я невиновен, — сказал я им, — ведь я не сделал ничего плохого. Я вижу, как над тюрьмой Дэнбери разгорается яркий свет надежды. Не плачьте обо мне — плачьте об Америке! Любите эту страну и молитесь за нее!» Стоя перед молодежью, погруженной в печаль, я в знак надежды поднял вверх обе руки.

Мое обращение перед заключением в тюрьму вызвало большой шум среди верующих людей. Тут же было основано «Братство сподвижников в страданиях», и множество людей стали молиться за меня, чтобы как-то поддержать. «Братство сподвижников в страданиях» вызвало волну народной поддержки среди духовенства самых разных деноминаций и религий; люди были обеспокоены нападками на религиозную свободу в Америке.

В день, когда мне предстояло сесть в тюрьму, я пошел туда без тени страха. Я знаю, что такое тюремная жизнь. Однако окружающие меня люди думали иначе. Они боялись, что самые ярые противники могут покуситься на мою жизнь. Но я вошел в тюремные ворота с высоко поднятой головой.

«Почему мой отец должен сесть за решетку?»

Даже в тюрьме Дэнбери я следовал принципу жизни ради других. Я поднимался рано утром и принимался за уборку самых грязных помещений. В столовой люди ели, ссутулившись над тарелкой, дремали или просто болтали друг с другом; я же всегда сидел прямо и держался с достоинством. Когда мне давали какое-нибудь задание, я выполнял его старательнее других и всегда наблюдал, как справляются остальные.

В свободное время я читал Библию. Один из заключенных, видя, что я читаю Библию днем и ночью, сказал мне: «Это твоя Библия? Гляди — а вот моя! На, полистай» — и кинул мне журнал. Это был порнографический журнал «Hustler».

В тюрьме я стал известен как человек, привыкший трудиться молча. Чаще всего я читал книги и медитировал. Спустя три месяца я нашел друзей и среди заключенных, и среди охранников. Я подружился с одним наркоманом и с тем, кто называл порножурнал своей Библией. Где-то через месяц или два заключенные стали делиться со мной тем, что получали «с воли»; когда же мы стали делиться друг с другом и своими переживаниями, к нам в тюрьму словно спустилась сама весна.

На самом деле правительство США не собиралось отправлять меня в тюрьму. Они решили выдвинуть против меня обвинение в тот момент, когда я покинул страну и

отправился в турне по Германии, и их бы вполне устроило, если бы я просто не вернулся. У них не было цели засадить меня за решетку — им всего-навсего нужно было, чтобы я покинул страну. Я стал широко известен в Америке, и число моих последователей росло с каждым днем. Так что они всего лишь хотели преградить мне путь: как и в Корее, я был занозой в боку у традиционных церквей. Я разгадал их намерения и принял решение вернуться в Америку и отправиться за решетку, ведь мне еще многое нужно было сделать в этой стране.

Вообще, тюрьма — это не так уж плохо. Если я хочу побудить к раскаянию людей, проливающих слезы, я сам сперва должен расплакаться. Пока я сам не переживу боль разбитого сердца, я не смогу побудить других посвятить себя Богу. Пути Господни воистину неисповедимы... Как только я оказался в тюрьме, семь тысяч священников и других религиозных деятелей обвинили правительство США в нарушении свободы вероисповедания и стали прилагать усилия для моего освобождения.

Среди них был представитель консервативной партии преподобный Джерри Фалвел из Собора южных баптистов, а также либерал д-р Джозеф Е. Ловери, недавно благословивший инаугурацию президента Обамы. Они возглавили движение за мое освобождение. К ним присоединилась и моя дочь Ин Джин, которая в ту пору была еще подростком. Стоя перед семью тысячами духовников и священнослужителей, она со слезами зачитала свое обращение к судье, вынесшему мне приговор:

«Вся жизнь моего отца была буквально пропитана слезами и страданиями, ведь он посвятил ее воплощению Божьей воли. Сейчас ему 64 года. Его единственное преступление в том, что он слишком сильно любит Америку. И, тем не менее, в данный момент он, скорее всего, моет посуду в тюремной столовой или драит шваброй полы.

На прошлой неделе я навестила отца и впервые увидела его в тюремной робе. Я разрыдалась, и мне было так горько! Но отец попросил, чтобы я не плакала о нем, а молилась за Америку. И еще он сказал, чтобы я превратила весь мой гнев и всю печаль в мощную силу, которая поможет этой стране стать действительно свободной.

Он сказал, что, находясь в тюрьме, сможет вытерпеть любые трудности и любую несправедливость и вынести любой крест. Свобода вероисповедания — основа всех свобод. И я воистину благодарна всем собравшимся здесь за то, что вы выступаете в поддержку религиозной свободы».

Мой приговор был сокращен на шесть месяцев за примерное поведение, и я вышел на волю через тринадцать месяцев заключения. В день моего освобождения в Вашингтоне был устроен банкет по этому случаю, на котором собрались тысяча семьсот христианских священников и иудейских раввинов. В своем выступлении перед собравшимися я снова озвучил свою позицию: делать все для преодоления барьеров между религиями и деноминациями. Я решительно и открыто обратился ко всему миру, не беспокоясь о том, как отреагируют на это мои оппоненты: «Бог не видит различий между деноминациями и не участвует в малозначимых спорах касательно той или иной доктрины. Великое родительское сердце Бога не различает людей по национальной или расовой принадлежности, и для Него не существует границ между государствами или культурами. Даже сейчас Бог делает все возможное, чтобы заключить в объятия всех людей планеты как Своих детей. Сейчас Америка страдает от проблем в межрасовых отношениях, а также проблем, возникших из-за смещения ценностей и нравственной деградации, из-за духовного вакуума и упадка христианства, а также из-за атеистической идеологии коммунизма. Вот в чем причина того, что я откликнулся на зов Бога и прибыл в эту страну. Современное христианство должно окончательно пробудиться и объединиться. Духовенство также должно переосмыслить роль, которую играло до сих пор, и раскаяться. Ситуация, сложившаяся две тысячи лет назад, когда на землю пришел Иисус и призвал людей к раскаянию, повторяется в наше время. Мы должны выполнить важную миссию, которую Бог возложил на Америку. Так больше продолжаться не может. Нам нужны перемены, нужна реформация».

Как только я освободился из тюрьмы, меня уже больше ничто не сдерживало. Я стал выступать еще громче и убедительнее, пытаюсь предупредить Америку, скатывающуюся все ниже и ниже. Не жалея эпитетов, я твердил снова и снова, что единственный путь возродить страну к жизни — это вернуться к Божьей любви и избрать путь нравственности.

Я оказался в тюрьме, не сделав ничего плохого, но в этом тоже заключался Божий промысел. После того как я вышел на свободу, те люди, которые способствовали моему освобождению, отправились в Корею, чтобы узнать больше о моей деятельности. Они убедились в том, что столь массовый интерес американской молодежи мог возникнуть только благодаря духу и личности преподобного Муна. И тогда после возвращения в США 120 человек из числа этих священников созвали Духовную конференцию по лидерству.

ГЛАВА 5

СЕМЬИ, В КОТОРЫХ ЦАРИТ ЛЮБОВЬ, СПОСОБНЫ ИЗМЕНИТЬ МИР

Моя жена, Мун Хан Хак Джа

Когда я впервые увидел свою будущую жену, ей было всего 14 лет и она только что окончила начальную школу. Это была тихая и спокойная девочка, которая никогда не повышала голоса и старалась не привлекать к себе внимания. Она всегда ходила в церковь и обратно одним и тем же путем. Когда ее впервые представили мне, я узнал, что она была дочерью одной из наших первых прихожанок, госпожи Хон Сун Э.

— Как тебя зовут? — спросил я ее.

— Меня зовут Хан Хак Джа, — четко произнесла она.

В тот момент я трижды бессознательно пробормотал: «Хан Хак Джа родилась в Корее!» — а потом помолился и произнес: «Боже, спасибо Тебе за то, что Ты подарил Корее такую замечательную женщину — Хан Хак Джа!»

Затем я посмотрел на нее и сказал: «Хан Хак Джа, боюсь, что тебе придется многим пожертвовать в жизни».

Все эти слова внезапно, в один миг вылетели у меня изо рта. Позднее госпожа Хон рассказывала мне, что ей показалось странным, почему я трижды повторил одну и ту же фразу, впервые увидев ее дочь. Моя жена тоже призналась, что хорошо запомнила ту первую, короткую встречу. Она запомнила все, что я сказал в тот день, словно я читал проповедь специально для нее, и сохранила эти воспоминания в глубине души. В тот момент она почувствовала, что получила очень важное откровение о своем будущем, которое она не могла забыть.

Ее мать была родом из глубоко верующей пресвитерианской семьи, и сама она воспитывалась в христианской среде. Родиной жены — так же, как и моей родиной — был Чонджу, но она жила в Анджу до тех пор, пока не переехала на юг Кореи во время Корейской войны. До того как стать нашей прихожанкой, госпожа Хон уже вела праведную жизнь, живя в Чхунчхоне, и очень строго воспитывала свою дочь. В то время моя будущая жена посещала школу медсестер при католической церкви; по рассказам, в этой школе были очень строгие и суровые правила, и она жила почти как монахиня. У моей будущей жены был мягкий и спокойный характер, и пока она жила с матерью, она никуда не ходила, кроме школы и нашей Церкви.

В то время мне уже было 40 лет, и я интуитивно чувствовал, что пришло время снова жениться. Я лишь ждал, когда Бог подтвердит: «Время пришло, и тебе пора вступить в брак», и был готов исполнить Его волю. В октябре 1959 года Джи Сын До, одна из старейших прихожанок нашей Церкви, начала готовиться к моей помолвке, хотя у меня еще не было невесты. Другая наша прихожанка, которая в течение семи лет молилась о жене для меня, однажды рассказала, что ей приснился сон, в котором Хан Хак Джа была моей женой.

Госпожа Джи рассказала мне о странном сне, который увидела на днях. «Ну и сон же мне приснился! — она не могла удержаться от восклицания. — Я увидела, как к нам подлетели сотни журавлей. Я пыталась разогнать их руками, но они продолжали

слетаться и в конце концов накрыли вас с ног до головы белоснежными крыльями. Быть может, это какое-то предзнаменование?»

Интересно, что китайский иероглиф «Хак» в имени Хан Хак Джа означает «журавль»...

Более того, я приснился и своей будущей жене, подойдя к ней во сне и сказав: «Близится назначенный день, так что хорошенько подготовься». Потом она рассказывала, как во сне спокойно и уверенно ответила мне: «Я всегда жила в послушании воле Бога и всегда буду жить, следуя Божьей воле как Его слуга, что бы ни случилось».

Через несколько дней после того, как моя будущая невеста увидела этот сон, я попросил госпожу Хон привести ко мне свою дочь. Эта была первая встреча с той 14-летней девочкой после нашего с ней знакомства. В тот день я задал ей множество вопросов, и она каждый раз спокойно и четко отвечала на них. Потом я попросил ее нарисовать какую-нибудь картинку, и она без колебаний взяла карандаш и начала что-то рисовать на листке бумаги. Когда она закончила рисунок и показала его, он мне очень понравился. И когда я взглянул на нее, она смутилась и покраснела. Ее личико было таким очаровательным! И ее сердце было таким же прекрасным, как и нарисованная ею картинка.

Мы были помолвлены 27 марта 1960 года, а через две недели, 11 апреля, состоялась наша свадебная церемония. Я ничего не планировал заранее, но спустя несколько дней позвал Хан Хак Джа и сказал ей: «Завтра утром мы проведем церемонию бракосочетания». Она лишь промолвила: «Да?» — и все. Больше она ничего не спрашивала и не перечила мне. Было понятно, что она абсолютно послушна воле Небес. Вот какой чистой и кроткой она была! Однако во всем, что касается Божьей воли, она всегда проявляла и до сих пор проявляет недюжинную решимость.

На свадьбе я был в самоквандэ — церемониальном костюме придворной знати, который обычно надевают на традиционные корейские свадьбы, а на моей невесте были национальное корейское одеяние и чоктури — свадебный головной убор. Моя семнадцатилетняя жена, на 23 года моложе меня, во время церемонии была спокойна и, казалось, излучала тихое сияние, стоя рядом со мной с плотно сомкнутыми губами и прекрасным личиком. Во время церемонии я сказал своей невесте, что с этого момента она встает на очень трудный путь.

«Ты ведь понимаешь, что наша с тобой семья будет кардинально отличаться от обычных семей? Мы вступаем в брак не в поисках личного счастья, как в светском мире, а для того, чтобы стать Истинными Родителями и выполнить миссию, данную Богом. Бог желает построить Царство Небесное на земле с помощью истинной семьи, и мы с тобой должны пройти трудный путь, чтобы стать Истинными Родителями, которые откроют врата Царства Небесного для всех людей. До этого никто за всю историю не проходил этим путем, так что я и сам еще не знаю, что от нас потребуется. Тебе придется очень многое вытерпеть за следующие семь лет. Ни в коем случае не забывай, что наша жизнь коренным образом отличается от жизни других людей. Не предпринимай ни единого шага, не посоветовавшись со мной, и всегда слушайся моих указаний».

И она ответила: «Я готова к этому. Пожалуйста, не беспокойтесь за меня». В тот день я увидел в ее глазах твердую решимость.

Жизнь начала бросать ей вызовы с первого же дня после свадьбы. Первым испытанием для нее стало то, что она больше не могла свободно, как раньше, видеться с матерью. Моя жена, ее мать и бабушка были единственными дочерьми в семье, и отношения матерей с дочерьми были очень близкими и глубокими. Но я хотел подготовить свою жену к общественной миссии и помочь ей обрести правильный настрой, поэтому и попросил ее вести довольно суровый и аскетический образ жизни в течение трех лет. Это означало, что она целых три года не могла видеться ни с матерью, ни с другими родственниками. Она жила в комнате, арендованной у наших

прихожан, и посещала Церковь не чаще одного раза в день, обычно ближе к вечеру. Чтобы не привлекать к себе внимания, она выходила всегда через заднюю дверь.

В те времена я часто проводил службы и молился всю ночь напролет, редко бывая дома, однако причина наших частых разлук была не в этом. Наше раздельное проживание с женой было необходимым духовным условием для того, чтобы она смогла обрести бескорыстную преданность своей миссии. В те времена ходило очень много нехороших слухов обо мне, и постоянная разлука с родными и со мной делала положение моей юной жены еще более тяжким и нестерпимым. К моменту нашего бракосочетания Церковь Объединения насчитывала около 120 центров по всей Корее, однако даже среди наших прихожан находились люди, критически настроенные по отношению к нашему браку. Кто-то завидовал моей жене, кто-то ее ненавидел, и это порождало все больше и больше разных слухов. Помимо всего прочего, она еще и жила в чужом доме, в то время как меня повсюду сопровождали женщины и бабушки из нашей Церкви.

В конечном итоге мое кажущееся холодным отношение к жене положило конец всей критике и зависти, направленным против нее, и люди стали ей сочувствовать. Более того, многие осудили меня за то, что я не смог навестить жену, даже когда после рождения нашей первой дочери она лежала в послеродовой горячке, дрожа от холода в плохо натопленной комнате. Некоторые даже поговаривали: «И он еще смеет называть себя ее мужем?»

«Сударь, вы заходите слишком далеко, — слышал я от людей. — Если вы взяли ее в жены, будьте добры жить вместе с ней! Что вы вообще творите? Хотите, чтобы она позабыла ваше лицо?» И те, кто до этого критиковал и осуждал мою жену, начали один за другим переходить на ее сторону.

Несмотря на юный возраст, моя жена должна была пройти суровую тренировку. Во время нашей совместной жизни условия ее существования были поистине невыносимыми. У нее не было ни единой свободной минутки для себя: она постоянно была на грани и чувствовала, будто ступает по тонкому льду. Ей все время приходилось волноваться и думать: «Будет ли спокойным сегодняшний день? А завтрашний?» Ей предстояло достичь Божьего эталона истинной материнской любви, и поэтому я отчитывал ее даже за одно неверное слово. Порой мне приходилось сдерживать даже ее горячую любовь ко мне ради ее вечной миссии. Все это было необходимо для того, чтобы она смогла стать Истинной Матерью, но сколько же за это время ей пришлось выстрадать!

Бывало, я пробормочу что-нибудь по ходу дела и тут же забуду об этом, а ей приходилось жить в соответствии с каждым моим словом. Это было для нее настоящим мучением. Нам потребовалось семь лет, чтобы приспособиться друг к другу. Я говорю об этом потому, что в супружеских отношениях самое главное — это доверие. Именно оно помогает двоим стать одним целым.

Несравненная внутренняя красота

После свадьбы мы с женой дали друг другу обещание: ни при каких условиях, как бы мы ни были рассержены, не допускать у окружающих даже мысли о том, что преподобный Мун и его жена поссорились. Еще мы пришли к соглашению, что сколько бы детей у нас ни родилось, мы им также не позволим стать свидетелями наших ссор. Ведь дети — это Бог. Бог с маленьким и ранимым сердцем. И поэтому, если ребенок зовет вас: «Мам!», просто улыбнитесь ему в ответ: «Да, мой милый?»

После семи лет тяжелых испытаний моя жена стала чудесной матерью. Все сплетни вокруг нее утихли, и в нашей семье воцарились мир и счастье. Моя жена родила четырнадцать детей и каждого из них окружила заботой и любовью. Когда ей приходится уезжать из дома в турне или по делам миссии, она каждый день посылает детям письма и открытки.

Ей было очень нелегко за сорок лет родить и воспитать четырнадцать детей, однако она никогда не жаловалась. Порой к тому времени, когда подходил срок родов, я был

далеко за границей, и ей приходилось проходить через это в одиночку. Бывали и такие моменты, когда я ничем не мог ей помочь.

Однажды один из членов Церкви написал мне о финансовых затруднениях моей жены, беспокоясь о том, что она недостаточно хорошо питается. Но даже тогда она ни разу не пожаловалась. Несмотря на мою привычку спать по два-три часа в сутки, она преданно следовала моему расписанию всю нашу совместную жизнь. До сих пор, когда я думаю об этом, мое сердце пронзает боль...

У моей жены столь любящее и заботливое сердце, что однажды она отдала кому-то, у кого не было денег, даже свое кольцо — мой особенный подарок. Если она видит, что человек плохо одет, она идет и покупает ему одежду или отдает что-то из наших вещей, а если встречает того, кому нечего есть, тут же покупает ему еду. Очень часто она отдавала другим подарки, которые дарили нам, если чувствовала, что людям это нужнее.

Однажды во время турне в Нидерландах мы посетили ювелирный завод по обработке алмазов, и я, всем сердцем желая выразить сочувствие из-за тех жертв, которые пришлось принести моей жене, подарил ей кольцо с бриллиантом. Денег у меня было немного, поэтому я выбрал и купил совсем маленькое колечко, которое мне приглянулось, и преподнес ей. Однако потом она отдала кому-то и это кольцо. Когда я заметил, что оно исчезло у нее с руки, я спросил:

— А где же то колечко?

Она мне ответила:

— Знаешь, я не могу носить такие вещи, если у кого-то рядом нет денег.

Однажды я застал ее тихонько пакующей одежду в мешки.

— Что ты хочешь с ней сделать? — спросил я.

— Я найду ей применение, — ответила она.

Она приготовила несколько мешков с одеждой, так и не сказав, что собирается с ней сделать. И только потом, закончив паковать вещи, она призналась мне, что хотела отправить их нашим зарубежным миссионерам.

— Вот этот мешок — для Монголии, этот — для Африки, а этот — для Парагвая, — сказала она.

Ее лицо озаряла мягкая и застенчивая улыбка, и это было так очаровательно! Она и по сей день берет на себя заботы о наших зарубежных миссионерах.

В 1979 году моя жена возглавила новый Международный фонд помощи и дружбы (IRFF). Этот фонд организовал множество проектов помощи в таких странах, как Конго, Сенегал и Берег Слоновой Кости, снабжая продуктами питания детей из бедных семей, поставляя лекарства в больницы и одежду обездоленным людям. А в 1994 году она основала в Корее благотворительную организацию «Эвон». Одно из направлений ее деятельности — открытие бесплатных столовых для малоимущих и поддержка низкооплачиваемых рабочих, инвалидов, детей, которым приходится содержать семью вместо взрослых, и так далее. Организация также оказывает помощь жителям Северной Кореи.

Еще моя жена принимала активное участие в деятельности женских организаций. К примеру, Федерация женщин за мир во всем мире, основанная ею в 1992 году, существует в более чем восьмидесяти странах мира и, как неправительственная организация, имеет общий консультативный статус при Экономическом и Социальном Совете ООН.

На протяжении всей истории женщин постоянно унижали и притесняли, но я уверен, что скоро ситуация кардинально изменится. Мир, который скоро будет построен, принесет с собой гармонию и примирение благодаря материнскому сердцу женщины, ее любви и коммуникабельности. Придет время, и сила женщин спасет наш мир.

К сожалению, в наше время в большинстве женских организаций бытует убеждение, что лучший способ продемонстрировать силу женщин — объявить мужчинам войну и во всем противостоять им. В результате это породило лишь соперничество и конфликты. Однако женская организация, возглавляемая моей женой, стремится к

миру на основе принципа сотрудничества всех женщин, их способности брать на себя инициативу и подбадривать друг друга, выходя за привычные рамки рас, культур и религий в желании создавать крепкие семьи как основу для культуры мира. Организации, с которыми она сотрудничает, вовсе не призывают женщин освободиться от мужчин и семей. Напротив, они вдохновляют женщин совершенствовать отношения в семье и поддерживать пламя любви в домашнем очаге.

Моя супруга мечтает о том, чтобы все женщины смогли стать истинно почтительными дочерьми, способными достичь гармонии и мира в своей семье, в своем сообществе, своей стране и в целом мире. Женская организация, возглавляемая моей женой, стремится к созданию истинных семей, которые станут основой мира в любой сфере нашей жизни.

В самые напряженные и ответственные периоды миссионерской работы нашим детям приходилось чуть ли не по полгода жить без родителей. Пока мы были в отъезде, они жили дома и о них заботились наши прихожане. Наш дом всегда был полон членов Церкви, и каждый завтрак, обед или ужин проходил в присутствии множества гостей, о которых заботились больше, чем о наших детях. Из-за этого наши дети росли с постоянным чувством одиночества, которое незнакомо детям из других семей.

Еще больше им приходилось страдать из-за своего отца. Куда бы они ни отправились, в них повсюду тыкали пальцем:

«О-о, это сынки и дочки предводителя секты Мун Сон Мёна!» Оказавшись в столь непростой ситуации, наши дети порой отходили в сторону, искали свой собственный путь и даже бунтовали, но в конце концов всегда возвращались домой. Мы, родители, не смогли должным образом позаботиться о своих детях, однако пятеро из них все же окончили Гарвардский университет, и я очень благодарен им за проявленное мужество и достижения! Теперь они стали достаточно взрослыми, чтобы помогать мне в работе, но я до сих пор остаюсь для них строгим и требовательным отцом. Я по-прежнему учу их делать больше, чем сделал я сам, чтобы служить Небесам и жить ради блага человечества.

Моя жена — невероятно сильная женщина, однако смерть нашего второго сына, Хын Джина, стала для нее тяжелым испытанием. Это случилось в декабре 1983 года. Мы с ней были в Кванжу, проводили там митинг Федерации за победу над коммунизмом, как вдруг нам позвонили и сообщили, что Хын Джин попал в автокатастрофу и находится в больнице. Мы вылетели к нему на следующий же день и отправились прямо в Нью-Йорк, но Хын Джин, лежа на больничной койке, так и не пришел в сознание...

Грузовик, мчавшийся на бешеной скорости, резко затормозил при спуске с горы, и его занесло на встречную полосу — как раз навстречу Хын Джину, который ехал в машине вместе с двумя лучшими друзьями. Тогда Хын Джин резко вывернул руль вправо, чтобы удар грузовика пришелся на водителя — то есть на него. Так он спас жизнь своим друзьям. Я побывал в том месте, где произошла катастрофа — это случилось неподалеку от нашего дома... и увидел, что черные следы покрышек, резко сворачивающие вправо, все еще виднеются на дороге...

Хын Джин ушел на небеса ранним утром 2 января. Прошел лишь месяц с того дня, как ему исполнилось семнадцать...

Никакими словами не передать горе моей жены, которой пришлось похоронить сына, так горячо любимого ею и ушедшего раньше нее. Однако она не могла позволить себе плакать. На самом деле, ей нельзя было пролить и слезинки. Мы знаем, что есть мир, куда уходят наши вечные души. Со смертью тела они не исчезают бесследно, как облачко пыли, а уходят в вечный духовный мир, но для нас, родителей, сама мысль о том, что мы больше никогда не увидим на земле нашего любимого ребенка и никогда не прикоснемся к нему, была просто невыносимой. Жена не могла даже плакать; она лишь бережно гладила ладонями катафалк, на котором лежало тело Хын Джина...

Авария произошла перед самой помолвкой Хын Джина с девушкой по имени Пак Хун Сук, которая училась в балетной студии. И мне было необходимо поговорить с ней о его смерти и о том, что она будет делать дальше.

Я сказал ей, что могу представить, как тяжело будет ее родителям и как несправедливо будет по отношению к ним, если помолвка и свадьба все же состоятся. И я посоветовал ей забыть о помолвке.

Однако Хун Сук была непреклонна. «Я знаю о том, что духовный мир существует, — сказала она. — Пожалуйста, позвольте мне остаться с Хын Джином».

И вот так Хун Сук стала нашей невесткой через пятьдесят дней после смерти Хын Джина. Мы с женой никогда не забудем, какой светлой была ее улыбка, когда она держала в руках фотографию нашего сына во время духовной церемонии бракосочетания.

Казалось, что такие потери должны совершенно опустошить и уничтожить мою жену, но она всегда оставалась стойкой и несгибаемой. Даже в самых трудных и невыносимых обстоятельствах с ее губ не сходит спокойная и мягкая улыбка. Это помогает ей с успехом преодолевать самые тяжелые испытания. Когда члены Церкви спрашивают ее совета по поводу воспитания детей, она отвечает им: «Будьте терпеливы и умейте ждать. Период, когда они отходят от вас и мечутся из стороны в сторону, однажды пройдет. Что бы они ни сделали, принимайте их, любите и ждите их возвращения. Дети всегда возвращаются к любви своих родителей».

Я никогда не повышал голос на жену. И это не потому, что у меня такой характер, а просто потому, что она никогда не давала мне повода. В течение всей нашей совместной жизни она усердно трудилась и заботилась обо мне с глубокой любовью и полной посвященностью. Она даже сама стрижет и причесывает меня! Так что эта великая святая, способная обнять весь мир, еще и лучший в мире парикмахер. Сейчас, когда я состарился, число моих просьб к ней увеличилось, но она по-прежнему откликается на каждую из них.

Если я прошу подстричь мне ногти на пальцах ног, она с радостью их подстригает. Разумеется, эти ногти мои, да и ноги тоже мои, но я стал их плохо видеть. А вот она видит их очень хорошо! Вот удивительная вещь... Знаете, чем старше я становлюсь, тем дороже и бесценнее становится мне моя жена...

Обеты, которые ни в коем случае нельзя нарушать

Во время церемоний помолвки и бракосочетания я прошу женихов и невест дать друг другу клятвы, которые ни в коем случае нельзя нарушать. Во-первых, муж и жена должны всегда доверять друг другу и любить друг друга. Во-вторых, они не имеют права ранить сердце своей второй половинки. В-третьих, им необходимо научить своих детей и внуков хранить сексуальную чистоту. В-четвертых, все члены их семей должны оказывать друг другу помощь и поддержку, чтобы семья смогла стать действительно идеальной и образцовой. Целомудрие до брака и верность в браке — вот что самое главное. Именно этому я учу людей, чтобы помочь им всецело раскрыть свой личностный потенциал, а также создать и сохранить на всю жизнь здоровую и крепкую семью.

Брак — это нечто большее, чем просто союз мужчины и женщины. Это — святая церемония, на которой мы выражаем готовность взять на себя Божий труд сотворения. Брак — это путь, на котором мужчина и женщина становятся одним целым, создают новую жизнь и воплощают истинную любовь. Бракосочетание является отправной точкой нового будущего: с его помощью формируются новые сообщества и даже нации. Возникает новый мир Бога, центром которого становятся такие семьи, ведь именно в них зарождается Божье Царство Небесное.

Это означает, что мужа и жены должны стать средоточием мира на земле. Муж с женой должны любить не только друг друга; их любви должно хватить на всю семью и на весь род. Ведь если только муж с женой живут в любви и благополучии, этого недостаточно. Все родственники также должны любить друг друга. Еще я говорю женихам и невестам, что они должны родить много детей и воспитать их в Божьей

милости. Недопустимо, чтобы люди сами решали, кому жить, а кому нет, и самовольно обрывали драгоценные жизни, дарованные Богом. Любое живое существо рождается в нашем мире по Божьей воле. Любая жизнь достойна и ценна, поэтому ее следует беречь и защищать.

Естественно, муж и жена должны всегда доверять друг другу и возвращать свою любовь. Но основной упор я делаю на то, чтобы пары, вступающие в брак, давали обет учить своих детей целомудрию.

Этот обет — естественный и очевидный, однако в современном обществе соблюдать его все сложнее и сложнее. И, тем не менее, чем хуже и развращеннее становится мир, тем важнее строго соблюдать обет сексуальной чистоты.

Совершенствование человека и достижение мира на земле происходит благодаря семье. Цель религии состоит в том, чтобы люди последовали по пути добра и построили на земле идеальный и гармоничный мир. Сколько бы политики совместными усилиями ни пытались найти выход, они не добьются мира во всем мире. Никакой военной силой, сколь бы чудовищно огромной она ни была, мира также не достичь, ведь построение мира на земле начинается в семье.

Когда в 1971 году я прилетел в Америку, по всей стране гуляли ветры беспорядочных половых связей и свободного секса, и в обществе царил страшная неразбериха. Молодые люди с блестящим образованием один за другим скатывались в пропасть. Половая распущенность так завладела умами людей, что стала нормой жизни, а венерические заболевания стали распространяться буквально с космической скоростью.

Серьезность ситуации усугублялась позицией политиков, ученых и духовенства. Они знали о проблеме, но большинство из них предпочло не заострять на ней внимания. Они попросту отводили взгляд от ужасающей реальности — из-за того, что сами не придерживались сексуальной чистоты. Если человек сам не соблюдает целомудрие, он не может приучить к этому своих детей.

Деградация сексуальной нравственности среди взрослых разбила множество семей и повлекла за собой моральное разложение детей. Безнравственность и распущенность в личной жизни взрослых неизбежно разрушает детские жизни. Причина, по которой в современном обществе уровень счастья людей сильно отстает от уровня их материального благополучия, заключается в распаде института семьи. Чтобы спасти семью от развода, взрослые должны серьезно отнестись к своему образу жизни и встать на путь нравственности. Тогда они смогут воспитать детей в целомудрии.

Мать — это крепость, оберегающая семью. Как бы ни менялось общество, семья останется здоровой и крепкой лишь в том случае, если мать готова служить другим и жертвовать собой. Лишь в такой семье смогут вырасти замечательные дети. В воспитании детей самое важное — это пример, который они видят дома, в семье. Краб, который всю жизнь ходит бочком, не сможет научить своих отпрысков двигаться прямо. Вот почему родители должны показывать хороший пример. Истинные дети рождаются в истинных семьях. Это очень простая истина.

Самое трудное в семейной жизни — воспитать детей надлежащим образом. Мы с любовью дарим детям жизнь и с любовью растим и воспитываем их, но это вовсе не значит, что они станут именно такими, какими хотят их видеть родители. Хуже всего то, что современная материалистическая культура растлевает невинные души молодых людей. Молодежь, которая должна вырасти и стать ответственными и взрослыми людьми, способными на великие свершения, гибнет из-за наркотиков. Люди, находящиеся в состоянии наркотического дурмана, теряют связь со своей собственной душой. А если молодежь лишилась души, ей уготована одна дорога — в мир преступности и разврата.

В подростковый период дети уверены, что весь мир вращается вокруг них, и поэтому склонны отвергать то, чему учат родители. Если родитель не отнесется к этому с пониманием, существует вероятность, что ребенок ударится в крайности эгоизма.

Но, с другой стороны, подростка может глубоко затронуть нечто, созвучное его сердцу. К примеру, однажды осенью он вдруг увидит, как с дерева хурмы, на котором не осталось ни листочка, на землю шлепнется созревший плод. И ребенок, даже не понимая почему, просто улыбнется и почувствует радость, найдя в этом зрелище что-то близкое сердцу. Это знак того, что в его сердце живет частичка изначальной Божьей души.

Однако если подростки уже с юных лет начинают вести половую жизнь, их восприятие затуманивается и способность отделять добро от зла постепенно угасает. Когда юноша и девушка встречаются и вступают в беседу, они начинают краснеть, и даже их пульс может учащаться. Если к этому моменту их души еще не достигли соответствия Божьему эталону, их, скорее всего, потянет не в ту сторону — в сторону эгоцентризма, — и они утратят способность контролировать себя и свое тело.

В подростковый период мы каждой клеточкой тела и души широко распахнуты для любви, и желания нашей души, казалось бы, должны слиться с желаниями тела и действовать в единстве. Нос влюбленного человека начинает любить запахи, которые он прежде терпеть не мог, и рот влюбленного начинает любить те вкусы, которые раньше считал противными. В это время мы готовы всю ночь напролет слушать истории про любовь и постоянно касаться того человека, в которого влюблены. Именно в этот момент подростки начинают думать, что для счастья им вполне достаточно просто взять и вступить в любовные отношения.

Однако врата любви были задуманы Богом с тем, чтобы отвориться лишь в положенное время. Детям необходимо понять, что они должны подождать, когда это время наступит, и родители должны очень тактично и бережно донести до них эту мысль. Любовь — это процесс, в течение которого мы растем и становимся похожими на Бога. Что бы окружающий мир нам ни говорил, любовь — это не средство для получения удовольствия когда угодно и где угодно.

Подросткам зачастую хочется скопировать какие-нибудь действия из понравившегося фильма. Вы спросите: «А что в этом плохого?» Плохо то, что безответственные поступки ведут к гибели и разрушению. Когда ребенок повзрослеет и наберется ума и знаний, он научится контролировать ситуацию и с полным правом обогащать свой социальный опыт, но в юности ему нужно соблюдать осторожность.

Почему мы говорим, что детям нельзя давать в руки нож? Да потому, что ребенок тут же начнет размахивать им налево и направо. Ребенок уже понимает, что нож острый и может резать, но еще не умеет пользоваться им и будет действовать бесконтрольно. Он даже может нечаянно порезать пальцы своей маме. Дети не могут предвидеть последствий своих поступков, поэтому мы и не даем им в руки ножи.

Если родители не учат своих детей ценности целомудрия, а дети восстают против родителей, это приводит к распаду семей. Из-за этого гибнет и общество, и даже целые нации. Именно по этой причине человечество все глубже скатывается в пропасть.

Любить — значит отдавать и забывать об этом

Семья — это единственный институт, созданный Богом. Это школа любви, где люди учатся любить друг друга и жить вместе в мире и гармонии, а также тренировочный центр, где мы учимся возводить храм всеобщего мира. Именно в семье мы учимся тому, как впоследствии стать мужьями и женами, живущими друг ради друга и вечно следующими по пути любви. Семья — это основа мира на земле, и дети, живущие в такой семье, никогда не должны видеть ссор между родителями.

В нашей жизни бывает всякое. Даже самые любящие супруги порой начинают пререкаться друг с другом, злиться и повышать голос. Но если в комнату заходят дети, все это должно немедленно прекратиться. Каким бы раздраженным ни был муж, в присутствии детей он должен относиться к своей жене с уважением.

Дети должны расти с мыслью о том, что в их семье царят радость и счастье и что папа с мамой всегда любили и любят друг друга. Родители для детей — это второй Бог. Если вы спросите своих малышей: «Кого вы любите больше — Бога или маму с

папой?» — и они ответят: «Маму с папой», значит, они также любят и Бога. Самое бесценное образование ребенок получает в семье. Вам не нужно искать счастья и гармонии где-то в другом месте. Семья должна стать настоящим Царством Небесным. Сколько бы богатств ни нажил человек и как бы ни прославил свое имя, даже если он приберет к рукам весь мир, это не будет иметь никакого значения. Если у него проблемы в семье или вообще нет семьи, он не будет счастлив. Ведь Царство Небесное зарождается в семье. Если муж и жена, связанные узами истинной любви, создают идеальную семью, их семья обретает прямую связь со всем миром.

Когда я сидел в тюрьме Дэнбери, я подметил одну любопытную вещь. У нас был бульдозер, с помощью которого мы собирались выровнять склон холма, чтобы построить там теннисный корт. Если начинался дождь, мы ждали, когда он закончится, а потом, когда из-за туч выглядывало солнце, снова приступали к работе. Такая ситуация продолжалась несколько месяцев. Мы как раз попали в сезон дождей и вынуждены были прервать работу на целых двадцать дней. Когда дожди закончились и мы снова приступили к делу, оказалось, что на той площадке среди травы успели обосноваться дикие утки. Их гнездо появилось буквально в нескольких метрах от того места, куда выходили на прогулку заключенные.

Сначала мы даже не поняли, что там сидит утка. Защитный окрас перьев делал ее почти незаметной в траве. Однако после того, как она отложила яйца, мы смогли разглядеть ее в зарослях. Птица сидела на яйцах, которые напоминали округлую черную гальку. Когда птенцы появились на свет, мама-утка стала отлетать в поисках корма, а затем возвращаться к ним в гнездо и кормить утят прямо из клюва. Однако, возвращаясь домой с едой в клюве, птица никогда не летела прямо к гнезду. Она приземлялась на некотором расстоянии от гнезда и оставшиеся метры шла пешком. Каждый раз она подбиралась к гнезду с разных сторон. Такая смекалка помогала ей запутать след, чтобы никто не мог найти гнездо и утят.

Птенцы ели принесенную мамой пищу и подрастали. Порой, когда мимо гнезда проходил кто-нибудь из заключенных, мама-утка вылетала и пыталась отогнать его своим острым клювом. Она боялась, что человек навредит ее утятам.

Эта утка хорошо знала, что такое истинная родительская любовь. Истинная любовь готова без раздумий и расчетов пожертвовать собственной жизнью. И сердце мамы-утки, готовой при необходимости отдать свою жизнь, чтобы защитить потомство, было исполнено истинной любви. Родители проходят весь путь любви, каким бы трудным он ни был, и если нужно, они готовы похоронить себя ради любви. Это и есть истинная любовь.

Суть любви — не допускать и мысли о том, что кто-то должен жить ради тебя. Ее суть в том, чтобы жить ради других и отдавать ради всеобщего блага. Любовь отдает, а потом напрочь забывает о том, что она уже отдала, и продолжает отдавать вновь и вновь. Любовь отдает с радостью. Ее можно увидеть в любящем сердце матери, которая баюкает своего малыша на руках и кормит его грудью.

Родители готовы страдать ради детей до тех пор, пока их кости не сотрутся в порошок, но они никогда не сочтут свою миссию трудной. Вот как сильно они любят своих детей! Истинная любовь начинается и приходит к нам от Бога, поэтому когда родители говорят своим женатым и замужним детям: «То, что вы так нравитесь друг другу — это заслуга ваших родителей», те могут ответить: «Если бы вы не помогли нам найти друг друга, мы не знаем, что бы мы делали!»

Семья — это большущий сверток, наполненный любовью. Когда мы отправимся в Царство Небесное и распакуем этот сверток, из него выпрыгнут чудесные мама с папой, замечательные дети и добрые бабушка с дедушкой. Вот каков этот сверток любви! Именно в семье воплощается Божий идеал, и именно в ней мы можем увидеть завершение Божьих трудов. Бог очень хочет построить мир, где любовь станет живой реальностью, а семья — это как раз то место, в котором Божья любовь переливается через край.

Стоит нам услышать слово «семья», как мы тут же невольно улыбаемся. Ведь семья — это место, исполненное истинной любви, где каждый воистину живет ради всех членов семьи. Истинная любовь отдает, забывает о том, что уже отдала, и продолжает отдавать снова и снова. Любовь, побуждающая родителей жить ради детей, а бабушек и дедушек жить ради внуков, — это и есть истинная любовь. Любовь, которая движет человеком, отдающим жизнь ради страны, — это тоже самая настоящая истинная любовь.

Счастливая семья — краеугольный камень Царства Небесного

Многие люди на Западе живут очень и очень одиноко. Дети уезжают из дома, как только им исполняется восемнадцать, и родители видят их разве что в День благодарения и на Рождество. Многие дети вообще не навещают родителей, чтобы справиться, все ли у них в порядке. Вступив в брак, дети живут обособленно и независимо от семьи, пока родители не состарятся настолько, что не смогут больше себя обслуживать. И тогда их отправляют в дома престарелых.

Понятно, почему некоторые жители Запада завидуют восточной культуре. Многие западные пенсионеры думают: «Ну вот, на Востоке старики живут вместе с детьми и внуками, их почитают в семье, и это замечательно! Дети уважают своих пожилых родителей. Ведь именно так и должны жить люди! Что хорошего в том, чтобы лежать на койке в доме престарелых и не иметь возможности увидеть своих детей, порой не зная, который сейчас день и час? Это не жизнь, а одно название...»

Но, к сожалению, на Востоке институт семьи постепенно разрушается. Мы также забываем традиции, которые дошли до нас из глубины тысячелетий, когда отказываемся от нашей традиционной одежды, привычной еды и даже семейного уклада. Число одиноких стариков в Корее неуклонно растет. И каждый раз, когда я вижу в новостях истории о брошенных пожилых людях, я чувствую горечь. Семья — это когда все поколения живут в одном доме. Если же все члены семьи разъехались по городам и весям, бросив родителей на произвол судьбы, — это уже не семья. Семья, все члены которой живут в одном доме, — это прекрасная и удивительная традиция Кореи.

Я хотел бы порекомендовать, чтобы в вашей семье все поколения жили вместе. Это нужно не только для того, чтобы сохранить традицию нашей страны. Когда у мужа и жены рождается ребенок, они передают ему то, что сами умеют и имеют. Однако они могут дать детям далеко не все. Родители представляют собой настоящее, а дети — будущее. Дедушка же с бабушкой являются представителями прошлого. Вот почему лишь в том случае, если дедушка с бабушкой, родители и дети живут вместе, дети могут унаследовать все лучшее из прошлого и настоящего. Любить и уважать дедушку — значит унаследовать историю прошлых лет и учиться чему-то у прошлого. Дети перенимают у родителей бесценные навыки жизни в мире настоящего, а родители готовятся к будущему, даря любовь своим детям.

Дедушка с бабушкой занимают в семье позицию Бога. Каким бы умным и образованным ни был молодой человек, он не может знать всех тайн этого огромного мира. Молодежь не знает множества секретов жизни, которые открываются лишь с возрастом. Именно поэтому дедушка представляет собой историю всей семьи. Он — бесценный учитель, передающий внукам всю мудрость, накопленную за полную событиями жизнь.

Самый старый дедушка в мире — Бог. Вот почему, когда вы принимаете любовь дедушки, помогая ему и заботясь о нем, вы тем самым учитесь понимать Божью любовь и жить для Бога. Мы должны сберечь эту традицию, чтобы открыть потайную сокровищницу Божьего Царства и получить бесценный дар Божьей любви. Любая страна, где люди не уважают старших, утрачивает свой национальный дух и лишается своих корней.

С приходом осени каштаны начинают потихоньку высыхать и терять листву. Кожура каштанов лопается и раскрывается, и даже сама скорлупа, защищающая орех, становится хрупкой и сухой. Таков цикл жизни. С людьми происходит то же самое. Мы

появляемся на свет малышами, растем в любви родителей, встречаем прекрасного спутника жизни и вступаем в брак. Все это — звенья одной цепи жизни, скрепленные любовью. Когда приходит наша осень, мы становимся похожими на высохшие каштаны. Старики — это не какая-то отдельная категория людей. Мы все стареем. И мы не имеем права неуважительно относиться к пожилым людям, какими бы дряхлыми и беспомощными они ни были.

Есть такая пословица: «Если в вашем доме царят мир и согласие, у вас все получится». Когда в семье все хорошо, дела тоже идут хорошо. Именно поэтому счастливая и дружная семья — это краеугольный камень Царства Небесного. Семья жива, если ею движет сила любви, и если мы будем любить Вселенную как свою семью, мы сможем по желанию отправиться куда угодно, и никто нас не остановит. Бог обитает в самом центре любви, как Родитель всей Вселенной. По этому причине любовь в семье должна быть напрямую связана с Богом. Если семья станет единой в любви, вся Вселенная достигнет совершенства.

Слезы, пролитые за десять лет, растопили сердце свекра

Не так давно в корейских газетах была опубликована статья о японке, проживающей в корейском городе Мильян и получившей правительственную награду за помощь и служение своей семье. В статье говорилось, что эта женщина приехала в Корею и вышла замуж за корейца, с которым встретила во время помолвки в одной из религиозных групп, несмотря на протесты со стороны родителей мужа. Жена-японка с большой любовью и заботой ухаживала за свекровью-корейкой, которая не могла самостоятельно передвигаться, и за своим пожилым свекром. По словам автора статьи, люди, живущие по соседству, узнали об этом и порекомендовали эту женщину для представления к правительственной награде за проявленную почтительность.

У свекрови была парализована нижняя часть тела, и южнокорейская медкомиссия присвоила ей вторую группу инвалидности. С первого же дня после свадьбы невестка стала носить свекровь по больницам на спине, пытаясь найти средство вылечить ее. Из-за того, что она большую часть времени отдавала заботе о родителях мужа, у нее практически не было возможности навещать свою собственную родню в Японии. Услышав, что ее собираются наградить за такие поступки, она запротестовала, заявив, что просто делала то, что должна была делать.

Эту невестку-японку звали Казуко Яшима. Она приехала в Корею, получив международное и межкультурное благословение на брак в нашей Церкви. Это браки, в которых женихи и невесты исповедуют разные религии и принадлежат к разным национальностям и расам. В корейских деревнях есть много молодых мужчин, которые не могут найти себе жен. Благодаря таким международным и межкультурным бракам в Корею приезжают невесты с бескорыстным и чистым сердцем. Они заботятся о пожилых родителях мужа, вдохновляют своих мужей, чтобы те не теряли надежду и присутствие духа, а также рожают и воспитывают детей. Они приезжают жить в сельские районы, где обычные корейцы не хотят жить из-за многочисленных трудностей. То, что они делают — поистине бесценно! Эти программы продолжаются у нас уже более тридцати лет.

Благодаря международным и межкультурным благословениям на брак тысячи женщин из других стран приезжают и поселяются в Корею. В корейских деревнях, откуда разъехалась по городам вся молодежь и где давно уже не слышали плача младенцев, старики просто светятся от радости, когда у молодых пар рождаются малыши, и они заботятся об этих малышах, как о собственных внуках. В одной из начальных школ провинции Чунчхон более половины из восьмидесяти учеников — это дети, рожденные в межкультурных и международных браках, заключенных в нашей Церкви. Директор этой школы признается, что если учащихся станет меньше, школу придется закрыть, поэтому он каждый день молится о том, чтобы члены нашей Церкви никуда не уезжали из деревни. В современной Корею в начальных школах по всей стране учится около двадцати тысяч детей из международных и межкультурных семей.

Каждый год ближе к годовщине освобождения Кореи от японского колониального режима телеканалы один за другим снимают репортажи о каком-нибудь высокопоставленном жителе Японии, который, глядя в камеру, просит прощения за действия японцев по отношению к гражданам Кореи во времена оккупации. Эти люди, не совершавшие никаких преступлений, просят прощения за действия своих предков. Большинство этих людей — члены нашей Церкви, которым удалось разрушить барьеры между двумя странами с помощью межнациональных и межкультурных браков. Благодаря таким поступкам барьеры в сердцах корейцев, считающих граждан Японии своими врагами, постепенно рассыпаются в прах.

В 1988 году один блестяще образованный молодой человек присоединился к нашей Церкви и, желая создать семью, попросил подобрать ему пару. И ему подобрали девушку из Японии. Однако отец этого юноши отреагировал на помолвку крайне отрицательно.

«В мире столько девушек, а ты решил жениться на японке?», — негодовал он.

Во времена японской оккупации отец этого юноши вместе с другими корейцами был приговорен к принудительному труду и отправлен на угольные шахты префектуры Иватэ на северо-востоке Японии. Рискуя жизнью, он сбежал из шахты и больше месяца шел пешком до Симоносеки, где смог сесть на теплоход и вернуться в Корею. С тех пор он всем сердцем ненавидел Японию. И когда до него дошли известия о помолвке сына с японской девушкой, он пригрозил, что отречется от него.

«Ты предал свою семью, — гневался он. — Я вычеркну твое имя из нашей родословной! Ни одна женщина из вражеской страны не переступит порог этого дома! Так что выметайся прочь вместе с ней! Она недостойна тебя, и мне плевать, куда вы уберетесь и где сгниют ваши кости!»

Отец был тверд и непреклонен. Однако молодой человек не сдавался и сделал то, что считал правильным. Он женился на этой девушке-японке и привел молодую жену к себе домой, в корейский город Наган. Отец не пожелал даже открыть им ворота. Позднее, к его неудовольствию, ему все же пришлось признать их брак, но он по-прежнему продолжал придирается к невестке. Стоило ей столкнуться с какой-либо трудностью, как он тут же заявлял: «Это все ерунда по сравнению с тем, что твой народ причинил мне! Тебе следовало ожидать этого, раз ты решила войти в нашу семью!»

Каждый раз, когда в праздники собиралась вся родня, свекор усаживал невестку рядом с собой и без умолку рассказывал о том, сколько мучений ему пришлось вытерпеть на угольных шахтах Иватэ. И каждый раз невестка отвечала: «Отец, от лица Японии я прошу у вас прощения. Простите меня!» Она плакала и молила его о прощении. Сколько бы он ни обрушивал на нее свою ярость, она терпеливо выслушивала одни и те же истории снова и снова, пока его гнев не иссякал и он не успокаивался, и вновь извинялась и просила прощения.

Это продолжалось почти десять лет, а потом вдруг прекратилось. Родственники заметили, что его суровость по отношению к невестке стала потихоньку исчезать, и он чуть ли не полюбил ее. И тогда они спросили:

— Что заставило тебя стать добрее к этой женщине? Она ведь японка! Разве ты не питаешь к ней ненависти?

— Я больше не ненавижу ее, — ответил он. — Вся ненависть, копившаяся в моем сердце, куда-то взяла и пропала.

И потом он добавил:

— Вообще-то я никогда и не питал ненависти лично к ней. Я просто изливал на нее свою злобу и ненависть за то, что мне пришлось пережить на том руднике. Однако благодаря ей вся ненависть куда-то исчезла. Теперь я буду относиться к ней по-доброму, ведь она — моя невестка!

Таким образом эта женщина искупила грехи японцев. Это — пример пути искупления, который приведет человечество к настоящему миру на земле.

Истинное значение брака

Международные и межкультурные браки — это самый быстрый способ построить на земле идеальный и гармоничный мир. Проблемы, которые казались нам неразрешимыми, могут чудесным образом разрешиться с помощью таких браков за два-три поколения. Люди должны преодолевать национальные и культурные ограничения и создавать семьи с представителями враждующих государств, чтобы на земле как можно скорее утвердился мир. Предположим, кто-то ненавидит представителей той или иной страны или культуры — да так, что глаза бы на них не глядели! Однако если житель враждебной страны становится его спутником жизни, этого человека уже почти можно назвать гражданином нового государства. Вся его ненависть сойдет на нет. Если такая традиция продолжится в течение двух или трех поколений, корни былой ненависти исчезнут без следа.

Белые и черные будут создавать семьи друг с другом, а жители Японии вступать в брак с жителями Кореи и Африки. В таких межкультурных и межнациональных бракосочетаниях участвуют миллионы людей, и в результате создается совершенно новое родословие. Рождаются люди, не принадлежащие ни к одной из рас: они сочетают в себе и белую, и черную, и желтую расу. Я имею в виду не только межнациональные браки. То же самое касается и браков между представителями различных религий и деноминаций. По правде говоря, браки между людьми, исповедующими разные религии, — это куда более трудное дело, чем межнациональные браки. Даже если две религиозные группы веками враждовали, между ними может установиться мир благодаря тому, что их представители сочетаются браком. В такой семье ни один из супругов не может просто взять и отгородиться от другого лишь потому, что другой воспитан в иной традиции.

Важнее всего — учить молодежь святости и ценности брака. В современной Корее процент рождаемости — один из самых низких в мире. Однако вовсе не иметь детей очень опасно. У страны, не имеющей молодого поколения, нет и будущего. Я учу молодых людей, что нужно в юности сохранять сексуальную чистоту, а потом получать Благословение на брак и давать жизнь детям — хотя бы троим. Дети — это благословение, дарованное нам Богом. Когда мы рожаем и воспитываем детей, мы тем самым рожаем и воспитываем граждан Царства Небесного. Поэтому вести распутную жизнь и делать аборты, прерывая жизнь детей, зачатых таким безнравственным путем, — великий грех.

Мы вступаем в брак не ради себя, а ради блага своего партнера. Выбирая спутника жизни, нельзя ориентироваться лишь на привлекательную внешность или финансовое благосостояние. Люди должны жить друг ради друга. Этот же принцип применим и к браку. Каким бы необразованным или неказистым ни был ваш будущий супруг, вступая с ним в брак, вы должны чувствовать, что будете любить его не меньше, чем если бы он был блестяще образованным и ослепительно красивым человеком. Божья любовь — это самое бесценное из всех благословений. Вступая в брак, мы получаем это благословение любви и воплощаем его в жизни. Нам следует осознать святую ценность брака, наполнить свою семейную жизнь истинной любовью и создать истинные семьи.

С этой точки зрения построение мира на земле — не такая уж и сложная задача. Мир начинается с крепких и дружных семей, которые составят основу здорового и гармоничного общества и тем самым положат конец конфликтам на уровне государств. Тогда и наступит мир во всем мире.

Это говорит о важности полных семей и об огромной ответственности, которая на них возложена. Вот почему, сколько бы люди ни говорили: «Достаточно того, чтобы я и моя семья жили хорошо», для меня это совершенно неприемлемо.

Брак касается не только жениха и невесты. Он создает тесные узы между двумя семьями и способствует объединению и примирению родов и стран. Каждая из сторон принимает культуру друг друга и преодолевает обиды и ненависть, копившиеся на протяжении всей истории. Когда представители Японии и Кореи сочетаются браком, они вносят вклад в примирение этих двух стран, а когда в брак вступают

представители белой и черной рас, это способствует примирению обеих рас. Дети в таких семьях становятся живым воплощением гармонии, ведь они наследуют родословия двух рас. Они представляют собой новое начало для человечества вне расовых барьеров. Когда эта тенденция будет передаваться из поколения в поколение, разобщенность и враждебность между различными национальностями, расами и религиями растает без следа, и человечество станет одной семьей, живущей в мирном и гармоничном мире.

В последнее время все больше и больше корейских граждан вступает в брак с иностранцами, и у нас появляется все больше семей, супруги в которых представляют разные нации и религии. Корейцы даже придумали такой термин — «мультикультурные семьи». Мужчине и женщине, выросшим в разных культурах, очень непросто создать семью и жить во взаимной любви — особенно в Корее, стране с традиционно однородной культурой. Супругам в таких семьях приходится прилагать максимум усилий, чтобы проявлять понимание и заботу друг о друге. И все же членам нашей Церкви, принимающим участие в международных и межкультурных Благословениях на брак, удастся успешно справляться с этой задачей, ведь центром их совместной жизни является Бог.

Множество социальных организаций Кореи стараются поощрять создание мультикультурных семей, предлагая программы по изучению корейского языка и корейской культуры. Однако эти усилия будут напрасны, если не изменится само отношение к браку. Мысли наподобие «Зачем я вышла замуж за этого человека? Если бы не он, моя жизнь была бы гораздо лучше!» превращают супружество в ад. Так что прийти к правильному пониманию сути брака гораздо важнее, чем выучить корейский язык или познакомиться с культурой Кореи.

Брак — это не просто решение юноши и девушки, достигших брачного возраста, сойтись и жить одной семьей. Брак строится на основе самопожертвования. Мужчина должен жить ради женщины, а женщина — ради мужчины. Если вы будете всегда жить ради блага второй половины, ваш эгоизм постепенно сойдет на нет. Сердце, которое постоянно стремится жертвовать собой ради других, — это по-настоящему любящее сердце. Любовь — это не свидание мужчины и женщины с целью хорошо провести время. Это полное посвящение своей жизни. И поэтому, вступая в брак, вы должны исполниться решимости жить ради своей второй половины.

Истинная любовь живет в истинных семьях

Как бы сильно мужчина и женщина ни любили друг друга, для полной и счастливой семьи нужны родители, которые служат своего рода щитом для домашнего очага, а у этих родителей должен быть как минимум один ребенок, которого они будут любить. Когда у семьи есть такая защита, это становится основой для счастья. Но если такая защита рушится, даже самый успешный в обществе человек будет страдать в своей семье.

Основа любви — это сердце, готовое жертвовать всем ради других. Мы называем родительскую любовь истинной, потому что родители готовы отдать все ради детей, а потом, когда у них ничего не останется, хотят отдать еще больше. Родители, любящие своих детей, даже не вспоминают о том, сколько уже отдали им. Ни один родитель не подсчитывает все обувки и одежды, купленные ребенку, и не выставляет ему позднее счет со словами: «Вот сколько я потратил на тебя!» Напротив, родитель отдает все, что у него есть, да еще и приговаривает: «Как бы я хотел отдать тебе еще больше! Мне так жаль, что у меня ничего не осталось...»

В детстве я ходил по пятам за отцом, когда он ухаживал за пасекой, и наблюдал за поведением пчел. Как только пчела, летая по саду, унюхает ароматный цветок, она тут же усаживается на него всеми шестью лапками, погружает хоботок в самую глубину и начинает сосать нектар — да так, что из цветка остается торчать лишь ее зад. Даже если вы ухватите за него пчелу, она ни за что не отпустит цветок и будет с риском для жизни цепляться за него.

Любовь родителей к своей семье похожа на пчелу, прикинувшую к цветку. Даже с риском для жизни родитель не разорвет узы любви, связывающие его с ребенком. Родители самоотверженно отдадут жизнь за ребенка, а потом тут же забудут об этом. Это и есть истинная родительская любовь. Каким бы долгим и опасным ни был путь, родитель с радостью пройдет его до конца. Вот почему родительская любовь — это высочайшая любовь в мире.

Человек может жить в прекрасном доме и есть причудливые заморские яства, но если у него нет родителей, в его сердце будет зиять огромная дыра. Тот, кто вырос без родительской любви, ощущает неизбывное одиночество и пустоту в своем сердце, которое не заполнить ничем другим. Ведь именно в семье мы получаем истинную любовь и учимся любить истинно. Если ребенок в детстве не получил истинной любви, он всю жизнь будет испытывать сильную нехватку любви и страдать от эмоциональной боли. Более того, у него не будет возможности узнать о высоком нравственном долге, который ему нужно выполнить перед семьей и обществом. Истинная любовь — это ценность, которой невозможно научиться нигде, кроме семьи.

В истинной семье муж и жена любят друг друга и живут друг ради друга, относясь к своей второй половине как к матери, отцу или брату с сестрой. В семье муж любит свою жену так же, как Бога, а жена уважает мужа, как Бога. Мы не можем бросить своих братьев и сестер, как бы трудно нам ни было. И своих матерей мы тоже не бросим. Поэтому такого слова, как «развод», вообще не должно существовать. Муж для жены может быть и отцом, и старшим братом. Жена никогда не бросит отца или старшего брата; точно так же она не может бросить и мужа. Муж тоже не может бросить свою жену. В истинной семье каждый из супругов живет с пониманием абсолютной ценности своего партнера.

Не имеет значения, принадлежат ли муж с женой к разным расам или культурам. Если они создали семью, обретя любовь Бога, значит, у детей, рожденных в такой семье, не будет никаких культурных разногласий. Они будут любить и ценить культуру и традиции и материнской, и отцовской родины так же, как они любят и ценят мать и отца. Разрешение конфликтов в мультикультурных семьях — это не вопрос образования или расширения кругозора. Это зависит от того, смогут ли родители воспитать детей в истинной любви. Дети впитывают родительскую любовь каждой клеточкой своего тела и на этом основании учатся воспринимать страну матери и страну отца как одно целое и становятся прекрасными гражданами мира.

Семья — это школа любви к человечеству. Дети, выросшие в родительской любви и заботе, выйдут в мир и будут заботиться о тех, кому трудно, так, как они научились в семье. И люди, которые росли в сердечных отношениях с братьями и сестрами, выходя в общество, будут любить окружающих и заботиться о них. Если человек вырос в атмосфере любви, он станет относиться к людям, встречающимся на пути, как к членам своей семьи. Вот почему первый шаг к истинной семье — это способность любить, относиться к чужим людям как к членам семьи и быть готовым разделить с ними все на свете.

Семья важна еще по одной причине: расширяясь, она охватывает целый мир. Истинная семья — это основа для создания истинного общества, истинной нации и истинного мира. Это первый шаг на пути к построению гармоничного мира, или Царства Небесного. Родители будут трудиться ради детей не покладая рук, пока их кости не истлеют, однако они работают не только для того, чтобы прокормить детей. Человек, чье сердце переполнено любовью, будет с готовностью трудиться ради других и ради Бога.

В семье мы получаем столько любви, что она буквально переливается через край. Семья оберегает всех ее членов, заключая их в свои объятия, но она вовсе не мешает любви выплескиваться наружу, в окружающий мир. На самом деле любовь, царящая в семье, должна охватывать и общество, и окружающих людей. Сколько бы любви ни выплеснулось наружу, в семье она никогда не иссякнет, потому что ее источник — Бог. Любовь, которую мы получаем от Бога, такова, что, сколько бы мы ни черпали

ее, мы никогда не увидим дна. Наоборот, чем больше мы черпаем любви, тем сильнее она бьет ключом, словно чистый родник. И каждый, кто был воспитан в такой любви, сможет прожить истинную жизнь.

Оставляйте после себя наследие любви

Истинная жизнь — это когда мы откладываем в сторону свои личные желания и живем ради всеобщего блага. Этой истине всегда учили все великие религиозные лидеры прошлого и настоящего как на Востоке, так и на Западе, будь то Иисус, Будда или пророк Мухаммед. Эта истина стала столь известной, что люди, к сожалению, перестали ее ценить. Однако ни время, ни перемены в мире не умаляют ценность этих слов. Дело в том, что самая суть человеческой жизни никогда не меняется, несмотря на стремительные перемены в нашем мире.

Самый близкий учитель для нас — это наше сердце. Оно важнее самых лучших друзей и даже родителей. Поэтому нам следует время от времени задавать сердцу такой вопрос: «Достойно ли я живу сейчас? Правильно ли поступаю?» Любой может услышать голос своего сердца. И если человек понимает, что сердце — это его господин и учитель, он начинает совершенствовать его и «полировать», стараясь поддерживать с ним тесные взаимоотношения на протяжении всей жизни. Однако если вы услышите, как ваше сердце горько и безутешно плачет, немедленно прекратите то, чем вы в данный момент занимаетесь. Все, что заставляет страдать ваше сердце, в конце концов погубит его. И все, что печалит его, рано или поздно повлечет за собой печальные последствия для вас самих.

Чтобы «отполировать» свое сердце и помочь ему стать кристально чистым, очень важно беседовать с ним один на один, в тиши и уединении. Это будут моменты острого одиночества, однако именно такие моменты близости с нашим сердцем — лучшее время для молитвы и медитации, а также для того, чтобы по-настоящему овладеть собой. Когда мы удаляемся от шума и суеты и успокаиваемся, мы можем разглядеть самые потаенные глубины нашего сердца. От нас потребуется много времени и усилий, чтобы пройти весь путь до самых глубин; это не произойдет в одночасье.

Аналогично тому, как любовь существует не для нас самих, счастье и мир также существуют не ради нас. Любовь не может существовать без партнера; точно так же ни счастье, ни мир невозможны без партнера. Все это может существовать лишь в контексте взаимоотношений. Ничего этого у нас не будет, если мы будем жить одни. В одиночку мы не можем быть счастливы или хотя бы мечтать о мире. Так как именно благодаря партнеру мы можем испытать счастье и жить в мире, значит, наш партнер важнее нас самих.

Представьте себе мать с младенцем за спиной, которая сидит у входа в сеульское метро и продает самодельные лакомства прохожим. Чтобы вовремя занять место в утренние часы пик, она всю ночь напролет готовит эту еду, а потом сажает своего капризничавшего ребенка на спину и спешит к метро. Кто-нибудь из прохожих может заметить: «Если бы не этот ребенок, ты могла бы вполне безбедно жить-поживать!» Однако все дело в том, что мать старается именно ради ребенка.

В наше время люди вполне могут рассчитывать на то, что доживут до восьмидесяти лет. Восемьдесят лет радости, злости, печали, счастья и всех остальных чувств, смешанных воедино, могут показаться довольно долгим сроком. Но если мы вычтем из них время, потраченное на личные нужды — такие как сон, работа и еда, — а также время, которое мы тратим на разговоры, смех и веселое времяпрепровождение с родными и друзьями, на посещение свадеб и похорон и на то, чтобы отлежаться в постели во время болезни, у нас останется всего лишь около семи лет. Человек может прожить восемьдесят лет, но только семь из них потратит на жизнь ради блага других.

Жизнь похожа на резиновый жгут. Одни и те же семь лет, данные двум разным людям, могут быть прожиты и как семь лет, и как все семьдесят. Само по себе время — ничто. Мы должны заполнить его событиями. То же касается и нашей с вами жизни. Каждый хочет жить так, чтобы у него были удобная кровать для сна и хорошее питание. Однако еда и сон — это не более чем способы убить время. В тот момент,

когда человек завершает свою жизнь и его тело находит последний приют в земле, все нажитое им благосостояние и вся его слава лопаются, как мыльный пузырь. И лишь те семь лет, которые он прожил ради всеобщего блага, останутся в памяти потомков. Эти семь лет — тот след, который оставит после себя человек, доживший до восьмидесяти.

Мы приходим в этот мир и уходим из него не по собственной воле. Не в наших силах выбирать себе судьбу по вкусу. Мы рождаемся, хотя вовсе не планировали родиться, и живем не потому, что так захотели. Умираем мы тоже не по своей воле. Мы не властны над этими аспектами своей жизни — так чем же нам гордиться? Чем мы лучше других? Мы не можем появиться на свет по собственному желанию, завладеть вещами, которые будут принадлежать нам вечно, и избежать смерти. Так что любое хвастовство из наших уст будет выглядеть жалко и смешно.

Даже если одни из нас достигнут более высокого положения, чем другие, любые честь и слава — это явление временное. И если мы станем богаче других, нам придется сложить все свои капиталы перед воротами смерти. Деньги, слава и знания однажды покинут нас и растворятся в потоке лет. Каким бы выдающимся и великим ни был человек, его жизнь достойна лишь жалости, ведь она закончится в тот момент, когда нить его жизни прервется.

Люди всегда мучительно стремились понять, кто они такие и зачем живут на свете. Однако нам следует знать, что если мы рождаемся не по своему усмотрению, значит, мы не можем и жить, как нам заблагорассудится. Стало быть, ответ на вопрос, как нам следует жить, очень прост. Мы родились благодаря любви, и это значит, что мы должны пройти путь любви. Мы появились на свет, получив безграничную любовь своих родителей, и поэтому нам следует жить, отдавая свой долг любви. Это единственная ценность в жизни, которую мы можем выбрать сами. Успех или неудача в нашей жизни зависят от того, сколько любви мы сможем вместить в те восемьдесят лет, которые нам отпущены.

В какой-то момент всем нам придется отбросить наше тело, словно старую и поношенную одежду, и умереть. Корейцы, говоря о смерти, чаще всего используют слово «торагада» («возвратиться»). Возвратиться — значит отправиться туда, откуда мы пришли, то есть вернуться к нашим корням. Все во Вселенной развивается в соответствии с определенными циклами. Белый снег, оседающий высоко в горах, тает и стекает по склонам, сливаясь в потоки, а затем и целые реки, бегущие к океану. Потом морская вода впитает жар солнечных лучей и, превратившись в пар, поднимется в небо и будет готова в любой момент упасть на землю снежинками или каплями дождя. Возвращение к своим истокам мы называем смертью. Так куда же возвращается человек после смерти? Тело и дух сливаются воедино на время земной жизни, а смерть — это всего лишь избавление от тела. Иными словами, мы отправляемся туда, откуда родом наши души.

Мы не можем говорить о жизни, не упоминая смерть. Мы должны разобраться в том, что такое смерть, даже если сделаем это лишь для того, чтобы понять цель жизни. Какой должна быть жизнь, чтобы ее можно было назвать истинной, сможет понять лишь тот, кто, оказавшись в тяжелой ситуации перед лицом гибели, отчаянно взывает к Небесам и умоляет дать ему еще хотя бы день. Если каждый наш день настолько драгоценен, как мы должны прожить его? Что мы должны сделать до того, как переступим порог смерти?

Самое важное — не совершать грехов и прожить жизнь так, чтобы не отбрасывать тени. В религиозных и философских спорах о том, что такое грех, было сломано немало копий, однако ясно одно: мы не должны совершать ничего такого, что омрачало бы нашу совесть. Когда мы делаем что-то, что позднее вызывает у нас чувство вины, это затемняет и погружает во мрак наше сердце.

Еще одна важная вещь — обрести решимость делать значительно больше, чем другие. Время нашей жизни ограничено, будь то шестьдесят, семьдесят лет или больше. От того, как мы проживем отпущенное время, будет зависеть то, насколько

полнее и насыщеннее будет наша жизнь по сравнению с жизнью других людей. Если вы поделите вашу жизнь на временные отрезки и каждый отрезок наполните смыслом и свершениями, ваша жизнь станет поистине бесценной. Живите с полным посвящением и усердием, говоря себе, к примеру, что посадите два или три дерева за то время, пока другие сажают одно.

Не живите для себя. Вы должны жить не ради себя, а ради других, не ради своей семьи, а ради соседей и окружающих, и не ради своей страны, а ради целого мира. Все грехи этого мира начинаются с того, что на первое место ставятся личные цели. Преследование личных желаний и амбиций причиняет вред окружающим и в целом становится губительным для общества.

Все, что есть в мире, когда-нибудь кончается. Родители, мужья, жены и дети, которых мы любим, когда-нибудь покинут нас. Все, что у нас останется на закате жизни — это смерть. Когда человек умирает, после него остается лишь его наследие.

Подумайте о том, как вы докажете, что прожитая вами жизнь имела ценность. Все богатства и почести, заработанные в течение жизни, уйдут от вас. Стоит вам переплыть реку смерти, и все эти вещи потеряют для вас всякий смысл. Поскольку мы родились в любви и прожили жизнь в любви, любовь — это единственное, что останется с нами, когда наше тело зароят в могилу. Мы получили жизнь благодаря любви, прожили ее в отношениях любви и теперь возвращаемся в лоно любви. Вот почему нам важно прожить жизнь так, чтобы оставить после себя наследие любви.

ГЛАВА 6

ПРОДОЛЖАЙТЕ ЛЮБИТЬ — И ЕДИНСТВО ПРИДЕТ

Сила религии — в ее способности привести людей к добру

2 августа 1990 года президент Ирака Саддам Хусейн совершил вооруженное нападение на Кувейт, спровоцировав тем самым военную ситуацию в Персидском заливе. Этот район всегда был очагом напряженности, и я видел, что мир вот-вот будет втянут в водоворот войны. Я понял, что для предотвращения конфликта необходима встреча христианских и мусульманских лидеров, и немедленно начал действовать, чтобы не допустить войны, в которой погибло бы множество невинных людей.

2 октября я в срочном порядке созвал в Каире внеплановую конференцию Совета мировых религий, чтобы донести мое не терпящее отлагательств послание мира до крупнейших духовных лидеров Ближнего Востока и всех мусульманских стран. Многие удивлялись, почему я — человек, не имеющий никакого отношения к Ближнему Востоку, — вдруг решил организовать такую встречу, однако причина была очень проста. Я уверен, что любая религия должна стремиться к достижению всеобщего мира, однако конфликт между христианством и исламом грозился стать еще ужаснее, чем раскол между демократией и коммунизмом. Нет ничего более кошмарного и жестокого, чем война на межрелигиозной почве.

И я написал письмо президенту Джорджу Бушу-старшему, который к тому времени уже начал предпринимать попытки пресечь конфликт, умоляя его не вмешиваться в войну между арабскими государствами, а вместо этого попробовать добиться отступления Саддама Хусейна дипломатическими методами. Президент Буш полагал, что он просто идет войной на Ирак, но мусульмане смотрели на это по-другому. Для них религия находится гораздо выше любых политических и государственных дел, и я очень боялся, что если США нападут на Ирак, арабские государства единым фронтом выступят против Соединенных Штатов и всего христианского мира.

В нашей спешно организованной конференции в Каире приняли участие крупнейшие лидеры ислама и верховные муфтии из девяти стран, включая верховных муфтиев Сирии и Йемена. Ключевым моментом встречи стал мой отчаянный призыв к арабо-мусульманскому миру не поддерживать заявление Саддама Хусейна о том, что эта война «священна», и не присоединяться к его действиям. Кто бы ни победил в этой войне — хоть США, хоть Ирак, — что хорошего это принесло бы людям? В чем смысл войны, если при этом с неба дождем будут сыпаться бомбы, уничтожая дома и школы и губя бесценные жизни невинных людей?

Конференция в Каире стала одной из целого ряда миротворческих акций нашей Церкви. Каждый раз при назревании кризиса на Ближнем Востоке члены Церкви бесстрашно трудились не покладая рук, рискуя жизнью перед лицом опасности. В течение многих лет в самый разгар насилия и террора в Израиле и Палестине наши прихожане немедленно реагировали и выезжали в «горячие точки», сотрудничая с крупнейшими организациями в деле достижения мира.

Мне всегда нелегко отправлять членов Церкви туда, где их жизнь подвергается опасности, но если вы трудитесь на миротворческом поприще, вам этого не избежать. В этот момент я могу возделывать землю под палящим солнцем Бразилии или выступать где-нибудь в Африке, но мое сердце всегда с теми, кто по собственной воле отправляется работать в пороховую бочку под названием Ближний Восток. Я молюсь о том, чтобы на земле как можно скорее воцарился мир, и мне больше не пришлось бы отправлять членов Церкви в «горячие точки смерти».

11 сентября 2001 года все мы пережили беспредельный ужас, когда башни-близнецы Всемирного торгового центра в Нью-Йорке были разрушены террористами.

Некоторые назвали это неизбежным столкновением исламской и христианской цивилизаций, однако я смотрю на это по-другому. Христианство и ислам в чистом виде — вовсе не воинственные религии. В них не заложено стремление к конфликтам, и они обе стремятся к миру. На мой взгляд, навешивать на весь ислам ярлык радикалов — это удел слепых фанатиков, равно как и считать, что ислам и христианство коренным образом отличаются друг от друга. Суть этих двух религий одна и та же.

Сразу же после падения башен-близнецов я собрал на «нулевой отметке» религиозных деятелей из Нью-Йорка и со всей Америки для того, чтобы помолиться о душах погибших и о тех, кто первым откликнулся на беду, а также провести общее богослужение. Затем в октябре я провел в Нью-Йорке крупнейшую межрелигиозную конференцию за мир, ставшую первым международным событием в городе с момента трагедии.

Столь существенный вклад в дело мира во время войны не мог появиться на пустом месте. Десятки лет я делал все ради достижения межрелигиозной гармонии. Именно благодаря такому вкладу мы смогли заслужить доверие крупнейших религиозных деятелей, съехавшихся в Израиль во времена интифады или в Нью-Йорк вслед за событиями 11 сентября.

В 1984 году я собрал сорок теологов и религиоведов и дал им задание сравнить учения, заключенные в Священных Писаниях христианства, ислама, буддизма и других крупных мировых религий. Благодаря их усилиям в 1991 году была издана книга «Всемирное Писание: сравнительная антология священных текстов». Ученые обнаружили, что все священные тексты, представляющие собой учения разных религий, совпадают более чем на 70% и лишь на 30% отражают уникальные черты каждой из них. Это значит, что большинство учений крупнейших мировых религий по сути своей одинаковы. То же касается и религиозных практик. С чисто внешней стороны кто-то из верующих носит тюрбаны, кто-то — четки, а кто-то — крестики, но все они стремятся найти основополагающие вселенские истины и понять волю Творца.

Люди зачастую становятся друзьями, даже если их объединяет всего лишь общее увлечение. Два попутчика, обнаружив, что они земляки, тут же начинают живо общаться, словно знали друг друга десятки лет. Вот почему я считаю настоящей трагедией то, что религии, схожие более чем на 70%, до сих пор не могут прийти к взаимопониманию и с радостью построить друг с другом отношения. А ведь они могли бы найти очень много общих тем и взяться за руки! Так нет же — они, наоборот, настаивают на своих отличиях и критикуют друг друга.

Все религии на свете говорят о мире и любви. И при этом они враждуют между собой ради этого самого мира и любви! Израиль и Палестина только и говорят о мире и справедливости, однако обе страны погрязли в насилии до такой степени, что их дети гибнут, истекая кровью.

Иудаизм, религия Израиля, — это религия мира; то же самое касается и ислама. Внимательно изучив Всемирное Писание, мы поймем, что проблема не в самих религиях и верованиях, а в том, как их преподносят людям. Если доносить до людей учения в искаженном виде, это порождает предубеждения, которые приводят к конфликтам. После атаки 11 сентября всех мусульман заклеили как террористов, однако подавляющее большинство простых верующих мусульманских семей — очень миролюбивые люди, такие же, как мы с вами.

Покойный Ясир Арафат долгое время стоял во главе Палестины. Как и все политические лидеры, он мечтал о мире, но при этом был причастен и к раздорам в своей стране. Будучи главой Организации освобождения Палестины, Арафат выразил решимость превратить сектор Газа и Западный берег реки Иордан в независимое палестинское государство. Говорили, что после своего избрания на пост президента Палестинской автономии в 1996 году он отошел от своих прежних связей и стал предпринимать попытки остановить деятельность экстремистских организаций.

Ради достижения мира на Ближнем Востоке я двенадцать раз пытался наладить контакт с Ясиром Арафатом. Разумеется, мое послание к нему было прямым и недвусмысленным: стезя, которую избирает Бог, всегда ведет к миру и гармонии.

Путь к офису Арафата был в буквальном смысле тернист. Любой, кто хотел попасть туда, должен был сначала миновать вооруженную до зубов охрану и по меньшей мере трижды подвергнуться личному обыску. Но когда к нему прибыли члены нашей Церкви, их тепло приветствовал сам Арафат, выйдя к ним в своей куфии.

Такие отношения невозможно построить за день или два. Они сложились за годы, в течение которых мы вкладывали все силы в дело мира на Ближнем Востоке. Наши отчаянные усилия и постоянная готовность рисковать жизнью в очагах напряженности и террора стали основанием для того, чтобы нас смогли принять религиозные и политические деятели такого уровня. Это потребовало от нас серьезного вложения сил и ресурсов. И в конце концов нам удалось заслужить доверие и Арафата, и ведущих лидеров Израиля, которые позволили нам сыграть роль связующего звена во время обострения конфликтов на Ближнем Востоке.

Впервые я посетил Иерусалим в 1965 году. Это было до Шестидневной войны, когда город еще был оккупирован войсками Иордании. Я поднялся на Елеонскую гору, где Иисус молился и проливал кровавые слезы перед тем, как предстать перед судом Понтия Пилата. Я потрогал ствол 2000-летней оливы, которая могла быть свидетельницей молитвы Иисуса в ту ночь, и вбил в это дерево три гвоздя: один за иудаизм, второй за христианство и третий за ислам. Я молился о том, чтобы эти три родственные веры однажды объединились. Мир на земле не будет построен, пока иудаизм, христианство и ислам не объединятся. Эти три гвоздя все еще находятся там.

В современном мире иудаизм, христианство и ислам крайне разобщены и враждебно настроены друг к другу, однако все они имеют общие корни. Камнем преткновения для них является личность Иисуса. Для разрешения этой спорной ситуации 19 мая 2003 года я внес предложение о том, чтобы христианство пересмотрело отношение к распятию и перестало делать упор на него во взаимоотношениях между авраамическими религиями. И тогда мы провели церемонию снятия креста. Мы привезли распятие из Америки, преимущественно христианской страны, и зарыли его на Земле Крови в Израиле. Эта земля была куплена за тридцать сребреников, которые Иуда Искариот получил за предательство Иисуса, тем самым приговорив его к распятию.

В тот же год, 23 декабря, около 3000 Послов мира, представляющих все религии и страны, присоединились к 17 000 израильтян и палестинцев в Парке Независимости в Иерусалиме, чтобы символически снять терновый венец с головы Иисуса и заменить его Коронай мира. Затем они прошли с Маршем мира через весь город. Местная администрация дала нам разрешение на эту акцию и взяла нас под свою защиту, а палестинские и израильские семьи поддержали Марш мира тем, что вывесили светильники перед дверями своих домов.

Во время этого Марша, прямая трансляция которого велась через Интернет на весь мир, я провозгласил о том, что Иисус восстановлен в положении Царя мира. После многовековых разногласий и раздоров у христианства, иудаизма и ислама наконец-то появилась возможность помириться друг с другом.

В Иерусалиме есть мечеть Аль-Акса, третья по значимости мечеть мусульманского мира после мечетей в Мекке и Медине. По преданию, именно с этого места пророк Мухаммед вознесся на небеса. Наша Церковь стала единственной межрелигиозной группой, которую допустили во все помещения этой святыни. Главы этой мечети провели христианских и иудейских священнослужителей, участвовавших в Марше мира, по всем священным уголкам мечети. Таким образом, нам удалось отворить ворота, которые до сих пор были плотно заперты, и дать возможность многим лидерам ислама взаимодействовать на новом уровне с христианскими и иудейскими братьями и сестрами.

Люди любят мир, но им также нравятся и конфликты. Люди могут заставить драться даже самых миролюбивых животных и птиц. Например, некоторые стравливают петухов, и те кидаются друг на друга и дерутся острыми клювами — да так, что во все стороны летят клочья мяса. И потом эти же люди, оторвавшись от зрелища, говорят своим детям: «Не деритесь с друзьями! Играйте мирно и спокойно!»

Основная причина всех войн не в религиях или расовых различиях. Ее нужно искать где-то в самой глубине человеческой души. Люди любят списывать причины вооруженных конфликтов на науку или экономику, но основополагающая причина кроется внутри нас самих.

Цель любой религии — помочь людям встать на путь добра и избавиться от порочных черт, которые, собственно, и пробуждают в нас тягу к конфликтам. Возьмем крупнейшие религии мира. Идеалом для каждой из них является мир на земле. Все они стремятся к Царству Небесному, Утопии или раю. Каждая религия называет этот идеал по-разному, но все они стремятся именно к нему. В нашем мире существует бесчисленное множество религий, и практически все они разделены на деноминации. Однако все эти религии, по сути, мечтают об одном: о Царстве Небесном и мире на земле. Души людей изорваны в клочья насилием и враждебностью, которые коренятся в нас самих. Нас сможет исцелить только Царство любви.

Река никогда не отвергает стекающих к ней ручьев

В нашем мире процветает эгоизм. Однако, по иронии судьбы, он губит и самих эгоистов, и всех окружающих людей, и даже целые страны. Самое большое препятствие на пути к миру на земле — это людская алчность. Зарождаясь в душе человека, она распространяется и на всю нацию. Сердца, зараженные алчностью, влекут за собой раздоры и конфликты на всех уровнях. Бесчисленное множество людей на протяжении всей истории проливали кровь и гибли в конфликтах, порожденных алчностью.

Для прекращения этих конфликтов нам нужна настоящая революция сознания, чтобы отказаться от ложных ценностей и ошибочного мышления, широко распространенных в нашем мире. Сложные и запутанные проблемы, с которыми сталкивается современное общество, можно решить очень быстро, если произвести революцию в сознании людей. Если каждый человек и каждая страна будут в первую очередь заботиться о других и трудиться в единстве с ближним, все проблемы в обществе будут решены.

Всю свою жизнь я посвятил делу мира. И теперь, стоит мне услышать, как где-нибудь обсуждают вопросы мира, как я тут же начинаю волноваться. У меня перехватывает горло и становится трудно глотать, а на глаза наворачиваются слезы. Как только я представляю, что наш мир объединится и будет жить в гармонии, одна мысль об этом трогает меня до глубины души.

Вот что такое мир. Он соединяет людей, думающих по-разному, принадлежащих к разным расам и говорящих на разных языках. В глубине души мы мечтаем именно о таком мире и лелеем надежду на то, что он когда-нибудь будет построен.

Однако для достижения мира нужны конкретные действия, а не расплывчатые идеи. Создание движения за мир не всегда было легкой задачей. Нам пришлось столкнуться с множеством трудностей и вложить в это дело крупные суммы денег. Я занимался этим не ради личной славы и не для того, чтобы разбогатеть. Я просто вкладывал все силы в построение мира, в котором укоренился бы прочный и настоящий мир. За то время, пока я занимаюсь этой работой, я никогда не был одинок, ведь о мире мечтает каждый человек на земле. Но вот что странно: все до единого хотят мира, а мир до сих пор так и не наступил!

Говорить о мире легко, а вот построить его очень сложно. Все дело в том, что люди напрочь забывают основополагающую истину, без которой невозможно достичь мира, и даже притворяются, что не знают о ней. Прежде чем говорить о мире во взаимоотношениях между людьми и между странами, нам нужно достичь мира в отношениях с Богом.

Каждая из существующих ныне религий считает себя выше всех, глядя сверху вниз на остальные религии и отвергая их. Однако мы не должны возводить заборы и отделяться от других религий и деноминаций.

Религия — это широкая и полноводная река, которая несет свои воды по направлению к идеальному и гармоничному миру. Этой реке придется течь очень долго, прежде чем она окажется на широких просторах мира и гармонии, по пути вобрав в себя множество мелких ручьев и речушек. Впадая в реку, они перестают быть ручьями и становятся частью реки, одним целым с ней.

Река никогда не отвергает стекающих к ней ручьев. Она принимает их все до единого. Ее воды, приняв вливающиеся в нее течения, превращаются в один мощный поток и устремляются к океану. Люди отчего-то не понимают этой простой истины. Ручьи и потоки, текущие в поисках реки и сливающиеся с нею, — это бесчисленное множество современных религий и деноминаций. Все эти ручьи берут начало из разных источников, однако направление у них одно: каждый из них стремится к идеальному миру, в котором царит мир.

Мир на нашей земле не наступит, пока мы не устраним барьеры между религиями. Тысячи лет религии развивались в тесной связи с определенными этническими группами, поэтому теперь их разделяют серьезные культурные барьеры, разрушить которые крайне тяжело. Каждая религия окружала себя подобными стенами в течение тысячелетий, настаивая при этом на своей исключительной правильности. Порой некоторые религии, желая расширить сферу влияния, вступали в конфликты и воевали с другими религиями, прикрываясь именем Бога и при этом не имея ничего общего с Его волей.

Воля Бога — это всеобщий мир. Но если мир расколот на почве национальных, расовых и религиозных различий, а люди в нем нападают друг на друга и проливают чужую кровь — это не тот мир, которого хочет Бог. Когда мы убиваем друг друга и воюем во имя Бога, мы тем самым причиняем Ему нестерпимую боль. Мир, расколотый на тысячи частей, был создан людьми, сгоравшими от желания заполучить еще больше богатств и славы. Такой мир не имеет ничего общего с Божьей волей. Бог очень ясно сказал мне об этом. Я всего лишь посыльный, который получает слово Бога и передает его людям.

Путь к созданию прочного мира, где религии и расы будут жить в единстве, очень тяжкий и изнурительный. Очень часто меня отвергали люди, да и моих способностей порой не хватало, но я не мог взять и бросить эту миссию. Когда члены Церкви и мои сотоварищи, трудившиеся вместе со мной, мучились и изнемогали от тяжести стоящей перед нами задачи, я даже завидовал им.

«Если вы решите, что этот путь не для вас, вы можете остановиться и повернуть обратно, — говорил я им. — Или же, если вы стараетесь и прилагаете все силы, а у вас ничего не получается, вы вправе умереть, не оставляя попыток достичь результата. Но вам остается лишь пожалеть меня, — продолжал я, — ведь у меня такого выбора нет».

В нашем мире около двухсот государств. Для того чтобы в каждом из них воцарился мир, нам абсолютно необходима сила религии. Эта сила заключается в той любви, которая ее переполняет. Я — религиозный человек, и моя задача — передавать людям любовь, поэтому вполне естественно, что я буду трудиться ради построения мира. И ислам, и христианство в равной степени стремятся к миру на земле.

В Америке я возглавил движение за мир, собрав воедино тысячи священнослужителей разных деноминаций. В этом движении мы обсуждаем возможности для объединения христианства, ислама, иудаизма, буддизма и многих других религий и делаем все возможное, чтобы помочь людям растопить заледеневшие сердца.

Сегодня моя цель такая же, как и вчера. Она состоит в том, чтобы создать мир с Богом в центре — мир без границ, похожий на одну большую страну. Гражданами этого мира, воплощая единую культуру любви, стали бы все люди на земле. В таком мире не было бы места раздорам и конфликтам, и это ознаменовало бы зарождение по-настоящему мирного мира.

«Пусть в Советском Союзе будет свобода вероисповедания!»

Существует множество теорий на материалистической основе — весьма популярных, но никем так и не доказанных. Одна из них — теория эволюции Чарльза Дарвина. Еще одна была создана на основе трудов Карла Маркса. Сама идея того, что материя первична, а дух вторичен, в корне ошибочна. Люди были созданы Богом, и все живое обладает дуальной природой, сочетающей в себе материальный и духовный аспекты. Иначе говоря, сама основа теории и философии коммунизма является ошибочной.

Во время учебы в Японии я трудился вместе с коммунистами ради независимости Кореи. Это были настоящие друзья, готовые при необходимости отдать жизнь за освобождение нашей родины, хотя у нас с ними был совершенно разный образ мышления. Поэтому сразу после того, как Корея обрела независимость, наши пути разошлись.

Как противник исторического материализма, лежащего в основе коммунизма, я основал всемирное движение за победу над коммунизмом. Я советовал президентам США выступить в защиту свободного мира и дать отпор стратегии коммунистов, которые хотели склонить на сторону «красных» весь мир. И тогда страны соцлагеря, недовольные моими действиями, попытались насильно устранить меня, но я не держу на них зла и не считаю врагами. Я выступаю против философии и идеологии коммунизма, но не питаю ненависти к людям, разделяющим эти идеи. Бог хочет, чтобы за Ним, объединившись, последовали все люди, в том числе и коммунисты.

В этом смысле моя поездка в Москву в апреле 1990 года на встречу с президентом Михаилом Горбачевым, а в следующем году — поездка в Пхеньян на встречу с президентом Ким Ир Сенем — были не просто путешествиями. Я отправлялся в путь с риском для жизни. Это была моя судьба — поехать туда и передать этим двум людям послание Небес. Я почти не шутил, говоря о том, что поскольку в английском языке слово «Moscow» по звучанию напоминает словосочетание «must go», я должен отправиться туда[19].

Я предвидел, какое будущее ждет коммунизм, и давным-давно предсказал, что примерно через шестьдесят лет после большевистского переворота появятся первые признаки того, что коммунизм начинает скатываться вниз, к своему закату, а в 1987 году, через 70 лет после революции, рухнет советская система. Вот почему я был так взволнован, услышав в 1984 году о том, что д-р Мортон Каплан, видный политолог из Чикагского университета, предложил провести международную конференцию на тему «Падение Советской империи». Я попросил его навестить меня в тюрьме Дэнбери, чтобы мы смогли подробно обсудить эту идею, и когда мы встретились, я первым делом попросил его провозгласить о «конце коммунизма в Советском Союзе» не позднее 15 августа того же года.

На это доктор Каплан ответил: «Провозгласить о конце коммунизма в СССР? Как я могу пойти на такой риск?» — и дал мне понять, что не собирается этого делать. К 1985 году, когда планировалась конференция, Советский Союз, казалось, должен будет стать еще более влиятельным на мировой арене, ведь внешне ничто не указывало на его скорую кончину.

Однако костер горит ярче всего перед тем, как потухнуть. Нежелание доктора Каплана было вполне объяснимым: если бы он во всеуслышание предсказал столь неоднозначное событие, а потом оказался бы неправ, его репутация ученого рухнула бы в одночасье.

«Преподобный Мун, — сказал он, — я верю вам, когда вы говорите о том, что коммунизму в СССР скоро придет конец. Но я не думаю, что это произойдет прямо сейчас. Поэтому вместо того, чтобы провозглашать о «конце коммунизма в Советском Союзе», не лучше ли сказать, что «коммунизм в СССР постепенно приходит в упадок»?»

Увидев, как он пытается смягчить название конференции «Падение Советской империи» и чуть ли не переименовать ее, я разозлился не на шутку. Это был компромисс, на который я просто не мог пойти. Я очень ясно сознавал, что если человек в чем-то убежден, он должен быть смелым и не жалеть сил для борьбы, даже если ему страшно.

«Доктор Каплан, — сказал я, — что вы имеете в виду? Когда я прошу вас провозгласить о конце коммунизма, я имею на то причины. В тот день, когда вы провозгласите о конце коммунизма, вы тем самым не оставите ему шансов и поможете тихо и мирно скончаться. Почему же вы колеблетесь?»

В итоге доктор Каплан провозгласил о «конце коммунизма в СССР» на конференции, проведенной Академией профессоров за мир во всем мире в Женеве, которая называлась «Падение Советской империи: перспективы перехода к постсоветскому будущему». Для тех времен это было что-то совершенно невероятное.

Поскольку Швейцария была нейтральным государством, Женева стала одним из крупнейших плацдармов КГБ. Именно оттуда разъезжалось по заданиям множество агентов этой организации, задействованных в шпионаже и террористической деятельности по всему миру. Отель «Интерконтиненталь», где проводилась конференция Академии профессоров, располагался через дорогу от советского посольства, и я могу себе представить, что чувствовал в тот момент доктор Каплан. Однако спустя несколько лет он стал широко известен как ученый, впервые предсказавший конец коммунизма в Советском Союзе.

В апреле 1990 года я созвал в Москве конференцию средств массовой информации. Для меня стало совершенной неожиданностью, что представители советского правительства уже в аэропорту встретили меня по протоколу уровня глав государств. В центр Москвы мы въезжали в сопровождении милицейского эскорта. Автомобиль, который меня вез, ехал по центральной разделительной полосе дороги, предназначенной только для глав государств. Все это происходило еще до распада Советского Союза. Советское правительство сделало такое исключение для меня, ярого антикоммуниста!

На конференции я выступил с речью в поддержку политики перестройки. Я подчеркнул, что эта революция должна обойтись без крови и стать революцией духа и совести. И хотя целью моего визита было участие во Всемирной конференции СМИ, все мои мысли были сосредоточены на предстоящей встрече с президентом Горбачевым.

В то время президент Горбачев был очень популярен в Советском Союзе благодаря успеху его политики перестройки. За последние годы я встречался со многими президентами США, однако встреча с президентом Горбачевым обещала стать гораздо более трудной задачей. Я боялся, что нам будет нелегко организовать хотя бы одну такую встречу. Мне было необходимо передать президенту свое послание, и это нужно было сделать во время личной встречи. Он проводил реформы в Советском Союзе,

открыв страну ветрам свободы, однако со временем эти реформы обернулись против него самого, нацелившись ему в спину. Если пустить эту ситуацию на самотек, она могла обернуться для него серьезной опасностью.

Я объяснял это так: «Если президент не встретится со мной, он не сможет поймать волну Небесной удачи и недолго продержится на посту». Возможно, президент Горбачев почувствовал мое беспокойство: на следующий же день я получил приглашение в Кремль. Я прибыл в самое сердце Кремля на лимузине, предоставленном советским правительством. Войдя в кабинет президента, мы с женой заняли предложенные нам места, а рядом сели члены Кабинета министров СССР. Президент Горбачев тепло улыбнулся нам и начал с воодушевлением рассказывать об успехе политики перестройки. Затем он пригласил меня в свою приемную, где мы встретились с ним один на один. И я, воспользовавшись этой возможностью, передал ему свое послание.

«Господин президент, вы добились значительных успехов в осуществлении перестройки, но для реформ этого недостаточно. Вам необходимо немедленно предоставить Советскому Союзу свободу вероисповедания. Если ваши реформы затронут лишь материальный мир и произойдут без участия Бога, перестройка будет обречена на провал. Эпоха коммунизма подходит к концу, и единственный путь спасти страну — разрешить в ней свободу вероисповедания. Для вас настало время действовать с мужеством, проявленным в реформировании СССР, и стать президентом, трудящимся над построением мира во всем мире».

При упоминании о свободе вероисповедания на лице президента отразилось напряжение: для него это стало неожиданностью. Однако, как и следовало ожидать от человека, несколькими месяцами ранее способствовавшего воссоединению Германии, он быстро смягчился и стал серьезно воспринимать мои слова. Тем временем я продолжал: «Южная Корея и Советский Союз должны установить дипломатические отношения, и я прошу вас в этой связи пригласить к себе с визитом южнокорейского президента Ро Дэ У». Я привел ряд причин, почему нашим странам будут выгодны дипломатические отношения.

Как только я высказал все, что хотел, президент Горбачев дал мне обещание уверенным тоном, которого я прежде от него не слышал.

«Я уверен, — сказал он, — что отношения между Южной Кореей и Советским Союзом будут постепенно налаживаться. Я также понимаю важность политической стабильности и снятия напряженности на Корейском полуострове. Установление дипломатических отношений с Южной Кореей — это лишь вопрос времени; для этого нет никаких препятствий. Я последую вашему совету и встречу с президентом Ро Дэ У».

Прощаясь с президентом Горбачевым, я снял свои наручные часы и надел ему на запястье. Он посмотрел на меня с легким недоумением — почему я веду себя с ним, как с закадычным другом? И тогда я решительно произнес: «Всякий раз, когда ваши реформы столкнутся с трудностями, пожалуйста, взгляните на эти часы и вспомните обещание, которое дали мне сегодня. И тогда Небеса непременно откроют вам путь».

Президент Горбачев, как и обещал, встретился с президентом Ро Дэ У в июне того же года в рамках двухсторонней встречи на высшем уровне в Сан-Франциско. А 30 сентября 1990 года впервые за 86 лет Южная Корея и Советский Союз подписали историческое соглашение об установлении дипломатических отношений.

Разумеется, политикой должны заниматься политики, а дипломатией — дипломаты, но иногда, если врата были заперты слишком долго, посредничество религиозного деятеля, не преследующего корыстных интересов, может стать гораздо более эффективным.

Четыре года спустя президент Горбачев с супругой посетили Сеул, и мы с женой имели честь принять их у себя дома в районе Ханнамдон. К тому времени президент уже был отстранен от должности после государственного переворота. Вслед за переворотом, организованным противниками реформ, недовольными перестройкой,

он ушел с поста Генерального секретаря ЦК КПСС и распустил партию. Будучи коммунистом, он положил конец коммунистической партии.

И теперь бывший президент СССР вместе с первой леди кушали палочками пульгоги[20] и чапче[21], которые мы приготовили для них с любовью и заботой. Когда на десерт подали сучонгва[22], господин Горбачев несколько раз повторил: «Как же хороша корейская национальная кухня!»

Президент и его супруга выглядели гораздо спокойнее и непринужденнее, чем в те напряженные времена на государственном посту. Госпожа Горбачева, читавшая ранее лекции по марксистско-ленинской философии в МГУ, теперь носила цепочку с крестиком.

«Господин президент, вы сделали великое дело, — сказал я ему. — Вы отказались от должности Генерального секретаря компартии Советского Союза, однако теперь вы стали президентом, несущим мир и гармонию. Благодаря вашей мудрости и отваге у нас появилась возможность построить мир на земле. Ваш поступок был воистину прекрасным и важным для всего мира, и он навеки останется в анналах истории. Вы — герой-миротворец, откликнувшийся на призыв Бога, и Россия навсегда запомнит не имя Маркса, Ленина или Сталина, а имя Михаила Горбачева».

Я высоко оценил решение господина Горбачева без малейшего кровопролития положить конец Советскому Союзу — цитадели коммунизма.

В ответ он произнес: «Преподобный Мун, ваши слова — большое утешение для меня. В них я черпаю силы, чтобы двигаться вперед. Я посвящу остаток своей жизни проектам, которые послужат делу построения мира на земле». И он крепко пожал мне руку.

Объединение Кореи приведет к объединению всего мира

Выходя из Кремля после встречи с господином Горбачевым, я повернулся к Паку Бо Хи, который сопровождал меня, и дал ему особое указание.

«Мне необходимо встретиться с президентом Ким Ир Сенем до конца 1991 года, — сказал я. — У нас нет времени. Советский Союз прекратит существование через год-другой, и у нашей страны возникнут проблемы. Я должен во что бы то ни стало встретиться с президентом Кимом, чтобы предотвратить войну на Корейском полуострове».

Я понимал, что с распадом Советского Союза в большинстве соцстран рухнет коммунистический режим, Северная Корея окажется загнанной в угол, и никто не знает, на какие провокации будет способно пойти ее правительство. Неумное стремление этой страны к ядерному вооружению делало ситуацию еще более пугающей. Для того чтобы не допустить войны с Северной Кореей, нам требовался канал связи с ее руководством, которого у нас еще не было. Мне нужно было встретиться с президентом Кимом и заручиться его обещанием не начинать боевых действий против Южной Кореи.

Корейский полуостров — это наш мир в миниатюре. Если на нем прольется кровь, она прольется и во всем мире, и если на нем будет построен мир, он затем охватит и всю землю. Если полуостров объединится, это приведет к объединению всего мира. Однако с конца 1980-х годов Северная Корея стала активно наращивать ядерный потенциал, и страны Запада заявили, что при необходимости готовы нанести упреждающий удар по Северной Корее. Если ситуация накалится до предела, одному Богу известно, на какие отчаянные шаги может пойти эта страна. Я знал, что мне любой ценой необходимо открыть канал связи с Северной Кореей.

Это было нелегкой задачей. Пак Бо Хи связался с северокорейским вице-премьером Ким Даль Хёном, однако ответ Северной Корее был резко отрицательным.

«Северокорейский народ знает президента Муна лишь как предводителя международного движения за победу над коммунизмом, — сказал вице-премьер. — Почему мы должны принимать у себя лидера консервативной антикоммунистической группы? Мы ни в коем случае не допустим приезда этого человека в нашу страну».

Но Пак Бо Хи не сдался. «Президент США Никсон был ярим антикоммунистом, — напомнил он северокорейскому чиновнику, — однако он побывал с визитом в Китае, встретился с председателем Мао Цзэдуном и наладил дипломатические отношения между США и Китаем. Именно Китаю это принесло наибольшую выгоду. До этой встречи к Китаю относились как к стране-агрессору, а теперь страна завоевывает репутацию одной из ведущих стран на мировой арене. Следовательно, чтобы заручиться доверием международного сообщества, Северной Корее необходимо завязать дружеские отношения с всемирно известным антикоммунистом — таким, как президент Мун».

В конце концов президент Ким Ир Сен пригласил нас с женой 30 ноября 1991 года. Мы в тот момент были на Гавайях, но срочно вылетели в Пекин. Пока мы ждали в зале для почетных гостей главного международного аэропорта Пекина, предоставленном китайским правительством, прибыл представитель правительства Северной Кореи и передал нам официальное приглашение. На документе была четко проставлена печать руководства Пхеньяна.

«Корейская Народно-Демократическая Республика приглашает г-на Мун Сон Мёна, его супругу и сопровождающих лиц для въезда в Республику. Их безопасность гарантирована на весь период пребывания на Севере». На документе стояла подпись: «Ким Даль Хён, вице-премьер Кабинета министров Корейской Народно-Демократической Республики, 30 ноября 1991 года».

Наша группа поднялась на борт особого рейса «Эйр Корио-215», который прислал для нас президент Ким. До этого он никогда не организовывал особых рейсов ни для кого из глав государств, так что это было исключением и проявлением особого к нам отношения.

Самолет пролетел над Желтым морем, потом над Синьиджу, моей родиной Чонджу и в конце концов приземлился в Пхеньяне. Мне сказали, что маршрут был специально рассчитан с тем, чтобы мы пролетели над моей родиной, и когда я взглянул вниз и увидел родные края в пурпурных лучах заходящего солнца, я буквально онемел, а мое сердце заколотилось как сумасшедшее. Я не мог поверить своим глазам: неужто я и в самом деле вижу родину? Мне захотелось тут же выпрыгнуть из самолета и пробежаться по горам и долинам.

В пхеньянском международном аэропорту Сунан меня встретили мои родные, которых я не видел уже сорок восемь лет. Мои младшие сестры, которых я запомнил юными и цветущими, уже состарились и стали бабушками. Они схватили меня за руки, их лица скорбно сморщились, и они громко и безутешно разрыдались. Старшая сестра, которой было уже за семьдесят, уткнулась мне в плечо и заплакала. Но я не плакал.

«Пожалуйста, не плачьте! — сказал я им. — Мне было очень важно встретиться с родными, но я приехал сюда, чтобы исполнить Божий труд. Пожалуйста, не надо так плакать, возьмите себя в руки!»

Внутри у меня все рвалось от рыданий, и слезы текли безудержным потоком. Я увидел сестер впервые за сорок с лишним лет, но я не мог их обнять и поплакать вместе с ними. Мне пришлось сдерживать порыв своего сердца и отправиться туда, где для нас были приготовлены комнаты.

На следующее утро по традиции, которой я следовал всю жизнь, я проснулся очень рано и сразу же погрузился в молитву. Если в нашей комнате и были какие-то подслушивающие устройства, моя слезная молитва за объединение Корейского полуострова была записана во всей своей полноте. В тот день мы проехали по Пхеньяну, украшенному множеством лозунгов и транспарантов с идеологией чучхе, разработанной Ким Ир Сенем.

На третий день нашего визита мы отправились самолетом на гору Кымгансан. Была зима, но водопад Курён не замерз и низвергался вниз мощным потоком. Мы обошли все достопримечательности у подножия горы, а потом, на шестой день пребывания на Севере, сели в вертолет и полетели ко мне на родину.

Я так давно мечтал и тосковал о доме своего детства, что мне хотелось очутиться там в один прыжок. И теперь этот дом — вот он, прямо передо мной! Я не мог поверить своим глазам... Это и вправду он, или я просто сплю? Я стоял перед дверьми своего дома несколько долгих минут, показавшихся вечностью, и не мог пошевелиться, застыв, словно статуя. Потом я все-таки вошел внутрь.

Раньше наш дом своим расположением напоминал полый квадрат: в нем были главный коридор, комнаты для гостей, кладовка и амбар — помещения, замкнутые в квадрат вокруг внутреннего двора. Теперь же от дома остался лишь главный коридор. Я прошел в гостиную, где когда-то родился, и сел на пол, скрестив ноги. Воспоминания детства нахлынули на меня с такой ясностью, словно это было лишь вчера.

Потом я отворил маленькую дверцу, ведущую из гостиной на кухню, и выглянул на задний двор. От каштана, на который я так любил залезать, остался лишь трухлявый пенек. Мне послышался голос моей мамы, которая ласково звала меня: «Наверное, мой малыш с крошечными глазками проголодался?» В тот момент мимо меня словно прошуршало мамино корейское хлопчатобумажное платье...

Я побывал на могилах родителей и оставил для них букет цветов. В последний раз я виделся с матерью еще в тюрьме Хыннам, куда она пришла навестить меня и громко разрыдалась. Ее могила была слегка припорошена снегом, выпавшим прошлой ночью. Я легонько смахнул его рукой и бережно погладил траву на могильном холме. Прикосновение жесткой травы напомнило мне загрубевшую кожу на тыльной стороне маминой ладони...

Моя встреча с президентом Ким Ир Сенем

Я приехал в Северную Корею не потому, что хотел повидать свою родину или побывать на горе Кымгансан. Мне необходимо было встретиться с президентом Ким Ир Сенем и серьезно поговорить о будущем нашей родины. Однако даже на шестой день моего визита никто и словом не обмолвился о том, состоится наша встреча или нет. И все же после того, как мы побывали на моей родине и наш вертолет приземлился в пхеньянском аэропорту Сунам, меня неожиданно встретил вице-премьер Ким Даль Хён.

«Великий вождь Ким Ир Сен примет вас завтра, — сказал он мне. — Встреча будет проходить в президентской резиденции в Хыннаме, поэтому вам нужно тотчас же особым рейсом вылететь в Хыннам».

Я подумал: «Говорят, что у президента есть множество резиденций. Почему же он выбрал именно Хыннам?»

По пути я заметил большую вывеску фабрики азотных удобрений Хыннам, где я был приговорен к каторжному труду. Я тут же вспомнил свою жизнь в тюрьме и всю дорогу сидел, обуреваемый смешанными чувствами. Мы заночевали в гостинице, и на следующий день я отправился на встречу с президентом.

Подходя к резиденции, я увидел у входа президента Кима, который вышел встречать меня, и мы тут же обнялись. Я был антикоммунистом, а он — главой коммунистической партии, но в рамках нашей встречи не имели значения никакие идеологии и философии. Мы были словно братья, которые увиделись впервые после долгой разлуки. Такова сила крови, сила принадлежности к одному народу...

Сразу же после приветствия я сказал ему:

— Господин президент, благодаря вашей сердечности и предупредительности я смог встретиться со своей семьей. Однако из-за границы, пролегшей между Севером и Югом, 10 миллионов корейцев оказались разлучены со своими семьями, и у них нет даже возможности узнать, живы ли их родные на другой стороне полуострова. Я хотел бы попросить вас дать им шанс встретиться друг с другом.

Я вкратце рассказал ему о том, как прошла моя поездка на родину, и попытался воззвать к его любви к корейскому народу. Мы говорили с ним на одном диалекте, так что нам было легко понимать друг друга.

Президент Ким ответил:

— Я разделяю ваши чувства, поэтому давайте со следующего года создадим движение за то, чтобы соотечественники с Севера и Юга могли встретиться друг с другом.

Он принял мое предложение так же естественно, как естественно таяние снегов по весне.

Поговорив о моей поездке в Чонджу, я стал излагать ему свои взгляды на проблему ядерного вооружения. Я деликатно предложил, чтобы Северная Корея приняла Декларацию о создании безъядерной зоны на Корейском полуострове и подписала соглашение о гарантиях совместно с Международным агентством по атомной энергии.

И президент Ким искренне ответил:

— Вы только подумайте — кого я собираюсь убивать своим ядерным оружием? Собственный народ? Я похож на человека, который на это способен? Я согласен с тем, что ядерная энергия должна быть использована исключительно в мирных целях. Я внимательно выслушал все ваши соображения, и уверен, что все будет хорошо.

В те времена отношения между Северной и Южной Кореей были весьма натянутыми из-за инспекций на ядерных объектах Северной Кореи, поэтому я выдвинул свое предложение без особых ожиданий. Однако все присутствующие были удивлены тем, как позитивно откликнулся на него президент Ким. На этом наша встреча плавно перетекла в обеденный зал, где нас ждал ранний обед.

— Вы когда-нибудь пробовали лапшу из замороженной картошки? Я очень часто питался ею, когда был в партизанском отряде на горе Пэктусан. Угощайтесь!

— Конечно, я пробовал ее, и не раз! — ответил я с радостью. — Мы часто готовили это блюдо у меня на родине.

— Скорее всего, у вас на родине такая лапша считалась деликатесом, — продолжал он. — Я же ел ее для того, чтобы выжить. Японская полиция, пытаясь нас поймать, обшаривала снизу доверху всю гору Пэктусан, и у нас не было возможности чинно усесться и поесть. Чем еще питаться на вершине горы, если не картошкой?

Вот мы и варили эту картошку — а если вдруг замечали японцев, быстро закапывали ее прямо в землю и разбегались кто куда. Было так холодно, что к нашему возвращению картошка успевала вмерзнуть в землю. И нам приходилось выкапывать ее, размораживать и перемалывать в муку, чтобы затем сделать лапшу.

— Господин президент, — сказал я, — вы — настоящий эксперт по картофельной лапше!

— Да уж, это точно! Очень вкусно добавлять ее в бобовый суп, а еще вкуснее варить в кунжутном супе. Это блюдо легко усваивается, и к тому же картошка, склеиваясь в желудке, вызывает чувство сытости.

И еще, президент Мун[23], — продолжал он, — можно сделать по примеру жителей провинции Хамгён: взять кимчи из листков горчицы и вот так положить на лапшу. Вы только попробуйте!

Я последовал его совету и съел свою порцию картофельной лапши, положив сверху кимчи из горчичных листков. Вкус и аромат картофельной лапши идеально сочетался с острым кимчи и был с радостью принят моим желудком.

— В мире так много деликатесов, — сказал президент Ким, — только меня они не интересуют. Нет ничего лучше картофельных пирожков, кукурузы и сладкого картофеля, которые я ел у себя на родине.

— У нас с вами даже пристрастия в еде одинаковые! — заметил я. — Хорошо, когда земляки могут вот так встретиться и поговорить.

— Как прошло ваше свидание с родиной? — спросил он.

— Это было так волнующе! — ответил я. — Дом, в котором я жил, все еще на месте, и я немного посидел в гостиной, чтобы вспомнить о прошлом. Мне показалось, что я вот-вот услышу голос моей старенькой мамы, зовущей меня, и сердце так защемило...

— Понимаю, — ответил он. — Это говорит о том, что нам нужно немедленно объединить нашу страну. Кстати, я слышал, что в юности вы были очень озорным и непослушным. Вы там, часом, не бегали вчера вокруг дома, не резвились ли?

Все, кто был за столом, после этих слов дружно рассмеялись.

— Я хотел забраться на дерево, а потом пойти порыбачить, но мне сказали, что вы ждете меня, поэтому я не стал задерживаться и прибыл сюда. И я надеюсь, что вы еще как-нибудь пригласите меня!

— Ну конечно же, приглашу! Президент Мун, вам нравится охота? Мне — очень! Если бы вам довелось поохотиться на медведя на горе Пэктусан, вы бы получили такое удовольствие! Медведи, хоть они и большие и выглядят этакими увальнями, на самом деле очень проворны.

Однажды я встретился с медведем нос к носу, — продолжил он свой рассказ. — Михайло глядел на меня и стоял столбом, не шевелясь. Вы же знаете, что было бы, пусть я наутек? И что мне оставалось делать? Ну, я тоже встал столбом и уставился на него в ответ. Прошел час, два, три... Медведь все стоял и тарачился на меня. Кстати, вы знаете, как холодно бывает на горе Пэктусан? Я боялся, что закоченею до смерти, пока медведь не соизволит сожрать меня.

— И что же было дальше?

— Что-что... Президент Мун, вы кого здесь видите — медведя или меня?

Я громко расхохотался, и президент Ким тут же выступил с предложением.

— Президент Мун, — сказал он, — в следующий раз, когда вы приедете сюда, давайте съездим поохотиться на Пэктусан!

И я тут же выдвинул ответное приглашение:

— Вы же любите рыбалку, правда? На острове Кодиак на Аляске можно поймать палтуса величиной с медведя. Давайте как-нибудь порыбачим там вместе!

— Палтус величиной с медведя? Определенно, мне нужно побывать там!

Таким образом мы с ним быстро нашли общий язык, беседуя о любимой охоте и рыбалке. В какой-то момент мы оба почувствовали, что нам многое нужно сказать друг другу, и стали общаться, как старые друзья, которые давно не виделись. Наш хохот то и дело разлетался по всей обеденной зале.

Еще мы с ним вспомнили гору Кымгансан.

— Я побывал и там, — сказал я. — Какая же это красивая гора! Было бы хорошо благоустроить это место, чтобы туда могли приезжать на экскурсии наши туристы.

— Гора Кымгансан станет общим достоянием нашей объединенной родины, — сказал президент Ким. — И я принял меры, чтобы доступ к ней имел далеко не каждый, ведь если на этом месте что-нибудь сделать не так, гора погибнет. Вы хорошо разбираетесь в международных отношениях, и я могу довериться такому человеку, как вы, поручив вам развитие этой территории.

Более того, президент Ким предложил мне заняться этим проектом вместе с ним.

— Господин президент, — сказал я, — вы старше меня, поэтому вы для меня как старший брат.

И он ответил:

— Президент Мун, давайте с этих пор относиться друг к другу как старший и младший братья! — и крепко пожал мою руку.

И так, держась за руки, мы прошли с ним вниз по коридору и сфотографировались вместе на память. Затем я покинул резиденцию.

Спустя какое-то время после отъезда я узнал, что президент Ким сказал своему сыну, Ким Чен Иру: «Президент Мун — великий человек. В своей жизни я встречал многих людей, но ни один не может сравниться с ним. У него широкие взгляды, и он очень добрый и сердечный человек. Я почувствовал, что мы с ним очень близки. Мне было приятно с ним общаться, и я был бы не против, если бы он задержался у нас подольше. Хотелось бы повидать его снова. Когда я умру, пожалуйста, всегда советуйся с президентом Муном по всем вопросам взаимоотношений Севера и Юга Кореи».

Иными словами, пообщались мы очень хорошо.

Вскоре после того, как закончилась моя недельная поездка и я покинул Пхеньян, премьер-министр Ён Хён Мук отправил в Сеул делегацию из Северной Кореи. Премьер-

министр подписал Декларацию о создании безъядерной зоны на Корейском полуострове, а уже 30 января следующего года Северная Корея подписала соглашение о гарантиях совместно с Международным агентством по атомной энергии, таким образом выполнив обещание, данное мне президентом Кимом. Да, нам еще многое предстоит сделать, но это был реальный результат моей поездки в Пхеньян, где я побывал с риском для жизни.

Можно разделить страну, но не ее народ

Корейский полуостров — последняя из разделенных стран в мире. И наша ответственность — объединить этот полуостров. Мы не можем передать своим потомкам родину, расколотую надвое. Нельзя допускать, чтобы единый народ был разделен и чтобы миролюбивые жители этой страны не имели возможности повидать своих родителей или братьев и сестер. Черта, отделяющая Северную Корею от Южной, была проведена людьми. Таким образом можно разделить землю, но не людей. То, что мы не можем забыть друг друга и продолжаем тосковать друг по другу даже после пятидесяти с лишним лет разлуки, говорит лишь о том, что мы — один народ.

Корейский народ всегда называли «нацией в белых одеждах» из-за цвета наших традиционных одеяний. Белый цвет — это символ мира, и мы — очень миролюбивая нация. Во времена японской оккупации корейцы, китайцы и японцы жили в Маньчжурии и Сибири, порой помогая друг другу, а порой и убивая друг друга. Однако даже тогда корейцы не носили при себе мечей или кинжалов, как это делали японцы и китайцы, а брали с собой лишь кремни. Мы жгли костры на промерзших землях Маньчжурии и Сибири и таким образом сберегали свою жизнь.

Вот такие мы люди. Мы уважаем Небеса, следуем нравственным принципам и любим мир. Наш народ пролил много крови во времена японской оккупации и Корейской войны, однако это не помогло нам ни объединить страну, ни добиться мира. Наша страна оказалась разломлена посередине на две части, одна из которых погрузилась во мрак коммунизма.

Нам необходимо объединиться, чтобы вернуть своему народу суверенитет. Разделение между Севером и Югом должно прекратиться, чтобы мы наконец-то смогли жить в мире. Лишь после того, как мы добьемся мирного объединения страны и восстановим наш суверенитет, мы сможем достичь мира и на всей земле.

Корейский народ был создан для того, чтобы принести мир на землю. У всего есть имя, и каждое имя имеет свое значение. Наши традиционные белые одеяния очень легко увидеть и днем и ночью. Белый цвет подходит для пометок и знаков, используемых в темное время суток, так как его хорошо видно в темноте. Поэтому судьба нашего народа — днем и ночью передавать послание мира всем людям земли.

Север и Юг отделены друг от друга демилитаризованной зоной, но проблема даже не в этом. Если мы устраним эту линию разделения, мы обнаружим, что между нами и Россией с Китаем есть еще более толстые стены. Поэтому для того, чтобы наш народ добился настоящего мира, нам необходимо преодолеть и эти границы. Это будет трудно, но возможно. Важнее всего здесь наше собственное отношение.

Я думаю, что когда человек проливает пот, он должен излить его полностью, до последней капли. Он должен трудиться так, чтобы из его сердца вышел весь пот без остатка. И тогда ему не о чем будет сожалеть, и все станет ясным и понятным. Это касается и тех случаев, когда мы беремся за трудное дело. Трудность будет побеждена лишь тогда, когда мы одержим победу на всех уровнях и добьемся ясности во всем. Все, с чем мы соприкасаемся, должно следовать определенному порядку, и тогда будет результат. Иначе говоря, мы не сможем до конца восстановить суверенитет нашего народа, пока не преодолеем все эти трудности и лишения.

Сейчас многие стали поговаривать о мирном объединении. Однако я упоминал о нем еще тогда, когда никто даже не осмеливался произносить вслух «мирное объединение» из страха быть обвиненным в нарушении антикоммунистического закона и закона о национальной безопасности. И сейчас, когда люди спрашивают меня, что нам нужно для объединения, я отвечаю им то же, что и всегда: «Если жители

Южной Кореи будут любить Северную Корею больше, чем Юг, а жители Северной Кореи полюбят Южную Корею больше, чем Север, мы сможем объединить полуостров хоть сейчас».

В 1991 году я с риском для жизни отправился в Северную Корею на встречу с президентом Ким Ир Сенем, движимый именно такой любовью. Во время встречи мы заключили с ним соглашение о воссоединении разлученных семей, об экономическом сотрудничестве между Севером и Югом, об устройстве заповедника около горы Кымгансан и создании безъядерной зоны на Корейском полуострове, а также о подготовке почвы для проведения конференции на высшем уровне между Югом и Севером. Никто и представить не мог, что антикоммунист поедет в коммунистическую страну и откроет врата для объединения, так что мне удалось удивить мир.

Перед встречей с президентом Кимом я дал двухчасовую речь на тему «Кровь гуще, чем вода» в конференц-зале «Мансудэ» в Верховной народной ассамблее законодательного собрания Северной Кореи. В тот день я обращался к членам северокорейского правительства и говорил с ними о том, как объединить Юг и Север с помощью любви. Я стоял перед высокопоставленными чиновниками Северной Кореи, вооруженными философией Ким Ир Сена, и подробно рассказывал им о том, во что верю.

«Север и Юг должны объединиться, — сказал я, — но ружья и мечи нас не объединят. Объединение Севера и Юга не произойдет с помощью военной силы. Если даже Корейская война в этом смысле ни к чему не привела, глупо даже думать, что вторая попытка объединить страну насильственным путем будет успешнее. Идеология чучхе, которой вы придерживаетесь, также не приведет нас к объединению. Что же нам делать? Наша планета вращается не потому, что ее вертят люди. Бог действительно существует, поэтому одними лишь человеческими усилиями ничего не добиться. Даже в сатанинских обстоятельствах — таких, как война, — Бог все равно осуществляет Свое провидение. Вот почему Север и Юг не смогут объединиться на основе идеологии чучхе, которая ставит в центр человека.

Объединение нашей родины возможно лишь с помощью Божества, — продолжал я. — Бог защищает нас, и момент объединения уже не за горами. Объединение — это наша судьба и задача, которая стоит перед нами в эту эпоху. Если мы не сможем выполнить наш святой долг и объединить родину именно сейчас, нам будет стыдно смотреть в глаза нашим предкам и потомкам во веки вечные.

Что такое Божество? Это — воплощение в жизнь совершенной любви Бога. Ни правое, ни левое крыло не сможет объединить Север и Юг. Эти две стороны объединит лишь так называемая "идеология головного крыла".

Чтобы встать на путь любви, вы должны извиниться перед всем миром за вторжение на Юг. Я знаю, что Северная Корея отправила на Юг двадцать тысяч агентов для осуществления шпионской деятельности. Вам нужно немедленно выслать им приказ о том, чтобы они явились с повинной к южнокорейским властям. Если вы сделаете это, я дам им надлежащее образование и помогу изменить мировоззрение, чтобы они стали настоящими патриотами и внесли свой вклад в мирное объединение Севера и Юга».

Говоря об этом, я подкреплял свои слова ударами кулаком по столу. Лица господина Юн Ки Бока и вице-премьера Ким Даль Хёна с каждой минутой мрачнели все больше. Я представлял, какую опасность могут навлечь на меня подобные заявления, но я должен был высказать все, что запланировал. У меня не было цели специально шокировать людей. Я знал, что моя речь тут же слово в слово будет передана президенту Киму и его сыну, господину Ким Чен Иру, поэтому хотел как можно яснее раскрыть перед ними свои цели и задачи.

Когда я закончил, некоторые из присутствующих северокорейских чиновников стали возмущаться, желая знать, как я посмел говорить с ними таким тоном. Взглянув на лица приехавших со мной, я увидел, что они стали белы как мел. Члены Церкви, присутствовавшие на встрече, потом рассказывали:

— Тон вашей речи был очень решительным и даже резким, и атмосфера в зале накалилась.

Однако я не намерен был отступить.

— Зачем я приехал сюда? — спросил я их. — Я здесь не для того, чтобы любоваться красотами Северной Кореи. Если я уеду отсюда, так и не высказав всего, что должен сказать, Небеса меня накажут. Даже если моя сегодняшняя речь послужит поводом для того, чтобы отказать мне во встрече с президентом Кимом и выслать из страны, я все равно должен высказать то, ради чего приехал.

8 июля 1994 года президент Ким скоропостижно скончался. Его смерть пришлась на период крайнего обострения в отношениях между Севером и Югом. На южнокорейской земле были дислоцированы зенитно-ракетные установки «Пэтриот», и американские «ястребы» стали выступать за уничтожение ядерных реакторов в Ёнбёне. Война могла разразиться в любой момент. Северная Корея заявила, что не будет приглашать на похороны никого из-за рубежа, но я чувствовал, что мы обязательно должны отправить туда нашего представителя. Я хотел выполнить свой долг, ведь мы почти что стали братьями с президентом Кимом.

Я позвал Пака Бо Хи и сказал ему:

— Срочно отправляйтесь в Северную Корею от моего имени, чтобы проводить в последний путь президента Ким Ир Сена.

На это он ответил:

— В Северную Корею сейчас никого не пускают.

— Я знаю, что это трудно, но вы непременно должны найти способ туда попасть, даже если для этого придется переплыть реку Ялу. Поезжайте туда и передайте мои соболезнования.

Сначала Пак Бо Хи отправился в Пекин, а уже оттуда с риском для жизни связался с Северной Кореей. И глава правительства Ким Чен Ир дал указание: сделать исключение для представителя президента Муна и сопроводить его до Пхеньяна.

После того как были переданы наши соболезнования, глава правительства Ким Чен Ир встретился с Паком Бо Хи и вежливо приветствовал его: «Мой отец всегда говорил, что президент Мун сделал очень многое ради объединения нашей родины. Я очень рад вашему приезду».

Кризис, разразившийся в 1994 году на Корейском полуострове, был таким острым, что война могла вспыхнуть в любую минуту. Однако нам удалось не допустить развязывания ядерной войны благодаря взаимоотношениям, которые я построил с президентом Ким Ир Сенем. Я ведь послал своего представителя присутствовать на его похоронах не только для того, чтобы выразить свои соболезнования...

Я так подробно описал здесь нашу встречу с президентом Кимом, чтобы пояснить важность веры и преданности в отношениях между двумя людьми. Я встретился с ним ради мирного объединения нашей родины и смог с верой и преданностью передать ему свою озабоченность судьбой нашего народа. В результате после смерти президента Кима президент Ким Чен Ир, его сын, принял нашего представителя, приехавшего на похороны. Нет на свете таких стен, которые нельзя было бы разрушить, и нет такой мечты, которую нельзя было бы осуществить, если мы дарим свою любовь с искренним сердцем.

Отправляясь в Северную Корею, я думал об этой стране как о своей родине и родине моего брата. Я ехал туда не для того, чтобы что-то получить. Напротив, мне хотелось поделиться с людьми любовью, переполнявшей мое сердце. Сила любви тронула не только президента Ким Ир Сена, но и его сына, председателя Ким Чен Ира. С тех пор нам удается поддерживать особые взаимоотношения с Северной Кореей. Каждый раз во время обострения отношений между Севером и Югом мы делаем все, чтобы захлопнувшиеся двери вновь отворились. Это стало возможным благодаря тому, что я встретился с президентом Ким Ир Сенем, чистосердечно рассказал ему о своих переживаниях и построил с ним доверительные отношения. Вот как важно доверие!

После нашей встречи с президентом Кимом мы основали в Северной Корее автомобилестроительный завод «Пхёнхва моторс», а также открыли отель «Потонган» и Центр за мир во всем мире. На улицах Пхеньяна были развешены рекламные щиты «Пхёнхва моторс», и когда южнокорейский президент посетил Северную Корею, ему показали именно это предприятие, а влиятельные южнокорейские бизнесмены, сопровождавшие президента, остановились в отеле «Потонган». Члены нашей Церкви, которые работают в Северной Корее, не являясь ее гражданами, каждое воскресенье собираются на воскресные службы в Центре за мир во всем мире.

Все эти проекты призваны наладить мирный взаимообмен и приблизить объединение Севера и Юга. Они создавались не ради прибыли; их цель — внести вклад в объединение Северной и Южной Кореи как выражение любви к корейскому народу.

Не силой оружия, а силой истинной любви

Наш народ разделяет не только демилитаризованная зона. Районы Ённам и Хонам также отделены друг от друга незримой стеной. Корейцы, живущие в Японии, поделены на тех, кто состоит в Союзе корейских граждан в Японии («Миндан»), связанном с Южной Кореей, и тех, кто состоит в Генеральной ассоциации корейских граждан в Японии («Чхонрён»), связанной с Северной Кореей. Конфликт между этими двумя организациями напрямую связан с конфликтом между родинami тех, кто в них состоит. Корейцы второго и третьего поколений, которые проживают в Японии и никогда не бывали на родине своих предков, все равно сохраняют конфликтные отношения друг с другом, так как до сих пор живут по обе стороны баррикады, возведенной родителями. Члены этих двух организаций говорят на слегка отличающихся друг от друга наречиях, посылают своих детей в разные школы и не вступают друг с другом в брак.

В 2005 году я осуществил свой давний план, который состоял в том, чтобы помочь объединиться корейцам, проживающим в Японии, а также корейцам из районов Ённам и Хонам. Я организовал в Сеуле встречу для тысячи членов организации «Миндан» и тысячи членов организации «Чхонрён» и провел для них церемонию установления братских отношений, пригласив на нее тысячу жителей района Ённам и тысячу жителей района Хонам.

Одна мысль о том, что члены организаций «Миндан» и «Чхонрён» способны хотя бы в Японии собраться и поговорить о мирном объединении Северной и Южной Кореи, — это чудо на грани фантастики! Даже просто собрать их в одном месте было практически невозможно; как же глубоко я был тронут при виде того, как эти люди сидят за одним столом и обнимают друг друга!

Один из активистов организации «Чхонрён», присутствовавший на встрече, приехал в Сеул впервые. Со слезами на глазах он признался, что глубоко сожалеет о том, что слишком много лет потратил на совершенно ненужную ему войну, тем более что он и сам не знал, в какой именно части полуострова родился его отец. Он сказал, что чувствует безграничный стыд из-за того, что прожил всю свою жизнь, понастроив бессмысленных барьеров и стен в своем сердце.

Для более глубокого понимания сути раскола на Корейском полуострове и конфликта двух сторон нам необходимо тщательно проанализировать прошлое, настоящее и вероятное будущее. У любого явления есть свои причины, и раскол на Корейском полуострове связан с давней историей борьбы между добром и злом. Когда разразилась Корейская война, Советский Союз, Китай и другие социалистические страны встали на сторону Северной Кореи.

С другой стороны, шестнадцать стран во главе с США послали в Южную Корею вооруженные войска, и еще пять государств направили туда бригады врачей и двадцать государств стали снабжать страну оружием. Какая еще война за всю историю вовлекла в противоборство столько стран? Причина, почему в войне на крохотном клочке корейской земли принял участие почти весь мир, заключалась в том, что эта война представляла собой битву между коммунизмом и свободным миром. Можно

также сказать, что Корея символически являла собой весь мир, и на ее земле сразились в жестокой схватке добро и зло.

Бывший генерал и Госсекретарь США Александр Хейг сделал неожиданное заявление, выступая в 1992 году с поздравительной речью на праздновании десятой годовщины издательства «Вашингтон Таймс»:

«Я — ветеран Корейской войны, — сказал он. — И я, как командир, получил приказ атаковать лагерь Хыннам. Мы провели самую мощную операцию, на какую только были способны, и меня глубоко тронуло известие о том, что преподобный Мун, который был отправлен туда коммунистами, благодаря нашей атаке был освобожден. Мне кажется, что я был послан туда специально ради освобождения преподобного Муна. И теперь он приехал сюда, чтобы спасти Америку! Газета "Вашингтон Таймс" поможет нам спасти американский народ, представив людям объективный, а не "правый" или "левый" взгляд на историю, и указав путь вперед. Таким образом, мы видим, что в истории не бывает случайных совпадений».

Несколько лет назад в Корее разгорелся спор о том, нужно ли демонтировать знаменитую статую генерала Дугласа МакАртура в парке Инчхон. Если бы силы ООН не вмешались в ход войны, страна не была бы разделена на Север и Юг — таков был главный аргумент сторонников сноса памятника. Я был в шоке, услышав об этом, и тут же выступил с протестом. Такую позицию могли занять лишь сторонники коммунистической партии Северной Кореи.

Несмотря на большие жертвы на глобальном уровне, Корейский полуостров до сих пор разделен. Мы не знаем, когда же, наконец, произойдет объединение, но все равно прилагаем невероятные усилия в этом направлении. На пути к объединению существует множество нелегких препятствий, которые нам нужно преодолеть. Сталкиваясь с каждым из этих препятствий, мы должны постараться устранить его и только потом двигаться дальше. Это будет очень нелегко и займет у нас много времени, однако страна непременно объединится, если мы будем трудиться с таким отчаянием, словно перед нами — река Ялу, которую нужно переплыть.

После распада Советского Союза Румыния стала последней страной в Центральной и Восточной Европе, не пожелавшей отказаться от коммунистического режима. В конце 1989 года Румыния пережила кровавый мятеж своего народа, и когда режим был свергнут, Николае Чаушеску, возглавлявший страну 24 года, был расстрелян вместе с женой. Это был жестокий диктатор, безжалостно уничтожавший всех, кто противостоял его политике. Если в какой-либо стране диктатор начинает нещадно «закручивать гайки», это говорит о том, что он боится погибнуть в результате передела власти. Я думаю, что если бы диктаторы не боялись за собственную жизнь, они бы не пускались во все тяжкие очертя голову, как это сделал Чаушеску.

Наша страна, так или иначе, скоро объединится. Поэтому политики и экономисты должны хорошо подготовиться к этому каждый в своей области. И я, как верующий человек, буду трудиться не покладая рук, чтобы с готовностью встретить день объединения Кореи, когда мы с любовью примем в свои объятия северокорейский народ и будем жить с ним в мире и согласии.

Я посвятил много времени изучению процесса объединения Германии и выслушал мнения участников тех событий, чтобы понять, как эта страна смогла объединиться без единого выстрела, не пролив ни капли крови. Я хотел отыскать самый лучший способ, который подошел бы для Кореи, и понял, что Германия смогла мирно объединиться, потому что у руководителей восточной части были гарантии того, что в случае объединения их жизнь не подвергнется опасности. Если бы правительство ГДР не имело такой уверенности, оно не пошло бы на объединение так легко.

Я пришел к выводу, что нам нужно дать такие же гарантии правительству Северной Кореи. Не так давно в Японии был опубликован роман о Северной Корее, в котором северокорейские правители то и дело просматривают видеозапись казни Чаушеску и восклицают: «То же самое будет и с нами, если нас свергнут. Поэтому нам ни за что нельзя выпускать из рук кормило власти!»

Да, это не более чем роман, к тому же опубликованный в Японии, однако мы должны учесть это и найти решение проблемы для северокорейских лидеров, чтобы Корея как можно скорее стала единой.

Достижение мира на Корейском полуострове — не такая уж трудная задача, как может показаться. Если народ Южной Кореи посвятит свою жизнь трудам во благо Севера, Северная Корея не захочет нападать на Юг, и на полуострове совершенно естественно воцарится мир.

Сила, способная тронуть сердце непокорного ребенка, — это не кулак и не грубое принуждение, а сила любви, что свободно выплескивается из сердца. Северная Корея нуждается в нашей любви больше, чем в рисе и удобрениях. И мы не должны забывать, что лишь в том случае, если мы проявим участие к ситуации Северной Кореи и посвятим свою жизнь этой стране с искренним и любящим сердцем, Север откроет свое сердце и для нас, и для всего мира.

ГЛАВА 7

БУДУЩЕЕ КОРЕИ — БУДУЩЕЕ ВСЕГО МИРА

Гармония в мире зародится на Корейском полуострове

Я так скучаю по родине, что часто бываю там во сне. Моя родина находится далеко от Сеула, в деревеньке уезда Чонджу в Северной Корее. Там есть и горы, и море. В любое время, где бы я ни находился, мое сердце всегда рвется туда, где любовь и жизнь.

Все мы появились на свет в родословии наших родителей и выросли в окружении их любви. Мы не можем забыть нашу родину, ведь там даже земля буквально пропитана родительской любовью! Вот почему чем старше мы становимся, тем сильнее скучаем по родному краю. Там — наши корни, и туда мы когда-нибудь должны вернуться. Людям очень трудно отделять себя от того, что для них жизненно важно. В 2004 году я завершил свою деятельность в США, длившуюся 34 года, и вернулся на Корейский полуостров, где пребывает Небесная удача.

Мы не можем точно зафиксировать момент, когда утро сменяется днем, и точно так же не можем определить, когда вечер становится ночью. Аналогично, люди не могут уловить момент, когда Небеса начинают действовать. В нашей жизни происходит то же самое. Наши успехи и неудачи проходят один за другим, и мы не успеваем даже заметить, где они начинаются и где заканчиваются. Это касается и судьбы государств: мы не можем определить, в какой именно момент страна приходит в упадок или начинает процветать. Небесная удача — это движущая сила нашего мира; это принцип, благодаря которому Вселенная живет и действует. Мы можем об этом и не знать, но на свете, безусловно, есть нечто, называемое Небесной удачей, с помощью которой Тот, Кто создал мир, осуществляет Свое провидение.

Вселенная живет в идеальном соответствии с некогда заведенным порядком. Все сущее в нашем мире обладает некими внутренними принципами устройства, заложенными в него еще до появления на свет. Когда рождается младенец, никто не учит его дышать или открывать глаза. Он делает это сам, без принуждения. Все, что происходит само собой, содержит в себе важный ключ к тайнам Вселенной.

Многие природные явления на первый взгляд происходят сами по себе. Однако на самом деле все далеко не так. За всеми природными явлениями во Вселенной скрывается незримая движущая сила, о которой мы даже не подозреваем и которую не можем постичь. Это касается и силы судьбы во Вселенной, или Небесной удачи.

Вселенная проходит определенные циклы, и это значит, что однажды непременно наступит прилив удачи. Если мы поймем принцип мироустройства, в соответствии с которым зима сменяется весной, а весна — летом, мы сможем предугадать, что Корею ждет светлое и ясное будущее вслед за долгой зимой горестей и неудач.

Мудрый человек может достичь созвучия с ритмами и законами Вселенной. Живя в Америке, я частенько ловил рыбу в реке Гудзон рядом с домом. Я с детства умею хорошо рыбачить, но на Гудзоне порой мне не удавалось поймать ничего, кроме одной-единственной захудалой рыбешки, и приходилось возвращаться домой не

солоно хлебавши. Рыба обычно плавает какими-то своими путями, появляясь в определенное время в определенных местах. Не зная этих путей и не имея понятия, когда на них покажется рыба, мы ничего не поймем. Если перед вами водоем, это еще не значит, что в нем полно рыбы, которая плавает туда-сюда. Если человек этого не понимает, он может просидеть с удочкой сутки напролет и ничего не поймать. То же касается и Небесной удачи. Если мы не умеем заглядывать вперед и видеть будущее, мы не разглядим Небесную удачу, даже если столкнемся с ней нос к носу. Вот почему нам так важно глубоко вникнуть в суть Небесной удачи и научиться улавливать ее направление.

Мировая цивилизация на протяжении всей истории двигалась в западном направлении. Материковая цивилизация Египта породила полуостровные цивилизации Греции и Рима и затем сместилась в сторону островной цивилизации Великобритании перед тем, как вновь перейти к матерiku — на сей раз к Америке. Цивилизация постепенно двигалась на Запад, пересекая Тихий океан и направляясь к Японии, однако развитие человеческой цивилизации на этом не закончилось. Сила, поднявшая Японию на столь высокое положение, теперь движется в сторону Корейского полуострова, и человеческая цивилизация вот-вот должна принести плоды на Корейском полуострове.

Для того чтобы островная цивилизация Японии могла поддерживать связь с материком, ей необходимо пройти через полуостров. Конечно, в Азии есть и другие полуострова, но только у Корейского полуострова есть достаточное основание, чтобы стать преемником современной цивилизации. Корейский полуостров занимает самое выгодное положение с геополитической точки зрения. С одной стороны он граничит с Японией, а с другой, пересекая воды Тихого океана, — с Соединенными Штатами. Он связан и с евразийским материком и граничит с Китаем и Россией. Вот почему Корею пришлось стать камнем преткновения в борьбе крупнейших мировых держав и в результате пережить столько страданий и невзгод.

Во времена Холодной войны мы боролись за выживание в столкновении с коммунизмом. Даже сейчас заботы и интересы мировых сил продолжают затрагивать Корейский полуостров, и Корея по-прежнему остается разделенной страной, в которой никак не может утвердиться настоящий мир. Однако теперь Корейский полуостров, где происходит столкновение интересов крупнейших держав, должен взять на себя важную роль по предотвращению конфликтов между этими державами и, как следствие, привести весь мир к гармонии и процветанию.

Небесная удача обычно приходит вместе с огромной ответственностью. И теперь, когда на Корейский полуостров снизошла Небесная удача, он должен будет сыграть роль «подшипника» и проследить за тем, чтобы эти страны не только не конфликтовали, но, напротив, активно сотрудничали друг с другом ради процветания и мира во всем мире. Шарикоподшипник нужен для того, чтобы удерживать на месте движущуюся ось и способствовать ее свободному вращению. Корею необходимо поддерживать дружеские отношения с крупнейшими державами и стать своего рода «подшипником», благодаря которому мир сможет свободно вращаться на всей земле.

Я уже довольно долгое время тщательно готовил Корею к этой роли. Я поддержал политику гласности президента Горбачева и сделал все для установления дружеских отношений нашей страны с Советским Союзом. И еще я поддержал реформы и политику открытости, проводимую Дэн Сяопином в Китае в конце 1980-х годов. Я начал работу в Китае с того, что помог университету Яньбянь открыть инженерный факультет. Даже после инцидента на площади Тяньаньмэнь, когда иностранные инвесторы отвернулись от Китая, мы остались в этой стране и вложили сотни миллионов долларов в город Хвизу в провинции Квантон.

Я делал все это не только из экономических соображений. Я — духовный лидер, а не бизнесмен. Духовный лидер — это человек, который может предвидеть будущее и подготовиться к нему. Россия, Китай, Япония и США должны научиться сотрудничать

друг с другом, опираясь на Корейский полуостров как на духовный «подшипник». Судьба Корейского полуострова — стать осью для построения мира на земле.

Когда я начал работу по упрочению отношений между Кореей, Советским Союзом и Китаем, я обнаружил, что в Корее нет даже такой основы основ, как русско-корейский или китайско-корейский словари. Но ведь если мы не научимся понимать язык друг друга, мы далеко не уедем! И когда я услышал о группе ученых, взявшихся за разработку китайско-корейского и русско-корейского словарей, я поддержал эти два проекта.

Созданием китайско-корейского словаря руководил профессор Хон Иль Щик с факультета корейской культуры Корейского университета, а несколько профессоров факультета русского языка взялись за издание русско-корейского словаря. Эти словари играют очень важную роль во взаимоотношениях между двумя Кореями и Китаем с Россией.

Если камень, лежащий на вершине самой высокой горы, упадет вниз, в своем падении он пролетит весь путь от вершины до подножья. Это самое подходящее описание для переменчивой фортуны западной цивилизации. Все знают, что Запад достиг небывалого процветания благодаря развитию науки, но теперь моральная деградация толкает его вниз, на самое дно ущелья. А дно ущелья — это Восток, который в течение многих тысячелетий делал упор на развитие духовной культуры.

В частности, Корейский полуостров — это пример слияния восточной и западной культур, а также материковой и океанической цивилизаций. Историк и философ Освальд Шпенглер выдвинул циклическую теорию возникновения, расцвета и гибели цивилизаций, скептически относясь к демократии и считая, что именно она приведет цивилизацию Запада к упадку. Он утверждал, что демократия ведома лишь жаждой наживы и что к чертам порочного могущества демократии и признакам ее нравственного упадка относятся расцвет материализма и культ науки.

И теперь, глядя на современную культуру Запада, мы видим, что некоторые его мысли оказались пророческими. Атлантическая цивилизация, процветавшая до сих пор, совершенно очевидно вступает в новую эпоху, эпоху пантихоокеанской цивилизации, расцвет которой уже не за горами. Азия, где центральную роль уже готова взять на себя Корея, постепенно выходит на первый план в современной мировой истории. В Азии живет две трети населения Земли, и все крупнейшие религии мира берут начало именно здесь. С давних пор Азия служит своего рода духовным корнем для всего человечества.

Восточная и западная цивилизации неизбежно сольются в гармонии на Корейском полуострове. Наш мир меняется с неслыханной скоростью, и теперь Небесная удача все быстрее движется в сторону Кореи. Для того чтобы Корейский полуостров мог успешно справиться с отведенной для него ролью и привести наш мир к гармонии и миру в эпоху хаоса и беспорядка, ему нужно хорошенько подготовиться. Корейцы должны покончить с прошлым, отмеченным предубеждениями и эгоизмом, и встретить новое время с ясным взором и обновленным сердцем.

От страданий и слез — к миру и любви

В том, что корейскому народу до сих пор приходилось влачить тягостное и горькое существование, есть глубокий смысл. Корее пришлось много пострадать, потому что ее страданиям суждено было стать основой для мира на земле. Эта страна слишком долго мучилась и преодолевала трудности, и теперь она — центральная страна, с которой Бог начнет распространять мир по всей земле. Хотя корейцы и вытерпели столько невзгод, они все равно никого не считают врагами и не питают к кому-либо ненависти. Некоторые страны-соседи порой доставляли нам массу проблем, однако мы никогда не видели в них заклятых врагов.

Корейская культура — это культура сердца, помогающая нам прощать своих неприятелей. Чтобы любить врагов и не осуждать их, необходимо владеть собой. Способность любить врагов приходит лишь после того, как человек научился побеждать свои собственные внутренние конфликты.

Ближе всего к Богу те, кого подвергают гонениям. Чтобы понять сердце Бога, необходимо прочувствовать Его боль и слезы. Даже тот, кто не привык плакать, не сможет сдержать слез, если потеряет свою семью и родину. Он будет рыдать и в отчаянной мольбе обращаться к Богу. Мы плачем, переживая трудности и страдания, но лишь на основании таких переживаний можно обрести Божью благодать. Бог приходит в сердце, насквозь промокшее от слез. Корея смогла снискать Небесную удачу благодаря тому, что ее народ пролил столько слез и пережил столько боли.

Корейцы чтят своих предков. Как бы мы ни голодали, мы никогда не продадим землю, на которой похоронены наши предки, чтобы добыть денег на пропитание. В течение всей истории мы сохраняли почтение и уважение к Небесам. Мы — современная и высокоразвитая нация, которая до сих пор почитает мир духов. Когда корейцы приняли буддизм и конфуцианство, эти верования помогли нам создать великолепную духовную культуру. С недавних пор здесь также начали процветать христианство и ислам. Все эти религии вполне мирно уживаются на Корейском полуострове. Они сливаются воедино и гармонично сосуществуют друг с другом. Что же помогло нам стать столь уникальным народом?

С древнейших времен мы были очень религиозными людьми, и наши сердца всегда были открыты для Слова Бога. К тому же корейцы всегда высоко ценили образование и мастерство, и поэтому мы считаем корейский язык и алфавит хангыль сокровищами, дарованными Небесами. Наш язык богат прилагательными и наречиями, с помощью которых мы выражаем свои чувства.

Мне очень нравится наш алфавит, а также термин «хунмин чоным», который означает «наставление народу о правильных звуках». Это — первоначальное название корейского алфавита хангыль, и звучит оно очень красиво! Высокое искусство хангыль пережило все эпохи и до сих пор продолжает привносить красоту в отношения между людьми даже в нынешнюю эпоху цифровых технологий. Я каждый раз поражаюсь, как с помощью самых простых сочетаний гласных и согласных можно общаться с людьми и даже имитировать любые звуки природы!

Последние тридцать лет я прошу зарубежных членов Церкви готовиться к будущему и учить корейский язык.

Совсем недавно китайские журналисты изобрели новый термин — «халлю», или «корейская волна», чтобы описать стремительное распространение современной корейской культуры по всей Азии. Возросшая популярность корейской поп-музыки, телесериалов и кинофильмов побуждает все больше и больше людей изучать корейский язык. Сейчас в Японии, Монголии, Вьетнаме и даже в Африке многие люди говорят на корейском.

И это вовсе не случайность. Душа человека живет в языке, на котором он говорит. Вот почему японцы во времена оккупации Корейского полуострова так отчаянно стремились уничтожить корейский язык: они тем самым хотели сломить душу корейского народа. И теперь тот факт, что многие люди в мире знают корейский, говорит о том, что сердце и душа корейского народа живут и процветают в нашем мире. Благодаря Небесной удаче культурное влияние Кореи продолжает расти.

Корейцы не любят обременять других своими проблемами. Будучи в Америке, я воочию увидел упрямый характер корейского народа. В США существует хорошо налаженная система социальных гарантий, но корейцы почти никогда ею не пользуются. Вместо того чтобы полагаться на поддержку правительства, они предпочитают сами находить способы зарабатывания денег на воспитание детей и заботу о пожилых родителях. Таким образом корейцы демонстрируют уверенность в своих силах. Я вижу эту черту и у корейских миссионеров, которых мы посылаем за границу: они не боятся ехать в страну, о которой почти ничего не знают. Впрочем, это касается не только миссионеров, но и бизнесменов. Как только им дают миссию, они уже готовы ехать куда угодно, бросая все и тут же срываясь с места. Они обычно не колеблются, и их не нужно ни к чему принуждать.

Благодаря предприимчивому и активному духу корейцы могут отправиться в любой уголок земли и добиться там успеха. Долгая история страданий научила нас тому, что непреодолимых препятствий не бывает. Мы умеем преодолевать любые, даже самые сложные трудности и преграды.

Если у кого-нибудь на праздник собираются гости, каждый старается занять самое лучшее место за столом. Это очень эгоистичная манера поведения. Тот же, кто спокойно садится на самое неудобное место, станет лидером в грядущую эпоху. Любого, кто прежде всего думает о том, как накормить себя самого, в будущем ждет провал. Даже если мы хотим съесть всего лишь ложечку, мы должны прежде подумать о других. И если мы хотим снискать Небесную удачу, которая приходит на Корейский полуостров, мы должны быть глубоко убеждены в том, что «другие» важнее, чем «я сам».

В прошлом у нас отнимали все, что мы любили. Во время японской военной оккупации у нас отобрали саму страну, которая оказалась расколота надвое. Нас насильно разлучили с любимыми родными и близкими, и Корея стала юдолью горечи и слез. Однако сейчас мы должны проливать слезы за весь мир. Вместо того чтобы оплакивать собственную судьбу, мы должны еще более искренно и отчаянно плакать обо всех людях на свете. Именно это надлежит делать нам, корейцам, если мы хотим, чтобы Небесная удача и далее сопутствовала нам. И если мы сделаем это, Небесная удача распространится с Корейского полуострова на весь мир. Корейскому народу была дарована прекрасная возможность оказаться в самом центре эпохи построения всеобщего мира.

Основная цель религии XXI века

Двадцатый век был веком грандиозных перемен. За какую-то сотню лет произошло больше событий, чем за предыдущие два тысячелетия. Этот век стал свидетелем двух мировых войн, а также стремительного роста, расцвета и падения коммунизма. Именно в двадцатом веке человечество повернулось спиной к Богу и с головой погрязло в материальных вещах. Каким же будет двадцать первый век? По мнению некоторых, научный прогресс доказал, что большинство религиозных верований — это не более чем предрассудки, неуместные в современном мире. Однако я утверждаю, что религия всегда была и будет уместна до тех пор, пока у людей есть душа и пока на земле не будет построен вечный мир.

Какова цель религии? Она заключается в том, чтобы построить идеальный мир Бога. Верующие проповедуют и распространяют свою веру, потому что хотят, чтобы под Божьим владычеством оказалось как можно больше людей. Если бы все люди жили под владычеством Бога, на земле царил бы мир без войн и границ. Вот почему конечной целью религий должен быть мир во всем мире.

Бог создал нашу землю, желая обрести любовь и мир. И если мы будем творить раскол, настаивая на том, что наша религия — это единственный путь к спасению, мы тем самым выступим против желания Бога. Бог хочет, чтобы каждый человек на земле трудился ради мира, согласия и совместного существования. Если кто-нибудь скажет мне, что из-за посещения церкви в его семье произошел раскол, я без колебаний посоветую ему поставить на первое место семью, ведь религия — это всего лишь средство для построения совершенного мира Бога; она не является самоцелью.

Судьба человека — свести воедино все точки зрения, настроенные друг против друга. Философия, которая будет направлять человечество в будущем, должна быть способна объединить любые религии и философии. Закончилось время, когда одна страна могла взять на себя лидирующую роль и возглавить человечество. Эпоха национализма также подошла к концу.

Если люди будут продолжать общаться друг с другом лишь в рамках отдельно взятой религии или расы, человечеству не избежать новых войн и конфликтов. Эпоха мира так и не настанет, пока мы не выйдем за рамки отдельных культур и традиций. Ни одна идеология, философия или религия, влиятельная в прошлом, не сможет принести мир и единство человечеству, столь необходимые в будущем. Нам нужна новая

идеология и философия, выходящая за рамки буддизма, христианства и ислама. Срывая голос до хрипоты, я всю жизнь призывал людей мыслить шире, выходя за рамки отдельных деноминаций и даже религий.

В нашем мире более двухсот стран, и каждая окружена границами. Они отделяют одну страну от другой, однако такое положение вещей не может длиться вечно. Преодолеть государственные границы под силу только религии. Однако религии, призванные объединять людей, вместо этого делят их на множество конфессий, которые неустанно воюют друг с другом. Мышление таких верующих, подстегиваемое эгоизмом, побуждает их ставить свою духовную группу или религию на первое место. Они в упор не замечают очевидного: наш мир изменился, и настала новая эпоха бескорыстия.

Нам будет нелегко разрушить стены между религиями, которые держались тысячелетиями, однако все они должны рухнуть, если мы желаем достичь мира на земле. Религии и деноминации должны прекратить бессмысленную войну друг с другом, найти общую основу в своих учениях и предложить конкретные пути достижения мира. В будущем для счастья всех людей одного материального благополучия будет недостаточно. Важно, чтобы конфликты между существующими религиями, культурами и расами разрешались с помощью межрелигиозного взаимопонимания и духовной гармонии.

В течение всей жизни я обращался к верующим разных религий со следующим призывом. Во-первых, уважать традиции других конфессий и делать все возможное для предотвращения конфликтов и раздоров между ними. Во-вторых, все религиозные сообщества должны сотрудничать друг с другом, служа миру. И, в-третьих, духовные лидеры всех религий должны трудиться сообща, чтобы найти возможность вместе выполнить нашу общую миссию и построить мир на земле.

Правый глаз существует ради левого, а левый — ради правого. Оба глаза нужны всему нашему телу. То же самое можно сказать и о любой другой части тела. Ничто не существует лишь ради себя. И религии существуют не ради себя, а ради любви и мира. Как только на земле воцарится мир, религии больше не будут нужны, ведь их главная цель — построить мир, в котором все люди будут жить в единстве, любви и гармонии. В этом и заключается Божья воля.

Очень непросто создать общество, в котором сердца всех людей самозабвенно стремятся к миру. Единственный способ достичь этого — постоянное образование.

Вот почему я посвящаю себя множеству проектов в сфере образования. Именно поэтому мы основали Школу искусств Сонхва еще до того, как наша Церковь смогла встать на ноги.

Школа — это святое место, где учат истине. Каковы самые важные истины, которым должны обучать в школе? Прежде всего, это познание Бога и умение видеть и чувствовать Его в окружающем мире. Во-вторых, это познание основы основ нашего существования и нашей ответственности, а также того, как мы можем выполнить ее ради блага мира. В-третьих, это осуществление цели нашей жизни и создание идеального мира, в котором мы могли бы жить. Все это можно понять и постичь лишь в том случае, если нас этому научат, вкладывая всю искренность и посвященность в течение длительного времени.

Современное образование сфокусировано прежде всего на том, чтобы создать общество по принципу «победителей не судят». В таком обществе тот, кто быстрее пришел к финишу, получает и монополию на счастье. Нельзя этому учить детей. Мы должны научить их создавать мир, в котором все человечество будет вместе жить и процветать.

Философии и методы воспитания, которыми мы руководствовались до сих пор, необходимо поменять на те, что способствуют продвижению человечества к единым целям. Если образование в Соединенных Штатах будет направлено лишь на благо США, а образование в Великобритании — на благо самой Великобритании, в будущем человечество не ждет ничего хорошего.

Педагоги должны не воспитывать в людях эгоизм, а прививать им мудрость, необходимую для решения миллиардов проблем в современном обществе.

Роль духовных наставников еще более важна. Им не нужно вдавливать народу сложные и запутанные теории и учить превосходству своей религии над другими. Вместо этого они должны прививать людям мудрость, которая поможет им полюбить все человечество и построить мир на земле. Они должны учить людей бескорыстию. Не стоит ждать в будущем счастья для всех людей, если педагоги и духовные наставники не научат наших потомков принципам мира. Ведь все люди — братья и сестры, а человечество — одна большая семья.

Самая главная мудрость, необходимая человечеству, — это познание сердца Бога и Его идеала. Поэтому роль религии до сих пор важна, особенно в XXI веке, когда науки и технологии, судя по всему, вот-вот заменят религию в объяснении принципов мироустройства.

Все религии мира должны понять, в каком направлении движется человечество, и немедленно прекратить любые распри на всех уровнях. Они не должны воевать между собой, отстаивая свою собственную честь. Религиям нужно объединить мудрость и усилия и усердно потрудиться ради построения идеального мира. Им нужно забыть о прошлых конфликтах, пропитанных ненавистью, и выработать мирные решения проблем.

Сколько бы мы ни вкладывались в дело построения мира, нам все еще предстоит сделать очень и очень много. Верующие, чья миссия — привести человечество к идеальному миру, не должны ни на миг забывать о том, что их единственная миссия и задача — быть апостолами мира.

Культурные проекты как отражение творческого начала Бога

В 1988 году в Сеуле проводились летние Олимпийские игры. Я смотрел их, сидя у себя дома, и смог разглядеть в них потенциал будущего фестиваля мира. Множество членов нашей Церкви по этому случаю съехались в Сеул со всех уголков земли. Они встречали зарубежных спортсменов и организаторов и помогали им по приезду, приветствовали участников состязаний, кормили их и дарили им сувениры в память о Корее.

Так как в этих играх приняли участие и Китай, и Советский Союз, я увидел в них событие, способное положить конец эпохе Холодной войны. Если Олимпийские игры — это фестиваль мира, они помогут нам достичь гармонии между коммунистическим блоком и демократическим миром. В день церемонии открытия я устроился в зрительской ложе на Главном стадионе Чамсиль и наблюдал за происходящим с большим удовольствием.

После Олимпиады я на волне энергии спортивных состязаний основал в Корее профессиональную футбольную команду «Ильхва Чонма». Эта команда несколько раз одерживала победу в национальном чемпионате и обзавелась множеством болельщиков. Спустя некоторое время в Бразилии, на родине футбола «в стиле самба», мы основали еще две команды: «Клуб Атлетико Сорокаба» и «Центро Эспортиво Нуова Эсперанца» (CENE), которые существуют и по сей день.

Я основал эти футбольные команды, потому что очень люблю спорт. С детства мне нравились спортивные игры, и я даже когда-то занимался боксом и восточными единоборствами. Однако футбол — это единственный вид спорта, которым я увлекаюсь до сих пор, уже в почтенном возрасте. В школьные годы я любил без устали носиться по школьному двору, пиная мяч, а теперь мне нравится наблюдать, как это делают другие. Когда в Сеуле разыгрывался Кубок мира FIFA, я смотрел матчи одновременно по трем телевизорам, чтобы не пропустить ни одной игры. Я просмотрел все матчи с участием сборной Кореи.

Футбол — это наша жизнь в миниатюре. Как бы искусно я ни вел мяч по полю, если игрок из другой команды окажется быстрее и ловчее и отберет у меня мяч, в этот момент все, что я делал до этого, утратит всякий смысл. Даже если я доведу мяч через все поле до ворот и нанесу удар, но мяч стукнется о штангу и отлетит обратно —

считаю, я проиграл. Доведу ли я мяч до ворот, зависит только от меня, но для того, чтобы забить гол, нужен не один спортсмен, а целая команда. Мне будет нужен еще один игрок, такой, как Пак Чи Сон, который поможет мне в критический момент, или Ли Ён Пхё, который ловко уведет соперников подальше от меня.

Самый важный человек в команде — тренер, который следит за игрой всей команды, стоя у кромки поля. Он не бегает по полю и не забивает голы, но его важность и влияние гораздо выше, чем у всех игроков команды вместе взятых. Подобно тренеру, который видит то, чего не видят игроки, и отдает указания, Бог видит то, чего не видим мы, и подает нам знаки. Если игроки будут исправно следовать командам тренера, они практически всегда будут побеждать. Но если тренер раздает указания, а глупцы-игроки либо не понимают их, либо игнорируют и продолжают делать все по-своему, их неминуемо ждет провал.

Футбол — это состязательный вид спорта, в котором кто-то выигрывает, а кто-то проигрывает, однако он реально способен повлиять на разные страны и укрепить их сотрудничество во имя мира. Я слышал, что чемпионаты Кубка мира собирают вдвое больше зрителей, чем Олимпиады, и это говорит о том, как много людей на земле любят футбол! Вот почему футбол, как и Олимпийские игры, имеет все шансы стать объединяющим началом для разных стран, рас, религий и культур. Для меня футбол и мир между странами — это два потенциально могущественных партнера.

Пеле, который в 1995 году был назначен министром спорта Бразилии, однажды посетил Корею и побывал в сеульском районе Ханнамдон. Люди знают его как величайшего футболиста в мире, но я, встретившись с ним, узнал его и как Пеле-миротворца. Он мечтал построить мир на земле с помощью футбола и во время нашей встречи, улыбаясь, рассказал мне об одном матче в Африке.

Вот его рассказ: «Однажды я участвовал в матче в Нигерии, где в то время шла война. Ну как, как мы должны были играть в футбол, когда вокруг то и дело взрывались бомбы? К счастью, на время нашей игры воюющие стороны приняли решение прекратить огонь. Вот тогда до меня и дошло, что футбол — это нечто большее, чем просто спорт. Футбол — это возможность построить мир во всем мире, которую поддержат все жители Земли! И тогда я решил, что хочу основать движение за построение мира на земле с помощью футбола».

Рассказ Пеле так поразил и вдохновил меня, что я крепко пожал ему руку.

Мы живем в обществе, где царит дух соперничества, и из-за этого постоянно находимся в стрессе. Из-за стресса наша жизнь проходит в напряжении, и ни о каком душевном покое не может быть и речи. Когда стресс накапливается, люди становятся раздражительными и начинают ссориться друг с другом. А спорт и искусство как раз помогают снизить уровень стресса. Все эти вещи позволяют нам «выпустить пар» и способствуют объединению людей. Причина, почему я так люблю футбольные команды, симфонические оркестры и балетные труппы, заключается в том, что с их помощью мы можем построить мир на земле. И Пеле думает точно так же!

Когда я узнал об этом, мы с ним пришли к соглашению и решили открыть новый международный чемпионат, который назвали Кубком мира[24]. Начиная с 2003 года, он проводится раз в два года, и для участия в нем мы приглашаем в Корею известные футбольные команды со всех уголков земли. Этот Кубок мира проводится поочередно с точно таким же женским турниром, который называется «Кубок Царицы мира».

Летом 2009 года мы впервые организовали мужской турнир за рубежом, в испанской Андалусии. Все сборы с этих чемпионатов идут на развитие и поддержку детских и юношеских футбольных клубов в развивающихся странах. В частности, с помощью футбола мы помогаем детям с ограниченной дееспособностью воплотить в жизнь свои мечты.

Совместно с Верховным комиссариатом ООН по делам беженцев мы провели футбольный чемпионат для молодежи в Либерии. В течение пятнадцати лет в ней велась междоусобная война, которая практически обескровила страну и народ. Либерия попала под особую протекцию ООН из-за резкого сокращения численности

населения, и теперь дети этой разоренной войной страны собираются вместе, чтобы поиграть в футбол и спеть песни о мире. И вот так, гоня мяч по полю, они учатся командному взаимодействию и честной игре — принципам, необходимым для достижения мира и согласия между кланами.

Комитет Кубка мира также планирует построить стадион мира на территории между Израилем, Палестиной и Иорданией, как можно ближе к израильско-палестинской границе. Этот стадион как часть миротворческой инициативы будет бесплатным для всех. Мы хотим пригласить известных европейских тренеров и открыть в этом регионе детскую футбольную секцию. Если взрослые только и думают, как бы нацелить друг на друга оружие, то детям хочется просто пойти на стадион и погонять мяч по полю. Люди считают этот проект нереальным и качают головой, однако мы это сделаем.

Представитель израильского правительства уже заявил нам, что этот стадион должен быть построен на израильской территории, а представитель правительства Палестины говорит, что его нужно строить в Палестине. Однако я хочу построить его так, чтобы он соединял обе стороны, и меня невозможно заставить отказаться от этой идеи. Я крайне упрям и обладаю несгибаемой волей, используя ее для достижения мечты, которая приведет к всеобщему миру.

Создание балетной труппы — это еще один пример моей силы воли. Люди говорили, что у нас ничего не получится, но в 1984 году мы основали балетную труппу «Юниверсал», и сегодня все больше и больше корейцев стало увлекаться балетом, чего никогда ранее не наблюдалось. Когда мы только создали эту труппу, в плане балета Корея была непаханой целиной. Однако теперь в этой стране появились балерины, добившиеся всемирной известности.

Каждый раз, когда я смотрю балет, мне в голову приходит мысль о том, что именно таким должно быть искусство в Царстве Небесном. Когда балерина встает на цыпочки и тянет голову вверх, к небесам, ее поза глубоко трогает мое сердце: именно так мы должны с благоговением тянуться к Богу, и именно такое движение как нельзя лучше олицетворяет пылкость наших устремлений. Благодаря балету люди могут выразить любовь к Богу с помощью движений и жестов дарованного им прекрасного тела, и это — самый возвышенный вид искусства.

История балетной труппы «Юниверсал» началась с постановки балетов «Лебединое озеро» и «Щелкунчик». Затем в ее репертуар добавились «Дон Кихот», «Жизель» и две собственные постановки — «Щимджон» и «Любовь Чунхьян». Развиваясь и совершенствуясь, труппа добилась международного успеха, и теперь она получает приглашения от ведущих театров мира. Ее танцорам удалось привнести в энергичные танцы западной балетной школы уникальную прелесть корейского танца, и их высоко ценят за умелое сочетание в своих выступлениях восточного и западного стилей. Труппа «Юниверсал» открыла свою балетную школу в округе Вашингтон; вслед за ней я основал Нью-Йоркский симфонический оркестр и хор «Певцы новой надежды».

Искусство помогает человеку воспроизвести возвышенные идеалы, воплощенные в творческих трудах Самого Бога. Бог вложил все Свое сердце в создание людей и окружающего мира — так же, как люди искусства вкладываются на сто процентов в свои произведения. Из Книги Бытия может сложиться впечатление, что все на свете появилось одним махом, стоило Богу произнести лишь слово, однако на самом деле все было совсем не так. Бог вложил всю Свою энергию в создание суши и воды; точно так же легкие движения балерин на сцене — это плоды целого творческого процесса, потребовавшего полного вложения сил.

То же можно сказать и про футбол. Успешная футбольная команда вложит всю свою энергию в 90-минутный матч. Чтобы довести мяч до ворот, игрок приложит максимум усилий и энергии, словно от этого рывка зависит вся его жизнь. Через что-то подобное прошел и Бог, когда творил наш мир. Выложиться до конца, приложить самый максимум усилий ради одного-единственного момента — именно так достигается величие, и именно это делает человека похожим на Бога.

Хозяин морей и будущее нашего мира

Из истории мы видим, что страна, имеющая выход к морю, занимает лидирующие позиции на мировой арене. Возьмем, к примеру, Англию. Когда-то ей пришлось пережить вторжения викингов из Норвегии и Швеции, но в XVI веке сразу после коронации королева Елизавета I поняла, что если Англия не станет морской державой, она потеряет все. Тогда королева взялась за укрепление морских рубежей, и благодаря ее усилиям Англия стала могущественной морской державой. Елизавета I использовала все имеющиеся средства и технологии для постройки крепких и надежных кораблей, снабжала каждый из них командой храбрых моряков и отправляла в море. Никто не знал, какая судьба ждет их в открытом море, но они отправлялись туда с риском для жизни. И в результате Англия, небольшое островное государство в Атлантическом океане, завоевала множество колоний на всех континентах и стала могущественной империей.

Западная цивилизация, центром которой была Англия, стала очень быстро развивать сферу наук и технологий. Вооружившись компасами, британские суда отправлялись в самые дальние точки земного шара. Высокоразвитая сфера научных знаний и технологий наделила эту страну возможностями, которые позволили ей замахнуться на завоевание всего мира.

У Кореи, как и у большинства стран Востока, совсем иной подход к делу. Восточные люди в поисках материальных благ никогда не сбрасывают со счетов духовный аспект, и если приходится делать выбор между духовным и материальным, они скорее откажутся от материального. Поэтому, в сущности, жизнь на Востоке всегда была труднее, чем на Западе, из-за более низкого уровня материального благосостояния. Однако тенденция Запада делать упор на материальный аспект и забывать о духовном не может длиться вечно. Цивилизация, в которой царит сплошной материализм, рано или поздно деградирует, поэтому ей необходимо воспользоваться возможностью и перенять опыт у более духовно ориентированного Востока.

Развитие цивилизации началось с Египта, затем перешло на Грецию и Рим, затем на Англию и США и теперь движется в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона, в центре которого находится Корейский полуостров. Начинается эпоха тихоокеанской цивилизации, которая соединит западный научный прогресс с духовностью Востока. Лидерами новой эпохи станут такие страны, как Корея и ее азиатские соседи. То, что Корею и Японии удалось за такое короткое время совершить столь мощный рывок вперед, к всемирной известности, — это не случайность. Развитие этих стран стало исторически неизбежным, принимая во внимание наступление азиатской эпохи.

Однако США и Россия не захотят оставаться в стороне и наблюдать, как наша страна растет и занимает лидирующее положение в мире, поэтому существует опасность серьезного конфликта, в который будут втянуты США, Япония, Россия и Китай — ближайшие соседи Кореи. И мы должны подготовиться к такой вероятности двумя путями.

Во-первых, чтобы защитить Корею, нам нужно создать прочную связь между Японией и США, а потом присоединить к ним Россию и Китай. Как это сделать? С помощью философии и стремления к единству. Единственная философия, способная прекратить войны между религиями и открыть путь к миру на земле, — это философия, провозглашающая объединение всего человечества вне расовых, национальных и религиозных рамок. Чтобы защитить себя от угрозы войны, Корея должна распространить на весь мир Философию Объединения.

Во-вторых, нам необходимо подготовиться к наступлению новой, океанической эпохи. Мы живем на пороге эпохи Азиатско-Тихоокеанского региона, и поэтому страны, не имеющие выхода к морю, в эту эпоху не смогут занять лидирующие позиции. Если на нас низойдет Небесная удача, а мы не будем готовы, мы не сможем использовать эту возможность. Если мы знаем, что тихоокеанская эпоха вот-вот начнется, и если Корея хочет стать лидером новой эпохи, она должна серьезно подготовиться.

Рыба — далеко не единственный ресурс океана. Гораздо больше ценится его способность вырабатывать энергию. Поскольку запасы сырой нефти подходят к концу, кризис источников энергии ощущается все сильнее день ото дня. Если в мире закончится нефть, наша цивилизация тут же погрузится в кромешную тьму. Существует способ добычи энергии из зерна, но эта идея не кажется реалистичной, поскольку еды не хватает даже для того, чтобы в достаточной мере прокормить население Земли.

Поэтому единственным реальным источником энергии остается океан. Энергия, добываемая из водорода, производимого океаном, — это будущее человечества.

Две трети поверхности Земли покрыты водой, и это значит, что две трети сырья, необходимого человеку в будущем, содержится в морских водах. Без океанических ресурсов у человечества нет пути к новому будущему. Развитые страны уже добывают из океана нефть и природный газ и продают по завышенным ценам. Мир только приступает к разработке ресурсов моря, и не за горами тот день, когда человечество будет полностью зависеть от океана.

Океаническая эпоха не настанет без наших усилий. Сначала нам нужно выйти в море на судах и побороться с волнами. Если же нам не хватает на это мужества, мы не сможем подготовиться к приходу океанической эпохи. Страна, которая завоеует океан, займет и лидирующее положение на мировой арене, и все люди с готовностью станут изучать ее язык и культуру. Корея должна сыграть главную роль в эпоху Азиатско-Тихоокеанского региона, поняв волю Творца и научившись бережно и эффективно использовать дарованные Им ресурсы.

Прекрасные возможности, открывающиеся перед нами в океаническую эпоху

Океан вполне может стать связующим звеном для объединения мира. Чтобы покорить океан, нужно научиться жить в нем так же легко и свободно, как и на суше. Пытаясь научить людей рыбачить, я посылаю в море десять маленьких шхун в сопровождении одного большого судна. Когда они покидают порт, большое судно тянет на буксире десять маленьких, но после выхода в открытое море эти десять шхун становятся самостоятельными. Они должны сами определить направление ветра, исследовать морское дно и отыскать косяки рыб. Всему этому они должны научиться самостоятельно.

Мне нравится выражение «дух Аляски». Это означает привычку вставать в пять утра, выходить в море и возвращаться домой далеко за полночь; летом в это время еще светло. Рыбак с «духом Аляски» остается в море до тех пор, пока не выловит дневную норму рыбы. Нельзя стать заправским рыбаком, если не научиться выдерживать такой образ жизни.

Рыбалка — это не увеселительная прогулка. Сколько бы рыбы ни водилось в море, сама она ни за что не запрыгнет к вам в лодку! Чтобы ее поймать, нужны специальные знания и богатый опыт. Рыбак должен уметь сам чинить сети и закреплять якорный трос. Если вы прошли хорошую тренировку и стали настоящим рыбаком, вы сможете отправиться куда угодно и стать хорошим лидером. Обучение рыбной ловле — это еще и прекрасный способ воспитания лидеров.

Для господства над океаном нам потребуются суда и подводные лодки, которые могут отправиться в любую точку земного шара. Корея уже вышла на первое место в мире по судостроению, и у нее есть все шансы стать могущественной морской державой. Ей лишь нужно, чтобы как можно больше людей захотело посвятить себя морскому делу.

Жители Кореи являются потомками Чан Бо Го, богача XIX века, который занимался международной морской торговлей и за это получил прозвище «Царь океана». Мы издревле строили корабли и выходили в море, сражаясь с волнами и побеждая их.

Обычно люди боятся морских волн, ведь при усилении ветра они становятся штормовыми. Такие шторма необходимы, чтобы морская вода могла насытиться кислородом, и если на море слишком долго стоит штиль, море начинает умирать. Как

только мы поймем ценность волн, мы перестанем их бояться. Если подует ветер и море вздыбится штормовыми волнами, мы сразу вспомним о том, что эти волны помогают рыбе жить, и тогда они станут для нас частью притягательной силы моря.

Сотней футов ниже поверхности моря нет никаких волн. Если мы спустимся на дно океана в подводной лодке, там будет так холодно, что не понадобится никаких кондиционеров. Рыба выбирает ту глубину, на которой держится подходящая для нее температура, и, сбиваясь в косяки, исполняет чудесные танцевальные пируэты. Подобно нашей труппе «Маленькие ангелы», танцующей с веерами, рыба пестрит многообразием оттенков и легонько машет плавниками. Она обитает в царстве красоты и покоя. И наш мир скоро станет таким же мирным и спокойным.

Сам факт наступления океанической эпохи говорит о том, что у Кореи вскоре появится возможность изменить мир. Жителям полуостровов приходилось на протяжении всей истории отражать нападения с моря и суши. Для того чтобы выжить, им приходилось воспитывать в себе суровый характер. То, что цивилизация развивалась на полуостровах — таких как Греция или Италия, — вовсе не случайность. Эти страны добились развития и процветания благодаря предприимчивости, жесткости и жажде приключений, которые были необходимы им, чтобы распространить свое влияние и на суше, и в море.

Вы когда-нибудь слышали о Темном течении, или Куроисио? Это пограничное течение в северо-западной части Тихого океана,двигающееся со скоростью четыре тысячи миль в год и зависящее от гравитационного притяжения Луны. Это — океанический круговорот, описывающий круг по всему Тихому океану. Сказать про него «грандиозный», «потрясающий» — значит ничего не сказать.

Все океаны мира подчиняются той же движущей силе, что и Темное течение, и все остальные океанические течения. Без этих течений океаны замерли бы в неподвижности и погибли. Так же, как самые широкие и полноводные реки рано или поздно впадают в море, даже самые бескрайние океаны должны приводиться в движение течениями, подобными Темному.

Корейскому народу необходимо взять пример с Куроисио и позволить потоку своей миролюбивой культуры оказать влияние на весь мир. Мы должны стать для мира источником силы, в котором сосредоточены и мирно уживаются друг с другом все жизненные силы.

Я много раз бывал на южном побережье Кореи, пытаюсь найти место, которое могло бы стать центром тихоокеанской цивилизации, и я думаю, что на эту роль больше всего подходят Йосу и Сунчхон. Море у побережья Йосу спокойное и чистое, как зеркальная гладь. Именно здесь адмирал Ли Сун Щин нанес сокрушительное поражение японцам в конце XVII века, и здесь же погиб в бою. История Йосу богата морскими сражениями; к тому же именно здесь проходит граница между районами Йонам и Хэнам. Здесь же, в предгорьях Чирисан, после Корейской войны произошла схватка «правых» и «левых» сил. Можно сказать, что все эти земли пропитаны болью нашего народа.

В бухте Сунчхон, знаменитой своими тростниковыми отмелями, располагаются красивейшие и известные на весь мир песчаные пляжи; чуть дальше от берега, в чистой морской воде, мерцающей на солнце, можно поймать множество самой разной рыбы. В спокойных водах бухты водятся морские ушки и коричневые водоросли, а на широких приливных отмелях — сердцевидки и другие моллюски, а также карликовые осьминоги. В тех краях я частенько выходил в море и взбирался на горы. Без сомнения, у этой прекрасной земли есть все необходимое для наступления тихоокеанской эпохи.

Сейчас я занимаюсь развитием и благоустройством южного побережья Кореи — в частности, Йосу. В качестве подготовки я побывал на острове Комундо и других островах в том же районе и прожил там несколько месяцев. Люди, которые жили и занимались там фермерством и рыбной ловлей последние несколько десятилетий, стали моими учителями.

Я ел и спал в скромных деревенских гостиницах, стараясь научиться всему как можно лучше. Причем я учился не только по книгам: я пешком обошел эти края, желая увидеть все своими глазами. И теперь я знаю, какие виды рыб водятся в тех или иных водах и какими сетями их нужно ловить, какие деревья растут в горах и в какой избушке на острове живет одинокий старик, переживший инсульт.

В тот день, когда закончились мои исследования на южном побережье, я взял с собой деревенского старосту, который помогал мне, и отправился с ним на самолете на Аляску. Он научил меня всему, что знал сам, и я хотел оказать ему ответную услугу, научив всему, что знаю об Аляске. Мы отправились с ним на рыбалку, и я рассказал обо всех видах местных рыб и о том, как их нужно ловить. Даже если мои знания о чем-то крайне скудны, я не успокоюсь, пока не поделюсь ими с другими.

Вскоре после того, как я занялся благоустройством Йосу, это место выбрали для проведения выставки ЭКСПО в 2012 году. Эти международные выставки наравне с Олимпийскими играми и турнирами Кубка мира входят в тройку самых значимых фестивалей мирового уровня. В течение шести месяцев, когда в Йосу будет проходить ЭКСПО-2012, 154 страны-участницы Международного выставочного комитета будут следить за организацией различных выставок. Все это привлечет к Йосу внимание всего мира, и к нему начнут стекаться технологии и культурные достижения развитых стран.

Вы когда-нибудь наблюдали, как по летнему небу быстро-быстро бегут облака? Стоит им поймать ветер, как они уже несутся во всю прыть над горами и океанами. Сейчас не время для колебаний. Небесная удача сдувает наш мир, словно облака, в сторону Йосу и Корейского полуострова.

Я планирую соединить мостами все острова в южной части побережья и построить там деревеньки, куда могли бы съезжаться моряки-любители со всех стран мира. Это будут не курорты, куда люди ездят развлекаться; туда съедутся гости из Америки, Германии, Японии, Бразилии и Африки. Они будут выходить в море на рыбалку на разных судах и, по моей задумке, жить под одной крышей, чтобы показать людям, что человечество — это одна семья.

Грядущая эпоха станет также эпохой авионавтики и космических путешествий. Приходит время, когда хорошо развитые аэрокосмические технологии становятся жизненно необходимы. Корея не успеет вывести развитие космических технологий на должный уровень, если не начнет это делать прямо сейчас. По этому причине я взялся за строительство авиапромышленного комплекса «Кимпхо» в провинции Кёнгидо.

Я планирую производить там известные во всем мире вертолеты — такие, как вертолеты компании «Сикорски». Не за горами тот день, когда вертолеты, отмеченные корейской символикой тхэгукки, разлетятся по всему свету.

Простой одуванчик дороже золота

Вот три главные проблемы современного общества, которые необходимо решить: остановить загрязнение окружающей среды, привить людям бережное отношение к природе и увеличить производство продуктов питания. Нашей Земле уже нанесен непоправимый ущерб: безудержная алчность в погоне за материальными благами привела к серьезному загрязнению воздуха и воды, что самым губительным образом отразилось на природе, включая озоновый слой, который нас защищает. Если так будет продолжаться и дальше, человечеству придется иметь дело с последствиями, оказавшись в ловушке безрассудной гонки за материальным благосостоянием.

Последние двадцать лет я трудился над тем, чтобы поддержать и сохранить район Пантанал в Бразилии. Пантанал, куда входят части Бразилии, Боливии и Парагвая, — это крупнейшая заболоченная территория в мире. Она входит в список всемирного наследия ЮНЕСКО. И я основал глобальное природоохранное движение для того, чтобы сохранить флору и фауну Пантанала в изначальном виде — такими, какими их создал Бог.

Пантанал, где вода, суша, животные и растения живут в гармоничном союзе, — это изумительное место. Его красоту и ценность не описать столь простыми и

безыскусными словами, как «красиво» и «сказочно». Фотографии этой местности, снятые с воздуха, настолько великолепны, что коллекция этих фото является одной из самых быстро раскупаемых в мире. Это — природный кладезь драгоценностей, в котором обитают редчайшие виды животных, такие как белогрудый капуцин, рыжий реун, ара, ягуар, анаконда, страус и кайман.

Флора и фауна Пантанала и бассейна реки Амазонки сохранились нетронутыми со времен сотворения, так что Пантанал — это современный Эдемский сад. Люди уничтожили великое множество живых существ, созданных Богом: слишком много видов животных и растений исчезли с лица Земли из-за алчности человека. Однако в Пантанале все это осталось нетронутым — таким же, как в первозданные времена. Я планирую открыть на этой земле особый заповедник для птиц и насекомых, чтобы уберечь редкие и исчезающие виды от вымирания.

Пантанал, родина множества животных и растений, также является важным источником кислорода для нашей планеты. Еще он впитывает газы, вызывающие парниковый эффект. Однако сейчас Пантанал начал стремительно меняться вслед за развитием промышленности. Если погибнет Пантанал, а вместе с ним и район реки Амазонки, производящий так много кислорода для нашей Земли, у человечества не будет будущего.

В Пантанале обитают сотни видов рыб. Одна из них — золотая рыбка дорадо, вес которой может превышать двадцать шесть килограммов. Когда такая рыбина впервые попала мне на крючок, я почувствовал, что меня вот-вот утянет за ней в реку. Пока я, выбиваясь из сил, сматывал леску, она несколько раз выпрыгнула из воды: после нескольких таких подсакиваний у нее еще хватало сил бороться! Это была не рыба, а настоящий медведь или даже тигр — столько силы и мощи в ней было!

Озера в Пантанале практически всегда чисты и прозрачны. Что бы ни попало в воду, она почти сразу вновь становится чистой. Озерные воды очищаются так быстро потому, что заболоченная земля хорошо фильтрует осадки и атмосферные загрязнения, и поэтому там водится множество самых разных видов рыб, каждый из которых питается чем-то своим. Обитая все вместе в одной замкнутой экосистеме, они поглощают все, что загрязняет воду. Таким образом, просто питаясь, они позволяют воде всегда оставаться чистой. В этом рыбы отличаются от людей, ведь рыбы не живут ради себя, а являются частью единой сбалансированной системы. Они помогают очищать окружающую среду и улучшают ее.

Обратная сторона листьев водяного гиацинта, растущего в заболоченных районах Пантанала, черным-черна от облепивших ее жуков. Если бы эти жуки сидели там вечно, гиацинт не смог бы выжить, поэтому в тех краях водятся рыбы, которые объедают насекомых с листьев. Таким образом выживают и гиацинты, и рыбы, и жуки. Так устроено все в природе. Ни одно существо не живет ради себя: нет, они живут друг ради друга. Вот какой потрясающий урок дает нам природа!

Сколько бы рыбы ни водилось в Пантанале, если людям дать полную свободу рыбачить, ее количество будет неуклонно сокращаться. Чтобы сберечь эти виды рыб, нам нужно построить рыбные фермы. Рыба в Пантанале очень редкая и бесценная, поэтому нам понадобится много рыбных ферм и заповедников для сохранения насекомых, птиц и млекопитающих. Если мы будем разводить насекомых, благодаря этому увеличится численность птиц. В Пантанале самые лучшие условия для обитания любых живых существ, и если люди позаботятся об увеличении их числа, мы сможем радоваться их наличию еще долгие века.

Пантанал богат не только рыбой. На берегах рек растут ананасы, бананы и манго. Рис там растет так хорошо, что в год можно снимать целых три урожая, даже не прибегая к орошению полей. Вот какая плодородная там почва! Злаки вроде фасоли и кукурузы будут там расти, даже если их просто рассыпать по земле. Для этого потребуется минимум усилий со стороны человека.

Однажды, спускаясь на лодке вниз по реке Парагвай, мы причалили у домика, стоявшего на самом берегу. Фермер, который там жил, увидел, что мы проголодались,

и отправился на огород, чтобы выкопать немного клубней батата. Они были размером с арбуз! Фермер рассказал нам, что если просто оставить корень в земле, в течение нескольких лет на нем будут вырастать новые клубни. При мысли о том, что сладкий картофель приносит урожай даже без ежегодной посадки, у меня возникло сильное желание привезти его в страны, где так не хватает продуктов.

Те, кто ратует за осушение и разработку болотистых почв, подчеркивают экономические выгоды от этой затеи. Однако Пантанал способен принести немалую экономическую выгоду и в первозданном виде, оставаясь болотистым краем. Здесь растут нетронутые леса эбенового дерева, и местные жители утверждают, что в эти деревья можно вбивать хоть стальные стержни — они все равно проживут более сотни лет. Из этих деревьев получают эбеновую древесину, которая не гниет и, по словам людей, сохраняется дольше металла.

Только представьте, что у нас есть целые леса таких бесценных деревьев! Мы засадили саженцами эбеновых деревьев четыреста гектаров земли в Пантанале, и эти деревья, посаженные членами нашей Церкви, помогли Пантаналу стать еще прекраснее.

Природу губит людской эгоизм. Соперничество людей, желающих найти кратчайший путь к экономическому процветанию, — вот главная причина ухудшения состояния окружающей среды на планете. Мы не можем допустить ее дальнейшего загрязнения. Все верующие должны показать пример, спасая природу, ведь природа — это творение Бога и Его дар человечеству. Мы должны как можно скорее пробудить в людях понимание ценности природы и сознательное желание восстановить ее, вернув ей изобилие и свободу времен сотворения.

До людей постепенно начинает доходить, какое сокровище являет собой Пантанал, и они начинают бороться за эти земли. Получается, что местность, которую мы должны защищать и беречь, вот-вот станет полем битвы жаждущих наживы людей.

Последние десять лет я привозил в Пантанал лидеров разных стран и спонсировал дискуссии о том, как защитить этот регион, а также экологическую среду в других регионах планеты. Я собираю экспертов-экологов и ученых со всего мира, пытаюсь заинтересовать их проблемой сохранения Пантанала, и тружусь над тем, чтобы сберечь эти земли от беспощадной жадности людей.

Чем серьезнее становятся проблемы экологии, тем больше возникает природоохранных организаций. Однако лучшее движение по защите окружающей среды — это движение, распространяющее послание любви. Люди обычно заботливо относятся к тому, что принадлежит им самим или тем, кого они любят, однако им нет дела до мира природы, созданного Богом, и они не любят его. Бог даровал этот мир человечеству, и Его воля заключалась в том, чтобы мы использовали природу как пропитание, наслаждались ее щедрыми дарами и жили в окружении ее красоты. Природа — это не игрушка, которую можно использовать и выкинуть вон. Нужно, чтобы множество поколений наших потомков могло так же положиться на природу, как это делаем мы.

Лучший способ защитить природу — научиться любить ее. Мы должны быть способны растрогаться даже при виде пучка травы, растущего на обочине дороги, или, крепко обняв древесный ствол, разрыдаться в голос. Нам нужно развить способность чувствовать дыхание Бога даже в прибрежной гальке или в легком порыве ветра. Заботиться о природе и любить ее — значит, любить и Бога. Мы должны относиться к каждому живому существу, созданному Богом, как к объекту нашей любви. Раскрыв свои духовные глаза, мы увидим, что простой одуванчик, растущий на обочине, гораздо ценнее золотых царских корон.

Решение проблемы нищеты и голода

Если вы никогда не голодали, вы не сможете познать Бога. Чувство голода — это возможность стать ближе всего к Богу. Если вы голодны и при этом способны со смирением относиться к окружающим людям как к близким родственникам, желая им

помочь, вы гораздо быстрее получите помощь. В таких ситуациях очень важно хранить в своем сердце сочувствие и доброту.

Голод — это проблема не только малоразвитых государств. Даже в США, в стране с одним из самых высоких уровней жизни в мире, миллионы людей недоедают и даже голодают. Когда я отправился в Соединенные Штаты, я в первую очередь закупил грузовики, чтобы раздавать пищу бедным людям.

Если же говорить о положении бедных стран, то оно вообще отчаянное до ужаса. Глядя на общую ситуацию в мире, я почувствовал, что важнейшая задача в наше время — обеспечить людей достаточным количеством пищи. Решение проблемы голода немыслимо отложить даже на миг. Даже сейчас в мире от голода и связанных с ним проблем ежедневно умирает около двадцати тысяч человек. Мы не можем напускать на себя равнодушие лишь потому, что нам и нашим ближайшим родственникам ничего не грозит.

Однако если мы будем просто раздавать еду, это не решит проблему голода. Здесь необходим куда более серьезный подход. Я думаю, здесь можно применить два конкретных фундаментальных метода. Первый метод — обеспечить достаточные запасы недорогих продуктов, а второй — снабдить людей технологиями, с помощью которых они смогут победить голод своими собственными силами и средствами.

В будущем проблема голода обернется для человечества глубочайшим кризисом. Мы не сможем построить мир на земле, не решив проблему голода. Невозможно снабдить всех людей в мире достаточным количеством пищи, используя для ее производства ограниченные территории, доступные для этой цели. Для решения проблемы нам нужно заглянуть в глубь океана: именно там содержится ключ к решению проблем голода в будущем. По этой причине я несколько последних десятилетий занимаюсь исследованием и разработкой ресурсов океана.

На Аляске водится сайда; это рыбка длиной менее 15 дюймов, которую используют в качестве удобрения. Из этой рыбки получилась бы отличная еда, но люди не умеют ее готовить и поэтому используют как удобрение. Еще двадцать-тридцать лет назад мы могли бы попросить любого западного мясника отдать нам бычьи хвосты, и он отдал бы их бесплатно. Корейцы с удовольствием готовят блюда из говяжьих костей и внутренностей, однако жители Запада зачастую даже не догадываются о том, что они вполне съедобны.

То же касается и рыбы. Примерно двадцать процентов рыбного улова во всем мире просто выбрасывается. Глядя на это, я думаю о людях, умирающих от голода, и мне становится больно. Рыба — это гораздо лучший источник протеина, чем говядина. Как было бы здорово приготовить для жителей бедных государств пироги или сосиски из рыбы!

Как только эта мысль пришла мне в голову, я тут же занялся разработкой проектов по сохранению и переработке большого количества рыбы. Нет никакого смысла вылавливать огромное количество рыбы, если вы не в состоянии разумно использовать весь улов. Даже самую лучшую рыбу невозможно сохранить свежей более восьми месяцев. Даже если ее заморозить и хранить в морозильной камере, в нее все равно попадет воздух через трещинки во льду, и она потеряет влагу. Конечно, эту рыбу можно залить водой и снова заморозить, но тогда она полностью утратит свои вкусовые качества, и ее в любом случае придется выбросить.

Мы же забираем эту рыбу, которую иначе просто выкинули бы, и с успехом перерабатываем в рыбный порошок. Мы преуспели в том, с чем не справились даже такие развитые страны, как Франция и Германия. Рыбу, превращенную в порошок, можно без проблем перевозить и хранить где угодно, даже в жарком и влажном климате. Рыбный порошок на 98% состоит из чистого протеина и является продуктом с самым высоким содержанием протеина. Вот почему с его помощью можно спасти людей, умирающих от голода. Из рыбного порошка можно также печь хлеб. Мы ищем возможности снабжать этим порошком бедные и развивающиеся страны мира.

Океан скрывает в себе нескончаемые запасы пищи, однако лучший способ спасти человечество от голода — это разведение рыбы. Я уже вижу громадные здания, подобные небоскрегам в крупных городах, построенные специально для разведения рыбы. С помощью системы водоснабжения можно выращивать рыбу в высотных зданиях или даже на вершинах гор. Благодаря разведению рыбы мы сможем произвести достаточное количество пищи, чтобы накормить все население Земли.

Океан для нас — это Божье благословение. Когда я выхожу в море, я полностью сосредотачиваюсь на рыбалке. В разных странах мне на удочку попадалась самая разная рыба. Я занимаюсь рыбной ловлей еще и для того, чтобы научить рыбачить тех, кто этого не умеет. В Южной Америке я несколько месяцев подряд учил местных жителей ловить рыбу. Я сам распутывал рыболовецкие сети и тратил три или четыре часа на то, чтобы показать людям, как правильно их распутывать.

Чтобы обеспечить себя необходимым запасом недорогой еды, человечеству придется исследовать ресурсы океана. Именно океанские глубины плюс обширные травянистые луга, сохранившиеся в первозданном виде, станут для нас источником благополучия. Однако эта задача будет не из легких. Нам придется отправиться туда, где из-за жаркого и влажного климата нелегко трудиться с полной самоотдачей и посвященностью. Культивировать целину в тропических районах невозможно без страстной и посвященной любви к человечеству.

Жардим, город в Бразилии, — как раз одно из таких мест. Жить там крайне тяжело. Там очень жаркий климат и великое множество самых разных насекомых, неизвестных науке, которые отчаянно кусаются. Я жил в тех местах и подружился со всей местной живностью. Еще я привык ходить босиком, ощущая под ногами красную жардимскую почву и своим видом напоминая местного крестьянина. Отправляясь на речку порыбачить, я выглядел как самый настоящий рыбак.

Лишь в том случае, если местные жители, глядя на вас, говорят: «Взгляните-ка — он настоящий фермер! Это настоящий рыбак!» — вы получаете право перенять у них знания и навыки и в свою очередь чему-то их научить. Все это будет не под силу тому, кому необходимы восемь часов сна в чистой и удобной кровати, сытное трехразовое питание и возможность время от времени вздремнуть под тенистой кроной дерева.

Трудясь над одним из проектов в Парагвае, мы вместе с группой членов Церкви жили в маленькой хижине в Форт-Олиμπο рядом с рекой Парагвай. Там был всего один туалет, и каждое утро к нему выстраивалась очередь. Я вставал ежедневно в три утра, делал зарядку и отправлялся на рыбалку. Из-за этого нашим членам, которые были со мной, было весьма нелегко. Им приходилось рано поутру управляться с наживкой еще до того, как окончательно проснуться.

Когда мы брали лодку и выходили в море, нам приходилось миновать несколько частных территорий и лишь затем становиться на якорь. Открывать одни ворота за другими в кромешной тьме было делом непростым. Однажды утром члены слишком долго возились с одним из замков, безуспешно пытаясь открыть его, и я закричал на них: «Что вы там делаете?!» Я кричал так громко и яростно, что даже сам удивился — представляю, как неловко было нашим братьям...

Однако я чувствовал, что не могу позволить себе потерять впустую ни секунды; у меня просто нет времени безучастно сидеть и ждать. Перед моими глазами постоянно висит список дел, которые я должен закончить до того, как будет построен мир на земле, поэтому я нахожусь в постоянной спешке.

Когда я рыбачил на речке перед рассветом, надо мной черными тучами кишели комары. Их жала были такими острыми, что прокусывали даже двойную джинсовую ткань! В предрассветной тьме мы не видели своих поплавков, поэтому нам приходилось привязывать к леске белые пластиковые пакеты. Я просто не мог ждать, пока взойдет солнце. Я слишком спешил...

Я до сих пор скучаю по Жардиму. Я скучаю по всему, что там было. Закрыв глаза, я чувствую, как горячий ветер Жардима обдувает мое лицо. Незначительные неудобства для тела — это мелочи жизни; все наши физические страдания быстро

забываются. Гораздо важнее то, что этот город однажды сыграет значительную роль в служении миру. В Жардимае я был по-настоящему счастлив.

Чтобы покончить с проблемой голода, одной благотворительности недостаточно

Чтобы решить проблему голода, нам нужно обрести терпение и готовность сажать семена. Будучи посеянными, они невидимками сидят в земле и ждут, когда придет время прорасти и пробить внешнюю оболочку. Точно так же гораздо лучше и перспективнее научить человека сеять и собирать пшеницу, а потом печь из нее хлеб, чем просто дать кусок хлеба умирающему от голода. Первое сделать труднее, чем второе; к тому же первое не принесет вам должного признания общественности, но это — единственный способ кардинально, раз и навсегда решить проблему голода. Нам нужно начать с изучения климата, почвы и характера людей, живущих в голодающих странах.

В Африке растут деревья под названием моринга. Жители Конго используют их листья, имеющие большую питательную ценность, чтобы сытнее накормить своих детей, а также откармливают листьями скот перед тем, как вести его на рынок. Еще они размалывают эти листья каменными жерновами, добавляют масло и жарят, завернув в глину, чтобы потом съесть.

Можно было бы посадить целую плантацию деревьев моринга и потом делать из них муку, перемалывая все дерево целиком, кроме ядовитого корня, а потом печь из этой муки хлеб. Многие страны могли бы перенять этот опыт и посадить у себя такие деревья. Есть еще иерусалимские артишоки, напоминающие сладкий картофель, которые растут очень быстро, стоит только посадить их в землю. Их урожай был бы в три раза больше обычного количества зерна, поставляемого в качестве гуманитарной помощи. Обширные плантации иерусалимских артишоков — еще один способ решения проблемы голода в мире.

В Жардимае люди для обработки земли используют больших земляных червей, которые делают почву невероятно плодородной. Эти черви водятся лишь в Южной Америке, но мы могли бы изучить их получше и использовать для облагораживания земель в других районах. Корейцы ведь ездят в Мато-Гроссо изучать тутовых шелкопрядов; если нам удастся разводить их там, мы могли бы начать производство недорогого шелка и продавать его, чтобы на эти деньги закупать продовольствие.

Не существует мгновенного решения проблемы голода в мире. Люди в разных странах имеют разные вкусы и разные традиции, да и флора с фауной везде разные. Однако для нас важнее всего научиться заботиться о ближних. Мы должны воспитать в себе такое отношение, что если у нас достаточно пищи, чтобы набить себе живот, нам нужно позаботиться о тех, кто голоден, и подумать о том, как им помочь. Настоящий мир не наступит до тех пор, пока человечество не решит проблему голода. Если кто-то рядом со мной умирает от голода, мир становится недоступной роскошью.

Научить людей навыкам самостоятельного производства продуктов питания не менее важно, чем раздать еду нуждающимся. Чтобы привить людям эти навыки, нужно построить школы в труднодоступных районах для борьбы с неграмотностью, а также технические учебные заведения, чтобы научить людей самостоятельно обеспечивать себя. Жители Запада, колонизировавшие Африку и завоевавшие Южную Америку, не снабдили необходимыми технологиями местных жителей, а просто использовали их как рабочую силу, чтобы выкопать и вывезти из этих стран все природные ресурсы. Они не учили людей земледелию или управлению предприятиями, и в этом их большая ошибка. Вот почему члены нашей Церкви с первых же дней зарубежной миссионерской работы стали строить школы и училища в таких странах, как Конго, чтобы научить местных жителей развивать сельское хозяйство и промышленность.

Другая проблема, с которой сталкиваются жители голодающих районов, — это невозможность позволить себе медицинское обслуживание в случае болезни. На другом конце земного шара жители развитых стран пичкают себя множеством ненужных лекарств, а люди в голодающих районах часто умирают из-за того, что не

могут позволить себе самых простых лекарств от той же диареи. Поэтому наравне с устранением проблемы голода нам нужно позаботиться и о медицинской помощи, построив больницы для людей, страдающих хроническими недугами.

К примеру, построив в бразильском Жардике несколько ферм «Новая надежда», я открыл госпитали в более чем тридцати окрестных деревушках, снабдив их необходимым медицинским оборудованием. Фермы «Новая надежда» — хороший пример того, как все люди могут жить в мирном содружестве. Под эти фермы мы распахали огромные территории, а чуть выше, в горах, построили ранчо для скота.

Фермы «Новая надежда», хоть и расположены в Бразилии, принадлежат не только жителям этой страны. Любой, кому приходится голодать, может поехать туда, поработать и тем самым прокормить себя. На этих фермах одновременно может трудиться и жить около двух тысяч человек любых рас и национальностей. Еще мы планируем построить там ряд образовательных учреждений, начиная с начальных школ и заканчивая университетами, чтобы учить людей вести хозяйство и выращивать скот. И еще мы научим их сажать и выращивать деревья, а также ловить, перерабатывать и продавать рыбу. У нас там есть не только фермы; мы используем множество озер рядом с речкой, чтобы построить рыбные фермы и оборудовать рыбацкие уголья.

Район Чако в Парагвае занимает 60% территории страны, однако эти земли никем не используются. Этот район образовался, когда море вышло из берегов и залило часть суши, и даже сейчас, стоит там копнуть землю, из нее может брызнуть соленая вода. Впервые я побывал в Парагвае уже после того, как мне исполнилось семьдесят. На земле, которая слишком долго была заброшена, люди жили в крайней нищете, и мне было очень больно видеть их страдания. Я искренне хотел помочь им, но они не были готовы с легкостью принять мою помощь — помощь человека другой расы, говорящего на другом языке.

Однако я не сдавался. В течение трех месяцев я путешествовал по реке Парагвай, останавливаясь на ночлег у местных жителей. В семьдесят с лишним лет я взвалил на себя задачу, которую другие считали непосильной. Я делился навыками рыбалки со всеми, кто встречался мне на пути, а они учили меня языку. Мы плыли вместе на одной лодке и за три месяца успели подружиться.

Как только люди начали доверять мне и открывать свою душу, я снова и снова стал рассказывать им, почему мир должен объединиться. Сначала они отнеслись к моим словам равнодушно, однако с течением времени жители Парагвая начали потихоньку менять отношение и за десять лет изменили его настолько, что с большим вдохновением и энтузиазмом провели Глобальный фестиваль мира.

Когда проблема голода будет решена, это вовсе не значит, что вслед за этим на земле тут же воцарится мир. После того как мы избавимся от голода, нужно будет организовать образовательные программы о мире и любви. Я построил множество школ в таких местах, как Жардик и Чако. Сначала местные жители не хотели посылать детей учиться, чтобы те вместо этого помогали им пасти скот, но мы изо всех сил старались убедить их, что детям и молодежи необходимо образование, и в результате у нас теперь много учащихся. Еще мы построили предприятие легкой промышленности, чтобы с помощью самых простых технологий производить необходимые вещи, и у детей и подростков появился стимул ходить в школу, чтобы потом работать на предприятии.

Все мы несем ответственность за жителей ближних и дальних уголков Земли, которые умирают от голода, и мы должны что-то предпринять, чтобы помочь им. Нам необходимо прочувствовать свою ответственность и найти способ накормить их и спасти. Богатым и обеспеченным людям нужно спуститься на одну ступеньку ниже и помочь подняться тем, кто живет в нищете, чтобы на земле наступил мир, в котором всем людям живется привольно и хорошо.

ГЛАВА 8

НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ МОЛОДЕЖИ

Поставьте перед собой цель и измените свою жизнь

При встрече с новым человеком нам всегда интересно, кто он и чем занимается. Точно такой же интерес к людям чувствует и Бог. Особенно Его интересует молодежь; как же Он радуется, ближе узнавая молодых юношей и девушек! Почему так происходит? Дело в том, что молодость — это самый важный и прекрасный период в нашей жизни. Время, когда человек готовится к будущему, должно быть проникнуто спокойствием и порядком. Этот процесс роста и взросления становится для нас фундаментом, открывающим путь в новую эпоху.

В наше время очень редко встретишь молодых людей, которые бы с пылом и страстью относились к своей жизни. Слишком многие из них бесцельно слоняются вокруг да около, не представляя, зачем они живут и что их ждет впереди. Однако все величайшие деятели истории с самого рождения имели четко определенную цель. Они с детства лелеяли эту мечту в своем сердце и прилагали максимум усилий для ее осуществления. И во сне, и в играх с друзьями — каждый момент своей юности они посвящали подготовке к будущему, которое ждало их впереди. А вы так же относитесь к своей жизни?

Все мы были созданы для того, чтобы стать великими. Бог послал в мир каждого из нас с определенной целью. Создавая нас, Он вложил всю Свою любовь до капли в каждого человека. Поэтому все мы созданы для великих свершений. Бог действительно существует, и поэтому мы можем все.

Когда во мне пробудилась любовь к Богу, я стал совершенно другим. Я стал любить человечество больше, чем самого себя, и понял, что меня гораздо сильнее волнуют проблемы других людей, чем проблемы собственной семьи. Я полюбил все творение Бога — и деревья на вершинах гор, и рыб в глубинах вод. Мои духовные чувства так обострились, что я научился видеть тончайшую ручную работу Бога во всем, что меня окружало.

Когда я, желая достойно следовать Божьей любви, стал менять отношение к жизни, я начал тренировать свое тело, чтобы должным образом выполнять свою миссию. Я хотел быть готовым отправиться куда и когда угодно, стоит лишь Богу призвать меня. Я стал играть в футбол, заниматься боксом и некоторыми традиционными видами корейских боевых искусств, а также вонхвадо — еще одним видом боевых искусств, разработанным лично мной. В вонхвадо движения спортсмена мягкие и округлые, почти как в танце. В основе этого вида боевых искусств лежит понимание того, что в круговом движении кроется куда больше силы, нежели в движении по прямой.

Даже сейчас я каждое утро начинаю с упражнений на растяжку для мышц и суставов, а также с дыхательной гимнастики, которую я сам изобрел. Иногда во время длительных путешествий по миру или турне с выступлениями у меня не хватает времени на утреннюю зарядку, однако я все равно стараюсь выкроить минутку-другую для упражнений — хотя бы сидя в туалете! Я еще не пропустил ни дня тренировок. Когда я был моложе, мне хватало и тридцати минут в день, но теперь, став старше, я увеличил время занятий до часа.

В 2008 году я пережил крушение вертолета. Наш вертолет внезапно окружила плотная пелена дождевых туч, и в тот же миг мы врезались в горный склон. Кабина перевернулась, и я повис вниз головой, пристегнутый к креслу ремнем безопасности. Мои руки инстинктивно ухватились за подлокотники, и если бы не регулярные тренировки, я, скорее всего, сломал бы ногу в момент переворота. Воистину, в здоровом теле — здоровый дух, и нам очень важно серьезно относиться к физической тренировке.

Редко кто из школьников ходит в школу потому, что сильно рвется к учебе. Обычно дети идут учиться по воле родителей, а не из-за пробудившегося интереса к знаниям. Однако со временем школьникам начинает нравиться учеба, и с этого момента они учатся самостоятельно и с желанием, находя в учебе то, что для них интереснее всего. Появление личной заинтересованности в обучении — это и есть признак взросления.

Но родители не могут ждать, пока их чадо достаточно повзрослеет и само захочет учиться. Они говорят ему: «Ты должен учиться! Пожалуйста, настройся на учебу» — и заставляют его отнестись к учебе серьезнее. Родители поступают так потому, что знают, сколь важно их ребенку учиться, чтобы подготовиться к будущему. Они переживают, что если ребенок не займется учебой в определенном возрасте, он не сможет подготовиться к тому, что ждет его в жизни.

Однако в процессе подготовки к будущему есть вещи куда более важные, чем учеба. Перед тем как всецело погрузиться в науки, молодым людям необходимо понять, чему они хотели бы посвятить свою жизнь. Они должны исполнить решимости направить свои таланты на помощь миру, а не на удовлетворение собственных нужд. Слишком многие молодые люди в наше время, как мне кажется, учатся лишь для того, чтобы просто получить образование. Но ведь пока у вас в жизни не появится конкретной цели, вашей учебе будет не хватать страсти, которая так нужна человеку для счастья.

Однажды я беседовал с одним корейским студентом, который усердно изучал английский язык, и спросил его:

— Зачем ты так стараешься и учишь английский?

— Чтобы поступить в университет, — ответил он.

Ну что за глупость, а? Ведь поступление в университет — это же не цель! Университет предназначен для того, чтобы студент мог изучить в нем конкретные дисциплины на пути к гораздо более высокой цели. Сам университет не может быть целью!

Также нельзя ставить перед собой цель в расчете на то, сколько денег вы хотели бы заработать. Я никогда не получал зарплату, однако мне всегда было что поесть, и я пока еще не умер с голоду. Деньги — это средство для того, чтобы сделать что-то, а не самоцель. Прежде чем заработать их, составьте план, на что вы хотели бы их потратить. Деньги, заработанные без конкретной цели, очень быстро разлетятся впустую.

Выбирая будущую профессию, не руководствуйтесь только своими талантами и предпочтениями. Конечно, вы можете стать кем угодно — хоть пожарником, хоть даже фермером или футболистом; вы сами решаете, какой путь вам избрать. Я имею в виду немного другое. Какой образ жизни вы будете вести, став футболистом? Как вы будете жить, если станете фермером? Какова будет ваша цель в жизни?

Поставить перед собой цель — значит придать смысл своей будущей жизни. Если вы хотите стать фермером, значит, ваша цель — изучение новых методов ведения сельского хозяйства и выращивание лучших сортов урожая, чтобы решить проблему голода в мире. Если же вы собираетесь стать футболистом, значит, вам и здесь нужна масштабная цель — повысить престиж своей страны в глазах всего мира или организовать футбольные клубы, чтобы помочь детям из малоимущих семей воплотить свои мечты.

Чтобы стать футболистом мирового класса, нужно очень усердно трудиться, не жалея себя. Однако если у вас нет ясной цели, вам не выдержать изматывающих тренировок на пути к вершине. Только имея перед собой четкую цель, вы обретете силу пройти весь путь до конца и сможете добиться гораздо большего, чем окружающие вас люди.

Способность охватить весь мир

Ставить цель в жизни — все равно, что сажать деревья. Если вы посадите у себя во дворе финиковую пальму, у вас дома всегда будут финики, а если посадите на холме за домом несколько яблонь, у вас всегда будет много яблок. Хорошенько подумайте о том, какую цель выбрать и куда ее «посадить». В зависимости от выбора цели и места применения этой цели вы можете стать финиковой пальмой в Сеуле или яблоней в Африке. Или вы станете пальмой на юге Тихого океана? Цель, которую вы сейчас «сажаете», в будущем принесет плоды. Подумайте как следует, куда лучше всего высадить свою цель, чтобы она принесла самые лучшие плоды.

Выбирая цель, руководствуйтесь в своем решении нуждами всего мира. Вспомните об Африке, жители которой до сих пор страдают от нищеты и болезней. Вспомните об Израиле и Палестине, где люди все еще нацеливают друг на друга оружие и ведут войны на религиозной почве. Вспомните и об Афганистане, где люди выращивают мак для тяжелых наркотиков только лишь для того, чтобы не умереть с голоду, и о США, которые загнали в тупик мировую экономику из-за своей неумеренной алчности и эгоизма. И вспомните Индонезию, Гаити и Чили — страны, которые то затапливает, то разрушает бесконечными землетрясениями. Представьте себя в каждой из этих стран и подумайте, где вы лучше всего смогли бы приложить свои усилия и таланты. Может, это будет Индия, где вот-вот вспыхнет новый межрелигиозный конфликт, или Руанда, погибающая от засухи и голода?

Ставя перед собой цели, студенты не должны быть настолько глупы, чтобы думать, что если их страна маленькая — такая как Корея, — она не заслуживает того, чтобы связывать с ней свои мечты и надежды. В зависимости от того, что вы собираетесь делать, самая крохотная страна может стать для вас невероятно большой, и ее границы станут просто необозримыми. Где бы вы ни творили добро — в бескрайней Африке или в крохотной Корее, — в любом случае, размеры страны не должны ограничивать вашу цель. Ставьте цель в зависимости от того, где будут лучше всего применимы ваши таланты.

Итак, принимая решение о том, чем бы вы хотели заняться в жизни, имейте в виду, что в вашем распоряжении весь мир. И тогда перед вами откроется гораздо больше возможностей, о которых вы не могли и мечтать. Жизнь дается только раз — так используйте ее для свершений, в которых нуждается мир! Вы не сможете заполучить сокровища, спрятанные на далеком острове, если не отважитесь на приключения, поэтому, ставя перед собою цель, постарайтесь выйти за рамки своей страны и представить, что перед вами — весь мир.

В восьмидесятые годы я посылал многих корейских студентов в Японию и США. Я хотел, чтобы они уехали из Кореи, где почти ежедневно взрывались баллоны со слезоточивым газом, и увидели, как велик и огромен этот мир и сколько в нем сокрыто возможностей. Ведь лягушка, живущая на дне колодца, даже и не догадывается о том, что за пределами колодца существует целый мир.

Я начал глобально мыслить еще до того, как слово «глобальный» впервые появилось в корейском языке, и отправился учиться в Японию, чтобы повидать мир. Я собирался устроиться на работу в компанию «Маньчжурия Электрик» в китайском городе Хейлар, а также выучить китайский, русский и монгольский языки еще до освобождения Кореи, чтобы стать гражданином мира. Даже сейчас я продолжаю облетать на самолете самые дальние уголки Земли. Если бы я каждый день переезжал в новую страну, на посещение всех стран мира у меня ушло бы более шести месяцев.

Во всех этих странах живут люди, и у каждого человека имеются свои жизненные обстоятельства. В какой-то стране не хватает воды, чтобы готовить пищу, а в другой стране, наоборот, воды слишком много. В каких-то странах нет электричества, в то время как другие страны не в силах использовать всю производимую ими энергию. На свете есть множество примеров того, как нехватка чего-либо в одном месте сочетается с переизбытком того же самого в другом. Все дело в том, что слишком малое число людей заинтересовано в справедливом и равномерном распределении ресурсов.

То же самое касается и сырья. В некоторых странах изобильные россыпи угля и железной руды образуют на поверхности целые горы, и людям даже не приходится копать землю. Все, что им нужно — это просто сгребать сырье экскаватором прямо с гор. Но в той же Корее запасы угля и руды ничтожно малы, поэтому ради их добычи людям приходится с риском для жизни спускаться на тысячи футов под землю.

Во многих странах Африки в изобилии растут бананы, которые могли бы спасти людей от голода. Однако во всех этих странах наблюдается сильнейшая нехватка технологий и отсутствие плодородных земель, что не дает возможности выращивать бананы повсеместно. С другой стороны, климат в Корее не подходит для выращивания

бананов, и все же мы их выращиваем. Наши технологии могли бы помочь решить проблему нищеты в Африке, так же как южнокорейские технологии выращивания зерна когда-то помогли решить проблему голода в Северной Корее.

Выражение «глобальный лидер» стало в Корее очень популярным. Люди хотят профессионально изучать английский, чтобы стать глобальными лидерами. Однако для того, чтобы стать глобальным лидером, одного свободного владения английским недостаточно. Способность бегло изъясняться по-английски — это всего лишь средство, своего рода инструмент. Настоящий глобальный лидер — это человек, способный заключить в свои объятия весь мир. Тот же, кого не волнуют проблемы мира, не сможет стать глобальным лидером, как бы свободно он ни владел английским языком.

Чтобы стать лидером глобального уровня, человек должен относиться к мировым проблемам как к своим собственным, да еще и обладать духом первооткрывателя, без которого не найти решения в трудной ситуации. Тот же, кто слишком привык к гарантированному и постоянному доходу и кто мечтает о том, чтобы после выхода на пенсию вести спокойную и размеренную семейную жизнь, не сможет стать глобальным лидером. Им станет лишь тот, кто считает весь мир своей родиной, а все человечество — своими братьями и сестрами, и кто не слишком-то переживает о том, что ждет его в будущем.

Кто же это такие — братья и сестры? И почему Бог дарует их нам? Наши братья и сестры представляют собой всех людей, живущих в мире. Окружая любовью родных братьев и сестер в своей семье, мы учимся любить и наших сограждан, и все человечество. Таким образом наша любовь к братьям и сестрам расширяется и выходит на новый уровень. Семья, члены которой любят друг друга, — это модель общества, где все люди живут в единстве и гармонии. Любовь между братьями и сестрами — это когда ты готов добровольно голодать, если нужно, чтобы твой брат или сестра могли поесть. И глобальный лидер — это тот, кто любит все человечество как членов своей собственной семьи.

Кажется, мы совсем недавно впервые услышали такое понятие, как «глобальная деревня». Однако наш мир всегда был довольно тесен. Если человек мечтает лишь о том, как бы окончить университет, найти высокооплачиваемую работу и вести тихую и размеренную жизнь, тогда все его достижения в жизни будут мелкими и попросту сущими. Но если он посвятит свою жизнь помощи беженцам в Африке, его ждет по-настоящему львиный успех. Путь, который выбирает человек, зависит от уровня развития его сердца.

Мне уже девяносто, но я все еще продолжаю колесить по миру и не собираюсь отказываться от своей миссии. Мир похож на живой организм, который постоянно меняется. То и дело возникают все новые и новые проблемы, и я отправляюсь в самые дальние уголки земного шара прямо им навстречу. В таких местах нет ни восхитительных пейзажей, ни комфортабельных условий, но я чувствую себя счастливым там, где мрачно, трудно и одиноко, ведь именно там моя миссия, моя цель и мое призвание.

Я надеюсь, что Корея даст миру лидеров глобального уровня в истинном смысле этого слова, и очень хочу стать свидетелем появления новых политических деятелей, которые помогут Организации Объединенных Наций достичь своей цели, а также талантливых дипломатов, чьи усилия помогут остановить войны в «горячих точках» планеты. Мне хотелось бы встретить таких людей, как мать Тереза, которые взяли бы под свое крыло всех, кто скитается без дома и умирает прямо на улице. Так хочется увидеть, как новые строители мира продолжат мою миссию и найдут новые решения мировых проблем как на суше, так и в океане.

Для начала нам нужны мечта и цель. И еще — готовность к приключениям и дух первооткрывателя. Дерзайте мечтать о том, о чем другие не могут и помыслить! Ставьте перед собой действительно значимые цели и становитесь глобальными лидерами, способными принести пользу человечеству.

Все, что у нас есть, одолжено Небесами

Люди называют меня одним из богатейших людей мира, но они даже не представляют, о чем говорят. Я трудился не покладая рук всю свою жизнь, но у меня нет даже дома, который принадлежал бы лично мне. Все, чем я располагаю, — это общественная собственность. Практически у каждого взрослого корейца есть своя фамильная печать, с помощью которой он подписывает официальные документы. У меня такой печати нет.

Вы можете спросить, какую выгоду я извлек из того, что недосыпал и недоедал, в то время как другие спали и ели вдоволь. Я трудился не ради того, чтобы разбогатеть. Деньги для меня не значат ровным счетом ничего. Если деньги используются не на благо человечества и не для помощи ближнему, умирающему в нищете, они ценны не более чем клочок бумаги. Деньги, заработанные усердным трудом, должны использоваться с любовью к миру и тратиться на то, что принесет благо всему миру.

Посылая миссионеров за границу, я не даю им с собой много денег. Тем не менее, они успешно выживают везде, куда бы их ни забросила судьба. Нам нужно совсем немного, чтобы обеспечить себя всем необходимым. Если есть спальный мешок, можно ночевать где угодно. Важно не то, в каких условиях мы живем, а то, чем наполнена наша жизнь. Богатство и достаток — это еще не гарантия счастья. И очень жаль, что фраза «хорошо жить» в наше время означает лишь материальное благополучие. В моем же понимании «хорошо жить» значит «наполнить свою жизнь смыслом».

Я надеваю галстук лишь на службы и официальные церемонии и очень редко ношу костюмы. Дома я вообще хожу в свитере. Могу лишь представить, сколько денег тратят на галстуки западные мужчины! Все эти булавки для галстуков, белоснежные сорочки и запонки — какие же они дорогие! Если бы люди перестали покупать галстуки и вместо этого отдали деньги своим братьям, умирающим от голода, наш мир стал бы чуточку лучше и светлее.

Всякие дорогие штучки — это отнюдь не предел мечтаний; мы вполне можем обойтись и без них. Представьте, если вдруг в доме начнется пожар. Кому удастся быстрее выбраться на улицу — мне в моем свитере или какому-нибудь щеголю с галстуком на шее? Я-то всегда готов выскочить наружу.

Возможно, некоторые считают меня чересчур экономным, но я не привык мыться каждый день и делаю это раз в три дня; мне этого вполне хватает. И носки я каждый день не стираю, а просто снимаю их вечером и кладу в задний карман, чтобы снова надеть на следующий день. Остановившись в гостинице, я использую лишь самое маленькое полотенце из всех предложенных и смываю за собой лишь после трехкратного посещения туалета по малой нужде. Мне вполне хватает одного куска туалетной бумаги — я просто складываю его пополам три раза, и все. И мне абсолютно все равно, кем вы меня назовете после этого — дикарем или просто невоспитанным человеком.

Я очень бережлив и во время еды. Меня не назовешь гурманом или ценителем изысканных блюд — передо мной на столе может оказаться целый ряд экзотических кушаний и десертов, но я даже не взгляну на них. И я не накладываю себе полную тарелку риса, мне вполне хватает и трех пятых.

Мои любимые ботинки стоят в Корее 49 000 вон (примерно 40 долларов) и продаются в больших и дешевых супермаркетах, а из своих повседневных брюк я не вылезая уже больше пяти лет. Когда я бываю в Америке, мне больше всего нравится есть в «Макдоналдсах». Некоторые считают, что «фаст фуд» — это вообще не еда, и не едят такое. Я же выбираю эту пищу по двум причинам: она дешева и экономит время. Когда мне хочется пойти в ресторан с кем-нибудь из детей, мы идем в «Макдоналдс». Я не представляю, откуда люди узнали о моей любви к «Макдоналдсу», но с некоторых пор глава этой корпорации шлет мне поздравительные открытки на каждый Новый год.

Каждый год я учу своих прихожан: «Будьте рачительны в трате денег и бережливы во всем». Я говорю это не для того, чтобы они копили деньги и богатели. Мне хочется

воспитать в людях бережливость и сознательность — качества, которые помогут им поддержать свою страну и спасти человечество. Ведь мы ничего не сможем взять с собой, когда придет наш черед умирать. Все это знают, и, тем не менее, почему-то каждый отчаянно рвется прибрать к рукам как можно больше ценных вещей. Я же хочу перед уходом из этого мира раздать другим все, чего достиг за свою жизнь. В Царстве Небесном полно сокровищ, и брать с собой что-то с земли нет никакой необходимости. Когда мы поймем, что нам предстоит отправиться в гораздо лучший мир, чем тот, в котором мы живем, у нас исчезнет всякая привязанность к каким-либо земным вещам.

Есть одна песенка, которую я очень люблю напевать. Это очень старая и известная песня, знакомая многим корейцам. Стоит мне ее напеть, как я тут же успокаиваюсь и даже могу всплакнуть... Песня напоминает мне о том, как еще мальчишкой я любил лежать на лугу рядом с домом:

Говоришь, что подаришь мне жемчужно-платиновую корону?

Но мне больше пойдет рубаха, пропитанная грязью и потом.

Мое сердце исполнилось чистоты и сердечности,

И я сорву веточку ивы и сделаю свирель,

Под которую защебечут все окрестные воробьи.

Говоришь, что осыплешь меня золотом, на которое можно купить весь мир?

Но мне хватит и одного быка, чтобы вспахать поле под ячмень.

В моей душе проклюнутся ростки надежды,

И я буду непринужденно болтать с кроликами

И играть на свирели, под звуки которой будет проходить день за днем.

Счастье всегда поджидает нас где-то неподалеку. Мы никак не можем стать счастливыми из-за собственных желаний, преграждающих путь к счастью. Пока взгляд сосредоточен на этих желаниях, мы не можем разглядеть путь, открывшийся перед нами. Мы так поглощены поисками крупинки золота под ногами, что не замечаем огромной кучи золота, лежащей прямо у нас на дороге. Мы остервенело рассовываем эти крупинки по карманам, даже не догадываясь, что карманы-то дырявые!

Я еще не забыл, каково это — жить в тюрьме Хыннам. Самое ужасное место на земле по сравнению с этой тюрьмой покажется удивительно комфортным и даже роскошным. Так что все, что мы имеем, принадлежит Небесам. А мы — лишь временные хранители.

Счастье — это жизнь, прожитая ради других

Дети рождаются из плоти и крови своих родителей. Без родителей не было бы и детей. Однако люди в нашем мире стоят горой за индивидуализм, словно они появились на свет сами по себе. Лишь тот, кто ни разу в жизни не получал никакой помощи ни от кого, имеет право ратовать за индивидуализм. В нашем мире ничто не появляется на свет только лишь ради себя. Все сотворенные существа созданы друг ради друга. Я существую ради вас, а вы — ради меня.

Нет больших глупцов, чем эгоисты, живущие только ради себя. Может показаться, что жить ради себя выгодно, однако в конечном итоге такая жизнь ведет к саморазрушению. Человек должен жить ради своей семьи, семья — ради страны, страна — ради всего мира, а мир — ради Бога.

Во всех учебных заведениях, основанных мной, есть три девиза. Первый гласит: «Живите так, чтобы не отбрасывать тени, словно под полуденным солнцем». Жить, не отбрасывая тени, — это значит жить с чистой совестью.

Когда наша земная жизнь подойдет к концу и мы окажемся в духовном мире, вся жизнь пронесется перед нами в один миг, словно на видеопленке. Куда мы отправимся, на Небеса или в ад, зависит от того, как мы жили, поэтому наша жизнь должна быть незапятнанной и чистой, без малейшей тени.

Второй девиз — «Живи, проливая пот за землю, слезы за человечество и кровь за Небеса». В крови, поте и слезах, пролитых людьми, нет ни капли фальши. Они — настоящие. Однако если человек проливает кровь, пот и слезы ради самого себя, в них нет особого смысла. Этот великий вклад должен быть сделан ради блага других.

И третий девиз — «Единая семья под Богом!». Есть лишь один Бог, и все люди — братья и сестры. Языковые, расовые и культурные различия составляют менее одного процента. Мы, люди, более чем на 99% схожи между собой.

В южной части Тихого океана есть четырнадцать островных государств. Когда я был на Маршалловых островах, я спросил президента:

— Ваша страна очень красива, но вам, должно быть, непросто управлять ею, не так ли?

Президент, вздохнув, ответил:

— Наше население составляет всего шестьдесят тысяч, и наши земли расположены в среднем всего на два метра выше уровня моря. Поэтому любая волна метровой высоты может затопить большую часть страны. Тем не менее, наша самая острая проблема — это образование. Дети из богатых семей уезжают на учебу в Америку или Европу и не возвращаются назад. А для детей из бедных семей у нас просто нет школ, где они могли бы получить хорошее образование, поэтому даже самые способные дети не могут выучиться, выйти в люди и стать лидерами в нашем обществе. Основная проблема островных государств — таких как наше, — заключается в том, что у нас нет возможности воспитать лидеров, которые возглавят страну в будущем.

Выслушав озабоченность президента, я вскоре открыл «Тихоокеанскую среднюю школу» в Кона на Гавайях для детей из островных государств. Эта школа дает среднее образование детям из различных островных государств с возможностью позднее поступить в колледж. Мы оплачиваем авиабилеты в обе стороны, обучение и питание и предоставляем компьютеры, чтобы дети могли получить самое лучшее образование. Перед детьми из островных государств мы ставим лишь одно условие: как только они закончат учебу, они должны будут вернуться в свои страны и трудиться там, служа своей стране и своему народу.

Жизнь ради блага других порой требует от нас идти на жертвы. Несколько лет назад один из миссионеров нашей Церкви путешествовал по Южной Америке, и в это же время в районе, в котором он находился, произошло мощное землетрясение. Жена этого миссионера прибежала ко мне, бледная, как простыня.

— Что мне делать? — рыдала она. — Я так переживаю! Я просто не знаю, что делать...

Как вы думаете, что я ответил? Вместо того чтобы похлопать ее по плечу и утешить, я накричал на нее:

— Тебя больше всего волнует безопасность мужа? Или ты беспокоишься о том, сколько жизней он может спасти в том районе бедствия?

Для нее было совершенно естественно переживать, все ли у мужа хорошо. Однако ее, как жену миссионера, должны были заботить вещи более высокого порядка. Вместо того чтобы молиться исключительно о его безопасности, она должна была молиться о том, чтобы ее муж мог спасти как можно больше жизней.

Ничто в нашем мире не существует ради собственного блага. Бог не по этому принципу создал наш мир. Мужчина существует ради женщины, а женщина — ради мужчины. Природа существует ради человека, а человек — ради природы. Все сотворенные существа в нашем мире живут ради своих партнеров, с которыми они взаимодействуют. Это аксиома Небес: все, что есть в нашем мире, существует ради блага партнера.

Счастье возможно лишь во взаимоотношениях с партнером. Представьте себе человека, который всю жизнь был певцом и вдруг оказался на необитаемом острове. Он будет петь там во весь голос, но если вокруг нет ни единого слушателя, он не будет счастлив.

Поэтому осознание того, что мы существуем ради блага других, — это огромное достижение, способное изменить нашу жизнь. Когда мы понимаем, что наша жизнь принадлежит не только нам и должна быть прожита ради других, мы выбираем совсем другой путь, отличный от того, по которому шли до сих пор.

Как пение в одиночестве не делает вас счастливыми, так и вы не достигнете счастья в одиночку, без партнера. Даже самый маленький и незначительный поступок может принести вам счастье, если вы посвятили его другому человеку.

Мечта о бесконфликтном мире

На протяжении многих лет я выступал с призывами к миру, где все религии гармонично сосуществуют, где люди всех рас живут как одна семья и где все народы живут в единстве. Тем не менее, за тысячи лет история видела лишь непрекращающийся процесс все большего разобщения людей. Каждый раз при зарождении новой религии или приходе к власти нового режима между государствами вырастали новые границы или вспыхивали войны. Однако сейчас мы живем в эпоху глобализации, и ради будущего нам обязательно нужно объединиться.

Именно ради этой цели я предложил построить Международное шоссе мира — грандиозный проект, который соединит Корею с Японией посредством подводного туннеля. В этот проект также входит строительство моста или туннеля через Берингов пролив, разделяющий Россию и Северную Америку. Эти международные шоссе помогут объединить наш мир. Когда они будут построены, вы сможете проехать на машине от африканского мыса Доброй Надежды до чилийского Сантьяго и от Лондона до Нью-Йорка. На этом пути не будет никаких преград: весь мир будет связан между собой подобно системе кровеносных сосудов.

Наш мир станет единым сообществом, где люди смогут свободно путешествовать по разным странам без всяких границ. Границы, сквозь которые может свободно проехать кто угодно, потеряют всякий смысл. Нечто подобное произойдет и с религиями. По мере увеличения взаимообмена между религиями улучшится и взаимопонимание между ними, все конфликты прекратятся и все разделяющие их барьеры просто рухнут.

Когда самые разные люди будут жить вместе как единое сообщество, границы между расами также исчезнут. Люди всех рас будут строить взаимоотношения, несмотря на языковые и внешние различия, и эта культурная революция поможет миру объединиться.

Великий шелковый путь был не только торговым маршрутом для людей, продававших шелк и покупавших пряности. Этот путь служил средством общения для народов Востока и Запада и помогал сближению буддизма, ислама и христианства. Все эти культуры смешались и дали рождение новой культуре. Международное шоссе мира сыграет в XXI веке такую же роль.

Рим достиг процветания благодаря тому, что «все дороги ведут в Рим». Эта поговорка свидетельствует о важности дорог. Если дорога построена, люди начинают по ней путешествовать. Дороги нужны для распространения культур и идеологий. Вот почему строительство дорог меняет ход истории. Когда строительство Международного шоссе мира будет завершено, мир физически объединится и станет единым целым: именно дорога поможет нам в этом.

Невозможно переоценить важность объединения мира. Кто-то может подумать, что эта идея бежит впереди эпохи, однако религиозные люди способны предвидеть будущее и начинают заблаговременно готовиться к нему. Поэтому вполне естественно, что мы опережаем время. Возможно, мир не всегда понимает нас и порой вынуждает нас страдать, однако верующие люди должны стойко переносить трудности и открывать путь в будущее.

Для строительства Международного шоссе мира потребуются сотрудничество многих стран. Китаю, который когда-то стал жертвой японской агрессии, может не понравиться идея соединения с Японией с помощью автострады. Тем не менее, Япония и Корея не смогут соединиться с другими странами, минуя Китай, поэтому нам необходимо приложить усилия, чтобы завоевать доверие Китая.

Кто этим займется? Те из нас, кто примет на себя духовную ответственность за строительство Международного шоссе мира в XXI веке, должны будут взять на себя и ведущую роль в этих усилиях.

А как насчет проекта моста через Берингов пролив? Он обойдется нам в астрономическую денежную сумму, но об этом не стоит беспокоиться. Того количества денег, которые Соединенные Штаты потратили на войну в Ираке, с лихвой хватило бы на строительство моста. Мы должны остановить войны, из-за которых гибнут и страдают люди. Бессмысленно разжигать войны и выбрасывать на ветер триллионы долларов. Настало время перековать мечи на орала, а копья — на серпы.

Международное шоссе мира — это возможность объединить мир в единое сообщество. Объединение — это нечто большее, чем просто связь между континентами с помощью мостов и туннелей. Это означает утверждение единого уровня жизни для всех людей. Если какая-то страна монополизировала свои технологии и забирает себе всю прибыль от их использования, мировой баланс нарушается.

Международное шоссе мира призвано изменить нынешнее неравенство, открыв доступ к существующим природным и людским ресурсам, и благодаря этому добиться единого для всех уровня благосостояния. Единый уровень благосостояния означает, что часть богатств состоятельных государств будет передана бедным странам, чтобы их благосостояние выровнялось. Это потребует определенных жертв со стороны стран, располагающих большими материальными благами или знаниями. Построение мира на земле невозможно с помощью одних лишь благотворительных акций или единовременных пожертвований. Только искренний вклад любви, когда человек готов непрестанно жертвовать собой, способен служить построению мира на земле. Мы должны быть готовы отдать все, что у нас есть.

Строительство Международного шоссе мира — это нечто большее, чем просто обеспечение мира физическими средствами коммуникации. Люди были созданы с тем, чтобы их душа и тело пребывали в единстве. То же касается и мира, в котором мы живем. Мир сможет полностью объединиться лишь тогда, когда наряду с физическими средствами коммуникации объединятся и сердца всех людей.

По этой причине я много лет назад задумал реформирование и обновление Организации Объединенных Наций. Да, эта организация внесла очень важный вклад в дело мира, и все корейцы благодарны ей за то, что во время Корейской войны она трудилась ради сохранения нашей свободы. Однако сейчас, спустя более шестидесяти лет после своего основания, ООН, кажется, вот-вот утратит свою первоначальную цель и станет организацией, поддерживающей интересы лишь нескольких влиятельных стран.

В 2005 году в Нью-Йорке я основал Федерацию за всеобщий мир и сразу же после этого отправился в мировое турне по сотне городов, чтобы донести до людей послание мира о будущем для ООН и всей земли. Организация Объединенных Наций была создана для того, чтобы разрешать конфликты, возникающие в мире, поэтому она должна ставить интересы всего мира выше интересов той или иной стороны. Когда могущественное государство настаивает на своих собственных интересах, да еще и использует для их достижения военную мощь, это лишь усугубляет конфликт. К сожалению, современная ООН оказалась не в состоянии что-либо сделать в данной ситуации.

Именно поэтому я предложил реорганизовать ООН как двухпалатную структуру, состоящую из верхней и нижней палат. В дополнение к Генеральной Ассамблее должна появиться религиозная, или культурная, ассамблея или совет. В эту организацию войдут крупнейшие духовные лидеры и деятели из сфер религии, культуры и образования. Членам этой Межрелигиозной Ассамблеи предстоит выйти за рамки интересов отдельных религий и культур и высказаться в защиту духовных и нравственных ценностей всего человечества. Я уверен, что эти две палаты, сотрудничая друг с другом и проявляя взаимное уважение, смогут реально приблизить построение всеобщего мира на земле.

Кое-кто может возразить против этого — мол, зачем нужно вовлекать верующих людей в мировые проблемы? Однако сейчас в нашем мире наступила эпоха, когда

участие верующих людей, достигших глубокого самосознания благодаря религиозной практике, становится критически важным.

Именно искренне верующие люди могут встать на борьбу с несправедливостью и злом, воплощая в жизнь истинную любовь. Лишь в том случае, если знания и опыт политических лидеров соединятся с мудростью межрелигиозных лидеров, человечество сможет найти путь к истинному миру.

Каждый день я снова и снова иду вперед с обновленной решимостью достичь этой цели. Я молюсь о том, чтобы каждый житель Земли смог возродиться, выйти за рамки религий, идеологий и рас и стать «человеком планеты, любящим мир».

Примечания

[1] Бушель — английская мера объема жидкостей и сыпучих веществ, приблизительно равная 35–36 литрам.

[2] Ондоль — традиционная система обогрева домов в Корее. Ее особенностью является то, что источник тепла находится под полом.

[3] Вона — корейская денежная единица.

[4] «Сан Го Чжи» — популярный роман о трех царствах в классической китайской истории.

[5] Кочхуджан — острая паста из красного перца.

[6] Сымпаги — растение, чьи корни и листья корейцы используют в пищу.

[7] Катакана и хирагана — два алфавита в письменном японском языке.

[8] Чон — мелкая разменная монета в Корее.

[9] Парамток — буквально «воздушный рисовый пирог».

[10] «Конрон Мару» — японское грузопассажирское судно, двухпалубный железнодорожный паром водоизмещением 7908 тонн, перевозивший железнодорожные составы из Японии в Корею.

[11] Тхэгукки — государственный флаг Республики Корея.

[12] Хванхе — селение севернее Сеула и южнее 38 параллели.

[13] Мансудэ — центральная площадь Пхеньяна.

[14] «5» по-корейски «о», «9» — «гу», а «6» — «рюк».

[15] Волли Вонбон — самый первый текст Божественного Принципа.

[16] Кимчхи — капуста, квашенная с красным перцем и другими приправами. Одно из главных блюд корейской кухни.

[17] Ханбок — нарядная национальная корейская одежда.

[18] Строганина — настроганная тонкими ломтиками мороженая рыба.

[19] «Moscow» — англ. «Москва», «must go» — англ. «должен идти».

[20] Пульгоги — изумительно приправленная жареная говядина.

[21] Чапче — блюдо из лапши с овощами.

[22] Сучонгва — сладкий освежающий напиток из хурмы.

[23] Мун чхондже — уважительное обращение к почетному гостю, отличное от обращения к президенту страны (Ким чусок — президент Ким).

[24] Учрежденный преподобным Мун Сон Мёном в 2003 году турнир Кубка мира (Peace Cup) не следует путать с Кубком мира (FIFA World Cup).

УДК 223

ББК 83.33

M90

Книга на корейском языке: Изд-во «Ким Ён Са», Республика Корея, март 2009 г., ISBN 978-89-349-3375-5 03810

Reverend Sun Myung Moon — As a Peace-Loving Global Citizen

Издание на английском языке: фонд «Вашингтон Таймс», США, май 2010 г., ISBN 978-1-930549-45-8

Перевод с английского

Публикуется с разрешения автора и The Washington Times Foundation

Мун Сон Мён

«Человек планеты, любящий мир».

Преподобный Мун Сон Мён. Автобиография».

М.: Московский печатный двор, 2010 — 356 с.: ил.

ISBN 978-5-4253-0047-8

Все права защищены. Воспроизведение, хранение в информационно-поисковых системах или передача в любой форме или любыми средствами, включая электронные и механические, путем фотокопирования, записи или иными средствами любой части этой книги без предварительного письменного разрешения правообладателя запрещено.

© Мун Сон Мён, 2009.

© The Washington Times Foundation, 2010.

© ФСЕММ России, перевод на русский язык, 2010.